

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Bac.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

• Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.

Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

• Не отиравляйте автоматические заиросы.

Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

• Не удаляйте атрибуты Google.

В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

• Делайте это законно.

Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + Keep it legal Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

manuest by Google

HARVARD COLLEGE LIBRARY

.

ТЕМНИ МЪСТЦЯ

Jubo

ВЪ

"CIOB& O IIIPRA NLOBER,

пояснивъ

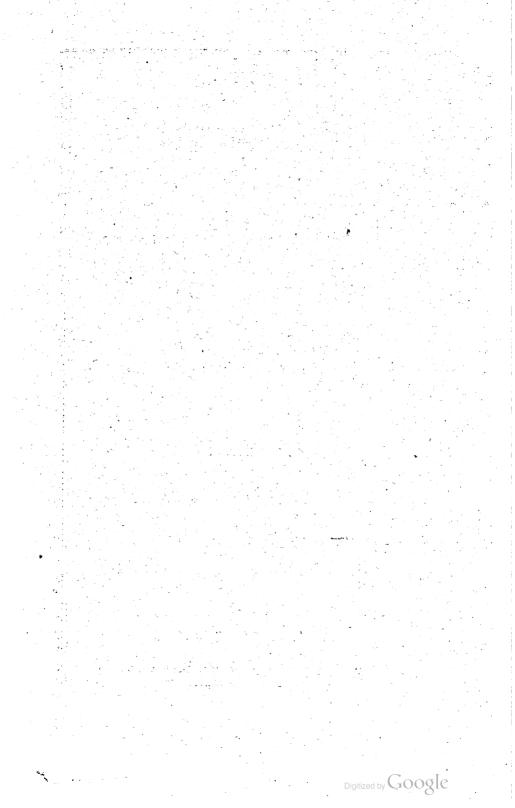
м. Партыцкій.

часть перша.

Цвна I зр. 40 кр. а. в.

У АЬВОВЪ, 1883.

Въ друкарив Товариства им. Шевченка, nôds зарядомъ К. Беднарского.

ТЕМНЙ МЪСТЦЯ

ВЪ

"CIOB& O HIJBKY NTOPEB&"

пояснивъ

Ом. ПАРТЫЦКІЙ. PARTITSKII N TEMNY MESTICIA LCNC // Передрукъ зъ "Зоръ". }---

У ЛЬВОВЪ, 1883.

Зъ друкарнъ Товариства им. Шевченка, подъ зарядожь К. Беднарского.

27222. 16. 200

. .

.

•

ŕ

До Читателъвъ.

Жадна може наукова розправа не появилась подъ такъ дивными обстановами, якъ тй мон критична уваги надъ Словомъ о полку Игоревомъ. Я въ цёло́мъ своёмъ житю нёколи тымъ старорускимъ поематомъ не занимавъ ся, нёякихъ студій надъ нимъ не робивъ и навёть, будучи еще учителемъ гимназіяльнымъ, нёколи его не учивъ. Еще на лавкахъ школьныхъ зразили мене дивачна коментарё до ро́жнородныхъ темныхъ мёстць того поемату и я вже тогды и до поемату и до интерпрето́въ почувъ якусь невыясниму и доси неохоту.

Сего року будучи колька тыждивь въ Хорвации, недалеко Загребу, я старавъ ся познати хорватско-сербску бесёду в жите тамошного селяньства. Зъ давна почувавъ я велику симпатію до того побратного народу, тымъ больше, що онъ, по свёдоцтву исторіи, выйшовъ зъ нашого краю, зъ прикарнатскихъ сторонъ, а тое почуте колишнои родовости не выгасло у него и до нынё*). Отъ и замётивъ я въ хорватсковъ языцё неодно, що нынё на нашой Руси вже вымерло, але находить ся въ старорускихъ творахъ письменныхъ. Выраженя, якъ ożdrelje (ожрѣле), czil (чилый), żestok (-горячій), пригадаля менъ давно забуте Слово о цолку Игоревомъ и поддали гадку, выяснити за ихъ помочею бодай гдеяка мъстця староруского поемату. Однакъ я не мавъ тогды подъ рукою текоту Слова и муствъ свою дунку одложити ажь до конця вакацій, коли прибду назаль ло Львова.

^{*)} До исторія выходу Хорватовъ и Сербовъ зъ нашого краю зобравъ я цвкава матеріялы, котра помъщу въ слёдуючомъ рочинку "Зорв".

Розправа моя була обчиолена на два числа "Зоръ", тымчасомъ въ другой половинъ Вересня при читаню Слова о полку Игоревомъ наткнувъ ся я на выражене "красным готскым Дъквы" и ту одкрывъ ся менъ въ поематъ цълый, доси нъкямъ незамъченый свътъ повночнои митология. Дикъ, Дъквы, Коусъ, Беледы — все то стануло въ великихъ образахъ передъ душею и я не сомнъвавъ ся о правдъ першихъ вражений. Большого заходу и працъ стояли мене досяъды про Умри, про Трояна и про славяньску митологию, бо признаюсь, що готового материялу на той тематъ въ литературахъ незмърно скупо и треба було часто самому робити окрема студи на томъ поли.

Вже подчасъ публикацие сихъ артикуловъ въ "Зори" зъ двохъ сторонъ зроблено менъ догану, що я своими заиётками хочь и высоко подношу вартость Слова, але роблю немалу прислугу — Нёмцямъ! Выгодна то, признаюсь, критика, але щожь въ конци доводитъ? Въ нашомъ старорускоть поежать выступають два народы, а кождый подъ охороною своихъ боговъ — чижь въ томъ для науки и для народу нашого есть яка шкода? Чижь Русь тратить що на тоять, если познасть ближше религию першихъ рускихъ князёвъ и ихъ дружины? Я впрочёмъ зъ давнои вёры Славянъ далеко больше однайшовъ въ Словв, нёжь вов интерпреты разовъ взятй. Доси нёкто не выяснявъ такъ важныхъ подъ взглядомъ митологичнымъ выражевій, якъ Донъ кличеть, Авнин на Доунан, прысноу море и т. д.; нъкто не выяснивъ тыхъ цапоротей-тализмановъ, що находились иодъ шоломами двохъ рускихъ князввъ; нъкто не выяснивъ того другого тёла, що носивъ князь Воеславъ на собъ. - а се предсъ не есть скандинавщина, лишь одвъчна славяньски върованя, доховани по-нынъ на Руси. Тай тін "сморци", що ратуютъ Игоря зъ неволъ, чей такожь взятй зъ повёрокъ Руси, бо духи и постати митологична Готовъ, одвётно до укладу цёлого поемату, не булибы прихильний рускому князеви.

И якажь корысть въ конца для молодежи, що она учитись буде всёлякого рода ложей про "славяньского" Дива, про "славяньского" Буса, про цёсаря "Траяна", про "кричачихъ въ Рамё Русиновъ", про готска "мёщанки" и т. д.? Або яка корысть буде зъ того, що станемо вынаходата якахсь новыхъ боговъ славяньскихъ, коли въ конци поганьска религія Русиновъ була въ сущности однобожою? Чи може однобожа религія соть щось нижшого одъ многобожои? Чи въ то̂мъ, що скандинавски боги бьютъ ся зъ собою, ведутъ жите змыслове, що гинутъ при пожарѣ свѣта, або що одного та другого бога ѣдятъ якйсь вовки, або що найвысшого бога Водана блювотину ласо пожираютъ мешканцѣ неба — чи въ то̂мъ ссть щось высшого о̂дъ религіи Славянъ? У насъ, на Руси, надаютъ тонъ въ митологіи не сиотемы боговъ, але той великаньскій овѣтъ воѣлякого рода духо́въ, свѣтъ чаро́въ и повѣрокъ, въ котрыхъ предоѣ дуже богато вмыслу, поезіи и красы.

Не хочу зовоёмъ твердити, якобы моя розправа уже вычерпала весь предметъ Слова. Я на иншомъ мъстци выразно замътивъ, що мы отоимо не на конци роботы, але въ самыхъ початкахъ. Я взявъ ся за найтяжши мъстця, але дробныхъ неясностей лешаесь еще досыть много.

Дотепервший интериреты не рвшили майже ивчого. Мы маемо досыть великихъ розмёровъ памятникъ постичный передъ собою, а нимо те укладу ритмичного поемату накто по розумному доси не розобравъ. Вст интерпреты кажутъ, що есть ритиъ въ поемать, що ухо той ритиъ чуе, а однакожь не умѣютъ его одшукати, бо — якъ кажутъ : "не знаемо правилъ давнои ритмики". Поематъ есть, ритмъ соть, а правилъ ритмики "не знасно!" Гдесь инши народы умёютъ все розобрати, умъютъ зъ даного матеріялу що треба высновати, ба въ новъйшихъ часахъ учени поодчитували рожни, зовсёмъ новя, нёкому незнаня, на тысячё и тысячё лёть сягаючй письма, а нашй интерпреты мають готовый матеріялъ, кажутъ, що соть въ нёмъ ритмъ, але "правилъ давноя ритмики не знасмо!" Чи може мавъ авторъ Слова тіи правила имъ посписувати и еще всюды нотовати, котра силяба наголошуесь а котра на, котра довга а котра коротка?

Окро́мъ ритму суть єще въ Словѣ и римы, — правда що не модерни римы, але годѣ 12-ый вѣкъ судити по́сля нынѣшнихъ понятій. Треба умѣти ритмы и римы найти и по̂сля нихъ порядковати цѣлый текотъ Слова.

А поручь эъ ритмикою иде одна незвычайном ваги справа. Якъ вёдомо, правила акценту старославяньского и староруского языка не суть знанй, бо не було въ старану акцентованыхъ книжскъ. Слово о полку Игорево́иъ есть едине жерело, зъ котрого, доходячи ритму, до́йти можна и правилъ акцентовыхъ, правилъ по́оля котрыхъ олова наголошувалясь и ово́й акцентъ змёняли. Ту булибы огромий корысти для науки въ загалѣ, а для исторіи нашого языка, для управильненя нашого выговору въ подробности.

Замѣчаю еще, що мы до нынѣ не посѣдаемо нѣ одного доброго перекладу Слова, нѣ россійского нѣ малоруского. Толкователѣ хочь и не дойшли старорускои ритмики, але повинна були бодай въ приближеню наслѣдовати ритмъ и римъ оригиналу, а не зъ воѣлякого рода свободами давати прозова переклады для ужитку загалу. Такъ нѣгде въ овѣтѣ не роблятъ и въ той спосо̀бъ не збудимо задоволеня и естетичного омаку у нѣкого.

Отъ и лишаесь еще богато до дёла. "Зоря", при окромныхъ розмърахъ овоихъ, не може обширно надъ тыми предметами розводити оя, однакъ надъюсь, що въ олъдуючо́мъ рочнику бодай въ окремыхъ додаткахъ можь буде обговорити вов порушена пытаня.

Мушу еще оправдати ся передъ Читателями, для чого въ декотрыхъ артикулахъ певий гадки нѣяко повтаряютъ ся. Се оталось по конечности. Въ Словѣ суть уступы, а навѣть поодинокй реченя, въ котрыхъ по колька темныхъ мѣстць находитъ ся. Переходяча кожде таке темне мѣстце, я мусѣвъ брати его въ звязи въ цѣлымъ уступомъ, божь годѣ жадати, щобы воѣ Читателѣ "Зорѣ" мали по̂дъ рукою текстъ Слова и що хвилѣ вглядали до него. Моя задача була, писати ясно и зрозумѣло, а сего въ иншій спосо̂бъ не мо̂гбы я доконати.

Ом. Партыцкій.

6

1. Свектлоне и тресвитлоне солице! Чемоу, господние, простре горшчюю свою лоучю на лады вои въ полк безводик жаждею имълоучи съпрыже, тоугою имъ тоули затче?

Наведене речене приходить въ молитит Игоревон жены, Ярославны. Неудачу борбы зъ Половцями приписуе княгиня двомъ причинамъ: недостаткови воды на степахъ и надмърному горячу.

Въ текотъ одно лишь мъстце гдещо неяоне, именно выражене: жаждею имъ лоучи съпрыже.

Интерпреты толкуютъ жаждею черезъ "спекою", а лоучи замёняютъ на лоуци; такамъ чиномъ выходилабы мысль: на що-жь, господине, ез степъ безводномъ погнуло еси имъ (т. с. войнамъ) луки?

Ту виадаютъ въ око двё неправильности: жажда нёколи не означае опеки и нёколи не односитъ ся до предметовъ неживотныхъ, а лоучи мёсто лоуци чей не напише нёкто, що бодай яко тако внає руску бесёду.

Въ текотѣ находить ся играшка оловъ въ выраженю: тоугою имъ тоули затчє; думаю, що и въ попередно́мъ реченю аналогично отояти повинио: лоучею имъ лоуци съпрыже. Оба реченя суть на той самый ладъ збудованй, оба маютъ той самъ ритмъ, очевидно въ обохъ мѣстатись мусѣла и играшка сло̂въ.

Текстъ Слова попсованый ту эъ вины переписовача. Онъ обаламутивъ оя словами лоучно и лоуци, и замёниеъ перше слово на жаждно а въ лоуци утворивъ лоучи, зъ чого въ ко́нци выйшла недорёчно̂сть.

2. Изрони жемчюжног дочшог чресъ злато ожерелие.

Въ выданю Дра Ом. Огоновского подане таке выяснене слова "ожерелие": "Ожереліємъ называє ся тоє, що около горла лежить, отже нашійникъ, намисто. Що до кореня отоить отже тоє слово во звязи зо сущникомъ ерало. Односно до сего мёстця замёчає Максимовичь, що золотымъ ожереліємъ названа тота впадина, де одъ груди начинае ся шія, та що на тоє мёстце простый чоловёкъ и теперь укавує, якъ кто єго запытає: "де у тебе душа?" Древни Русичё вёрили отже, що умираючій чоловёкъ ронивъ душу зъ тёла черезъ ожереліє, неначебъ черезъ горло".

Супротивъ тои догадки замёчаю, що слово "ожереліе" уживаєсь єще и доси декуды въ славянщинѣ. Хорватска селянки поверхъ рубатки нашиваютъ або надягаютъ полотняный нагрудникъ, безъ рукавовъ и безъ розпору на передѣ, приперезаный крайкою повысше клубовъ. Сей нагрудникъ служитъ для охороны грудей одъ вѣтровъ и зимна, и зовесь по хорватски "ożdrielje". Въ хорватско-нѣмецкôмъ слозари Ивана Филиповича на ст. 1032 подане таке выяснене того слова: "ożdrielje — Ueberfutter am Brusttheil des Hemdes" (въ сербскихъ словаряхъ пишесь "ождрѣлье").

Въ оловъ "ождрълс" межи ж а р находить ся вставне Д, якъ то звычайно буває въ языцѣ хорватоко́мъ (н. пр. żdriebe — жеребя, żdrieb — жеребій, żdral — журавель, żderati—жерти; подобно дъссь и въ руско́мъ языцѣ: з-д-рѣти, роз-д-рухати). Одкинувши вотавне Д одержуемо правильну форму "ожрѣлie"; посля звъстного правила повноголосности перетворилось тое слово въ руско́мъ языцѣ на "ожереле".

Рожного рода нагрудники безъ рукавовъ були въ уживаню не только на Руси, але и у другихъ народовъ, якъ то часто бачимо на давныхъ малюнкахъ. Ихъ переботною цёлею було огрёване тёла, а на се вказуе вже и назва слова, бо "Ожрѣлб" не буде ничь иншого, якъ зъ часомъ попсована назва "Огрѣле".

3. Жестокъ.

Въ "Словѣ о плъку Игоревѣ" приходитъ двѣчи слово "жестокъ":

а) Ваю храбраю сердца въжестоцъмь харалоузъскована и въбоуюсти закалена.

б) Оутроу кнызю кровавым исто раны на жестоц жмь исго тжлж.

Выдавцѣ "Слова" выясняютъ поодинока слова звы-

чайно лишь за помочею руского и старославлиьского языка, а нѣякои доси уваги не звертали на языкъ хорватоко-сербскій, котрый не то̂лько задержавъ богато давныхъ сло̂въ и формъ, але еще дуже добре надає ся до выясненя отарорускахъ народныхъ сло̂въ, позалкъ по свѣдоцтву исторія Хорваты и Сербы були ажъ до 7 ого столѣтя меш канцями нашого краю, проте неодно могли до днесь задержати, що находитъ ся въ нашо̂й староруской литературѣ але вже вымерло въ устахъ народу. Тому маловаженю хорватского языка завдячити маємо надмѣрно слабый успѣхъ при пояснюваню темныхъ мѣстць такъ самого "Слова" якъ и инщихъ словесныхъ нашихъ памятнико̂въ.

"Жестокій" значить у насъ "овирѣпый, гро̂зный". Понятіє тоє не дасть ся нѣякъ приноровити до обохъ горѣшвыжъ мѣстць "Слова", проте коментаторы мусятъ зновъ на всё опособы накручувати, щобы выйшла яка-така доладна мысль. Въ выданю Дра Огоновского выражене "въ жестоцѣмъ харадоузѣ" перетолковано: "Зъ твердоя крыцѣ" (отали), а выражене "на жестоцѣмъ тѣлѣ" перетолковано: "на тѣлѣ жорстоко ранено́мъ, помарнѣло́мъ".

Перше толковане ("зъ твердои крыцѣ") уважаемо зовсёмъ хибнымъ, бо носля тексту требабы оназати: "въ твердой крыци", а таке значене не малобы тамъ змыслу. Друге толковане ("на тёлё помарнёло́мъ") есть надто довольне, натягнене и навёть противне понятію слова "гро̂зный", проте его такожь усправедливити не можемо.

Въ корватоно́мъ языцѣ находимо инше значене одова "жеотокій", надаюче ся якъ найкраоше до обохъ наведеныхъ мѣотць. Въ одовари Фялиповича отор. 2097 читаємо: "żestok — feurig, geistig; żestia — Feuer, Heftigkeit; żestiti se (ся) — entbrennen". Посля того толкованя выражене "ез жестоцъмз харалузъ" — "въ розиалено́й (горячо́й) крыци", а выражене "на жестоцъмз тълъ" — "на розналено́мъ (горячо́мъ) тѣлѣ. Раны о̂дъ стрѣлъ споводовуютъ небезпечну горячку, фебру, и нѣщо дивного, що на мысль такои горячки затревожилась добра жена Игоря.

Корень приложника "жестокій" стоить въ звязи зъ глаголомъ "жечи"; нынъ безъ потребы и безподставно уживесно тоя слово въ значеню "грозный". Повороть до старо-

2

рущины, до властивого значеня словъ, бувбы въ подобныхъ выпадкахъ дуже пожаданый.

4. Сыпахоуть ми тъщими точлы поганыхъ тлъковинъ великый женчюгъ на лоно.

Дръ Огоновскій пише: "ТЛЪКОВИНЫ — СЛОВО НЕПЕВНОГО значеня; sing. nominat. ТЛЪКОВИНЪ — побёдникъ, с. є. той, що другого товче, побиває, або — волокита, що товче ся, волочить ся по всёмъ усюдамъ".

Намъ дивно, що слово такъ легке до выясненя и жіюче еще нынѣ въ устахъ руского люду, наробило критикамъ, о̀дъ Мусинъ-Пушкина почавши, такъ богато непріемностей. Въ "Словѣ" о̀дноситъ ся тое выражене до Половцѣвъ и ужите въ значеню зго̀рдно́мъ. У Гуцуло̀въ "тлукъ" означае: зволочь, погань, туманъ, дурень — и въ то̂мъ значеню ужите тое слово Федьковичемъ въ поезіи "Порука". (Дамонъ, нападеный опрышками, кличе до нихъ: "Що хочете о̀дъ мене вражій, злодѣйокій тлукъ?")

Sing. nomin. не буде "тлъковинъ", бо тогды безсомнѣнно въ друго̀мъ пад. числа многого о̀дпавбы наростокъ — инз и лишиласьбы коротша форма "тлъковъ". Для першого падежа єдиничного числа надаесь лучше форма "тлъковина" яко збо̀рне, слово, въ котро̀мъ заразомъ пробивае ся поняте погордливости.

Выражене "тлъковина" утворилось зъ тогожь кореня, що и олово "толока", уживане у насъ для означеня громадныхъ роботъ въ часъ жнивъ. "Кликати на толоку" було те саме що "кликати на паньщину"; въ хорватско-сербско́мъ языцъ олово "tlaka" означає и теперь еще паньщину. (Въ словари Филиповича стор. 1830: Tlaka — Frohne, Frohndienst, Gemeindearbeit, Robot, Herrendienst). Въ то́мъ то значеню (паньщина, по́дданьщина) ужите слово "толковина" Несторомъ въ то́мъ мъ́стци, где наводятъ ся ро́жни племена славяньоки (Хорваты, Деревляне, Дулѣбы и т. д.), идучи вразъ зъ Олегомъ на войну зъ Греками (року 907).

Слово тоулъ — сагайдакъ, находяче ся въ наведено́мъ нами повысше уступъ, выясняютъ критики за помочею перского языка, хочь оно находилось и въ староруоко́мъ и въ церковно́мъ, и доси въ ро́жныхъ покревныхъ значеняхъ уживаесь въ языцѣ хорватско́мъ. У Филиповича на стор. 1864 читаємо: "Tul — hohler Zilinder; tulac — Köcher; tulajica — Röhre, Giesseimer, Giessel; tulijaš — Lochbohrer; tulum — Schlauch; tuljac — Düte, Büchse". Всѣ тй выраженя дадутъ ся звести до одного головного понятя, бо всѣ выражаютъ якійсь предметъ въ серединѣ "порожны й". Греческе хоїλ-ос и холλ-іа, латиньске caul-ae, нѣмецке hohl (давнѣйше hol) и славяньске тоулъ вказуютъ на вспо́льный корень, проте и не потребували Славяне пожичати того слова о̀дъ Перзо́въ.

5. "Чилъ".

Дуже понадный для критиковъ матеріялъ находитъ ся въ друго́мъ уступъ "Слова о плъкоу Игоревъ". Наводимо его зъ тексту ио̀сля выданя Дра Огоновского:

О Бомне, соловию стараго времени !.. Пжти было пъснь Игореви, того (Ольга) вноукоу: "Не боуры соколы занесе чресъ полы широкам: галици стады бъжать къ Доноу великомоу..." Чили въспъти было, въщий Бомне, Белесовъ вноуче?

Въ то̂мъ уступѣ взыває авторъ давнѣйшого поета, Бояна, до зложеня пѣсни Игореви. Єсть то накликоване музы великого, колишного поета, пригадуюче зновъ першй отихи Гомеровои Иліяды. Поезія въ цѣлости дуже удачна, то̂лько послѣдне реченє: "Чили езспъти было, еъщий Бояне, Велесовъ внуче" якось не гармоніюс зъ зазывомъ до Бояна и, правду сказати, не має нѣякого змыслу.

Але критики порадили собѣ легко. Они выражене "чили" уважаютъ частицею пытайною, а позаякъ еще и тогды нема доброго змыслу, они въ текстъ впроваджаютъ "контрабанду" и кажутъ по "чили" вставити слово "намъ". Такимъ чиномъ зложилось въ ко̂нци речене, але речене непоетичне и въ о̂дношеню до Бояновои музы навѣть неделикатне.

Сомнѣваємось, щобы въ котромъ памятнику руско́мъ приходило слово "чили" въ безпосередно́мъ полученю обохъ

11

частиць; въ "Словъ", въ иншихъ мъстцяхъ, приходить саме тблько "ли" або "чи" — а польске "czyli", не знане нъ давной нь теперапной Руси, не може ити на вагу. Въ наведеномъ мѣстци навѣть язъ взгляду на рятмъ не можна оправдата того "чили", бо чейже той самъ ритмъ, а при той в повна высль булабы въ выраженю "намз ли". Тутъ астинно зайшла рёчь дивна: поетъ двоитъ безъ потребы тотожни частиць, а опускає такъ важне слово "намъ"! Нь поезія, нѣ реторика, нѣ граматика абсолютно не позваляютъ на тос, щобы опускати заименникъ тогды, коли особы протевоставлять ся, або коли на няхъ почивае акцентъ. А посля критиковъ "Слова" власне такій выпадокъ противоставленя особъ ту заходивбы: "пъти было тебъ.... чили въспъти было намъ". Не подлежитъ проте найменшому сомнѣню, що дотеперѣшна коментарѣ до цитованого уступу суть зовсёмъ хибна.

У Хорватовъ, Сербовъ и Чеховъ есть приложникъ "чилъ", надаючій оя добре, безъ воякихъ поправокъ, до тексту "Слова". Въ словари Филиповича (отор. 112) отоитъ такъ: "Čil *adj.*, čilan *adj.* — rüstig, kräftig, muskelig, lebhaft, rege, regsam" — а въ ческомъ словари Ранка (стор. 55): "Čily — empfindsam, gerührt, wach, rege, frisch, munter". Очевидно слово "чилый", уживане въ двохъ протавныхъ оторонахъ славяныщины, не може бути выключнымъ якимсь чехизмомъ або сербизмомъ, але уживалось давнѣйше воюды и лишь вымерло теперь на Руси.

Выражене "чили" есть, якъ видно зъ цёлого реченя, присловникомъ и стоитъ мёсто старославяньского присловника "чилъ".

Мысль "Слова" буде отже така: "О Бояне! пѣти було пѣснь Игореви, того Ольга внуку... Бодро (ярко, живо) заопѣнати було, вѣщій Бояне, Велесовъ внуче!" Тутъ въ концево́мъ реченю повторена зостала мысль попередна, то́лько зъ бо́льшою еще силою, а се влаоне цѣлому уступови надає тымъ бо́льше поетичнои вартости.

Додаю еще, що въ словацкомъ языцѣ приходитъ присловникъ "чиль" въ значеню "те церь". И тоє полсненє надаесь добре до горёшного тексту, толькожь есть то выключно слова цке одово, и я сомнёваюсь, чи до такъ численныхъ выраженій на одно поняте (теперь, днесь, ныні, сегодне) потребовали Русины еще иншого слова.

6. Желъзнии папорзи.

На въоть о неволи Игоря авторъ Слова взыває всёхъ могущихъ и хоробрыхъ князъвъ Руси на святую войну. Сго зазывъ зверненый до князъвъ Всеволода, Рурика, Давида, до галицкого князя Ярослава Осьмомысла, и до князъвъ Романа и Мстислава. До послъдныхъ кличе патріотъ-поета: "Я вы Бей-Романе и Мстиславе! храбрам мысль носить вашь сумъ на дъло... Соуть бо су ваю желъзнии папорзи подъ шеломы латиньскыми. Тёми тресноу землю и многы страны хиновы. Литва, Итвизи, Деремела и Половци сёлици свом повръгоша, а главы свом поклониша подъ тыи мечи харалоужныи".

Думавбы кто, що мысль Слова есть ту подъ кождымъ взглядомъ ясна и навёть не потребує коментаря — такъ нѣ! Треба було высоко-поетичну гадку знизнти конечно до звычайнои прозы и зробити въ текстѣ якусь нещасливу поправку. Давнѣйша критики слово "nanopsu" выясняли черезъ "косточки ез птичихъ крылахъ", а нынѣ безцеремонно замѣнено "nanopsu" на "прапорци". Отъ и выйшло теперь правдиве чудо: подъ шоломомъ на головѣ желѣзни прапорцѣ!

Кто уважно читає горѣшный уступъ Слова, той и безъ довшого намыслу о̀дгадає, що тоти "желѣзни папорзи", сховани по̀дъ шеломъ, суть якимсь чудеснымъ тализманомъ, передъ котрымъ "затряолась вемля и многы страны хиновы", а Литва, Ятвяги, Деремела и Половцѣ въ страхомъ вергали о̀дъ себе списы и головы свои поклоняли.

Чижь треба выяснювати, що тализманомъ такимъ, якъ втруютъ на всъй Руси, есть цватъ напороти?

Отъ бодай коротка звъстка про сей цвътъ. Посля повърки люду папоротъ цвите одну только хвильку въ ночь передъ Купаломъ (Іоаномъ Крестителемъ). Цвъту папороти стереже самъ чортъ, тому и не легко его достати.

Кажутъ, що оденъ селянинъ загубивъ въ лѣсё воло̂въ. Онъ иде, шукає --- ажь случайно попавъ ся ему въ исстолъ (ходакъ) цвётъ папороти. О́нъ ставъ ся заразъ всевѣдущимъ: не лишь побачивъ свою худобу, але и всѣ скарбы, якй въ земли закопанй. Иде ущасливленый за тыми скарбами, ажь стрёчае его якійсь "господинъ" красно одётый, и проситъ, щобы промёнявъ ему постолы за добрй чоботы. Селянинъ промёнявъ, але въ тойже хвили лишивъ ся всевѣдущости и ставъ ся еще дурнѣйшымъ, нѣжь бувъ. А "господинъ", одержавши цвётъ папороти, гдесь счезъ.

Цвёту пепороти можна достати такимъ способомъ: Въ вечеръ передъ Купаломъ пойти треба въ лёсъ, взявши зъ собою ножикъ, посвященый 12 разъ, и скатерку такожь 12 разъ посвящену; одтакъ розстелити около папороти тую скатерку и зробити въ округъ рослины крестъ посвященымъ ножемъ. Коли зацвите папороть, въ млё ока цвётъ зо̂рвати и заховати его подъ шко̂рою лёвои руки и заразъ утёкати, не стаючи и не оглядаючись, хотьбы и кликавъ якій "господинъ".

Цѣкава еще рѣчь, що такъ цвѣтъ папороти, якъ скарбъ найденый при помочи того цвѣту, по̂сля народнои повѣрки треба накрыти шапкою. У князѣвъ и у войска мѣсце шапки займае шеломъ, а папороть въ часѣ военъ, одвѣтно до узброеня, чей не може бути иншою, якъ зъ желѣза. Се зовсѣмъ логична придумка поета — придумка въ мысль народнои повѣрки, але въ застосованю до войсковыхъ обставинъ.

Авторъ "Слова", якъ мы вже замётили, любитъ гдеякй свои выраженя въ дальшихъ уступахъ самъ пояснювати, и такъ чинитъ о̀нъ зъ своимъ высоко-поетичнымъ "папорзи". Дарма всё интерпреты ломлятъ собё головы надъ властивымъ значенсмъ того слова — поетъ заразъ ко̂лька сло̂въ дальше самъ каже, що по̂дъ тымъ желёзнымъ тализманомъ розумёє о̀нъ олавни руски "мечѣ харалужнй".

Такимъ дёломъ "прапорци" у Потебнё и у Дра Огоновского уважаемо поправкою зовсёмъ хибною и суперечною зъ автентичнымъ -поясненемъ самого поета.

Давийй россійски интерпреты выводили слово "nanopsu" одъ "nanopsi — косточка въ птичихъ крылахъ", але нынё вже одступлено одъ того толкованя, бо нёкто не знавъ, що зъ тыми "косточками" зробити. Однакъ и ту į бувбы выходъ можливый. Перо важну ролю грає у нашихъ чаровниць и вѣдьмъ, особливо коли его "зашепчутъ" або "заговорятъ". Таке "заговорене пърце" есть также нѣбы якійсь родъ тализману, хочь и не має тои силы, що цвѣтъ папороти. "Заговоренй пера" суть выключною тайною чаровниць и зъ тои причины не надаютъ ся добре до тексту Слова.

Форма "nanopsu" вказує на nom. sing. "nanop(o)зь", котре очевидно побочь слова "nanopomь" було въ уживаню.

7. О рочскам земле, очже не шеломынемь юсн!

Посля Дра Огоновского значить тое мѣстце: "Прощавай родино! Вже тебе не бачимо, — мы вже за горою. Шеломы — холмъ, гора".

Намъ власне розходитъ ся о тоє "шеломя", котре стоитъ въ очевидной звязи зъ словами "шеломъ" и "холмъ". То̀лькожь "шеломя" яко выразъ здро̀бнѣлый мусѣлобы выражати якійсь дуже маленькій горбочокъ (не гору), а тогды цѣле речене не малобы поважнои и доброи мысли. Выкликъ: "О руская земле, ты вже за маленькимъ горбочкомъ сои" бувбы, якъ кождый чус, не дуже постичнымъ и постъ навѣрно здобувбы ся на якійсь красшій образъ для выраженя своихъ тяжкихъ патріотичныхъ думокъ.

Выражене "шеломянемъ еси" приходитъ въ "Словъ" два разы; въ обохъ мёстцяхъ сказано, що войско Игоря стануло вже поза границями Руси:

а) Игорь къ Доноу вон ведеть... Р8сичи в еликлы полы (т. с. степъ) чрълеными щиты прегородиша.

б) Тоу са сабламъ потроучати о шеломы половецкыма... оу Д о ноу великаго.

Въ христоматія Як. Головацкого, въ котрой текстъ Слова напечатаный посля найстаршого выданя Мусинъ Пушкина, въ першомъ зъ наведеныхъ мёстць говоритъ ся "за шеломянемъ", а въ друго́мъ стоитъ "не шеломянемъ". Хотяй всё выдавцё Слова приняли першу стилизацію, яко нёбы лучшу, до обохъ уступо́въ, я таки стилизацію другу уважаю едино правильною; лишь она освободжує мене о́дъ якихъ-

то "степовыхъ горъ" и надае цёлому уступови зовсёмъ ясне значене.

Войско Игоря стануло було поза границами Руси: на великихъ поляхъ и у Дону. Чимъ дальше ишло войско, тымъ больше росло небезпеченьство; затьмёне сонця, зловёщй ворожбы и велики силы Половцёвъ ("отз Дона, и отз моря, о отз еслях странз") не вёщували доброго успёха войнѣ. Але Игореви годё було вертатись, разъ що бувбы зъ того соромъ для войска, а одтакъ що о̀нъ вже "далече залетълъ". Отъ и бачучи войско Игоря далеко за рускою вемлею, лишене саме собё посередъ степу, поетъ зъ болемъ дущё выкликає: "О руска земле, ты вже не шеломянемъ еси!"

Слово "шеломя" або "шлъмя" уживає ся еще доси у Хорватовъ и Сербовъ. У Фллиповича стор. 1793: "šleme gen. šlemena, neut. — First, Firstbalken, Firstsparren, Dachfirst, Scheitel, Giebel".

Такъ отже "шеломя" означає самъ верхъ стрѣхи, той \горѣшній пагорокъ, где солома по обохъ бокахъ приложена козлами. У насъ тую часть поверхъ стрѣхи зовутъ теперь звычайно "щитомъ" або "вершкомъ".

Шеломя есть важною частею забудованя, есть нёлко символомъ цёлого дому, безъ него сельска стрёха навёть немыслима. До шеломени, якъ въ загалё до рожныхъ хатныхъ предметовъ, вяжутъ ся певни символични значеня и повёрки, и нема сомнёня, що въ символичномъ або въ переносномъ значеню уживъ того выраженя и авторъ "Слова".

Цѣкава пригадуєсь ту аналогія. Нынѣшне "щитъ" означає и "вершокъ дому" и "оборону" (tarcza, защита). Въ мысль народного погляду мусѣло и слово "шеломя" въ тыхъ двохъ значеняхъ уживати ся. Такимъ чиномъ наведене мѣстце Слова малобъ значене: "О руска земле, ты вже не соь нашимъ щитомъ (защитою)!"

Въ поезіи, где бересь часто "pars pro toto", може mеломя означати стрёху, до́мъ, и навѣть о́тчину. Въ то́мъ случаю мо̂гъ поетъ, чи тамъ Игорь, находячись поза границями Руси, сказати: "О руска земле, ты вже не о́тчиною (не ро̂днымъ домомъ) еси !" 8. Того стараго Владимира не льзѣ вѣ пригвоздити къ горамъ кыевскымъ: сего бо нынѣ сташа стызи Рюриковы, а дроузии Давыдовы; нъ розиносы имъ хоботы пашоуть, копиы поють на Доунаи.

Выражене "розинося" дёливъ Мусинъ-Пушкинъ на два слова "рози нося" и зъ одси пошли безчисленни баламутства о якихъ-то рогахъ воловъ, о рогахъ мёсяця, о трубахъ и т. д. Дуже быстроумно справивъ се мёстце, одповёдно до цёлого тексту, Дръ Огоновскій, звернувши слушно увагу на те, що въ реченю "на розинося има хоботы пашуть" есть только дальше розвинена мысль попередного реченя, що отже поетъ головну овою мысль тутъ только коментує. Выходячи зъ тои єдино слушнои засады легко уже въ то́мъ "розинося" далось о̀дкрыти слово "розно", ужите поетомъ для означеня о̀ддёльности (окремѣшности) межи полками Рурика а Давида. "Сей сюды, а той туды" — отъ и все значене словъ поета.

Посля поправки Дра Огоновского наведене містце такъ буде звучати: нъ розно сы имъ хокоты плшоуть (въ дословномъ перекладъ на нынъшну бесъду значитъ: "но рожно имъ бунчуки повъваютъ").

Одно только въ текстё Слова позостало невыяснене, именножь заименникъ "ся", котрый при глаголё "пашуть" не може мати мёстця; впрочёмъ жаль менё и самогласнои "и", котра находитъ ся въ выраженю "розинося", а въ поправцё Дра Огоновского одпала. Я читаю такъ: нъ розни ось имъ хоботы пашоуть, значитъ: "но ось имъ рожна бунчуки повёваютъ".

Выражене "ось" есть для характеристики языка Слова дуже важне и яко односложне надае ся оно въ то̂мъ мѣстци далеко лучше до ритму поезіи нѣжь двосложне "ося". Очевидно тутъ переписовачь народне "ось" поправивъ на бо̂льше книжне "ося", а позаякъ новоутворене слово не мало змыслу, вырвавъ о́нъ зъ попередного "розни" букву "н" и тымъ способомъ выйшли двѣ нѣсенѣтницѣ: "розк нося".

Послѣдне речене тексту: копим поють на Доунан мусѣло первѣстно, якъ то вже сама логика вымагае, стояти

- 3

въ рёчевой звязи зъ цёлымъ уступомъ, отже отягати ся и до полко́въ Игоря и до полко̂въ Давида. Переписовачь, що вынемполовавъ два такъ чудни слова: рози нося, позволивъ собё въ дальщо́мъ текстё новыхъ поправокъ и списавъ еще страшнёйщу нёсенётнацю: копим поють на Доунан.

Для коментаторовъ зъ тыми "копиями" выйшла правдива грызота. Одни односятъ цёле загадочне речене до часовъ галицкого князя Ярослава, котрый, мовь deus ех machina, попавсь въ той уступъ на подставе дивачнои яконоь комбинаціи; инши "копія поють" перемёнили на "коня поють", що такожь не дало нёякого звязку зъ цёлымъ уступомъ.

По мойй гадцё слово "Дунан" вложивъ переписовачь, не розумёючи тексту, для означеня якогось переходу до дальшои части Слова, божь истинно находитъ ся тамъ выражене "по Дунаєви". Сму байдуже було про те, що въ той дальшой части оспёваный зовсёмъ иншій предметъ, именно "Плачь Яроолавны", и що нё словомъ вже не говоритъ ся о полкахъ Игоря и Давида...

Хотячи привернути перейстный тексть и найти въ цёло́мъ уотупё якусь гармонію мыслей, я поправляю такъ: слова "поють на", якъ то вже слухъ догадоватись каже, стоять мёсто "обоюдна", а выражене "Дунаю" уважаю попсованымъ мёсто dual. "у нею". Такимъ дёломъ выходитъ речене: "копия обоюдна у нею" — "коша у нихъ въ обохъ оторонъ остра".

Въ дооловно́мъ перекладѣ выходитъ мысль така: "Того отарого Владимира не можь було пригвоздити къ горамъ кіевскимъ; нынѣ стяги его стали одна Рурикова, друга Давидова, но ось ро̀жна имъ бунчуки повѣваютъ, ко нія у нихъ зъ двохъ сторонъ остра".

Словами "рожни бунчуки" и "зъ двохъ сторонъ остри" поетично тутъ выражена розня, т. с. незгода, межи потомками Володимира Великого.

Мо̀гбы кто закинути, що "обоюдный" уживаесь звычайно лишь яко придатокъ до слова "мечь", однакъ думаю, що аналогія тутъ надто близька, особливо коли зважимо, що авторъ "Слова" всюда роздѣляе отаранно "ко ніе" о̀дъ "отружія". Стружіємъ зове о̀нъ часть деревяну описы, а копіємъ часть зъ желёза. Придатокъ "обоюдный" єсть ту отже зовоёмъ на мёстци.

Я пересвёдченый, що власне выраженсть "кепія обоюдна" авторъ заявивъ высокій змыслъ поетичный. Якъ бунчуки повёваютъ у верху стяговъ и суть воёмъ видна, такъ и копія поверхъ стружій окорше будутъ замётна нёжбы мечё при боку тёла. А власне поетъ оловомъ "ось" (= дивётъ ся) вйазати хоче на предметы навёть зъ далека видна.

9. А всыдемъ, братию, на свои бръзым комони, да позримъ синего Доноу. Съпала кнызю оумъ похоти и жалость юмоу знамению застоупи, искоусити Доноу

Велнкаго.

Дръ. Огоновскій слово "умъ" поправляє (за приводомъ проф. Потебнѣ) на "у умъ", слова "похоти" и "жалость" уважає першими падежами а "знаменіе" четвертымъ, "Съпала" выясняє черезъ "Въпала", а въ толкованко переставляє реченя въ такій спосо́бъ: "Впала князеви въ умъ охота, и окусити Дону великого, и жалость тая заступи ему знаменіє неба".

На те замѣчаємо:

1) Выражене "у умъ" булобы истиннымъ варваризмомъ языковымъ, недостойнымъ поетичнои музы автора Слова. Якъ побачимо, въ текстъ навъть нъякои поправки не треба, бо "умъ" есть ту подметомъ, а не падежемъ четвертымъ.

2) "Съпала" не значитъ "впала", и форма тая не соть perfectum, але авристъ одъ глагола "спадати, въсналати". Акцентъ почивае на друго̀мъ а: съпада.

3) "Похоти" не есть першій падежь, але семый. Се стара безприименникова форма, котру досыть часто подыбусмо и въ иншихъ мёстцяхъ Слова. "Похоти" — "въ цокоти".

4) "Жалость" не есть першій надежь, бо предой чілоь жалость (охота) не може станути въ дорозй затьмйню сонця, а противно затьмйне помишати може чісмусь бажаню. Тутъ "жалость" соть accus., а "знаменіе" пошіп.

5) Переставляти словъ "жалость нокусити Де-

ну великаго" такожь не можна, бо до тыхъ словъ навязане есть послъдуюче, выясняюче речене: "Хощу бо... испити шеломомъ Дону". Не лишь граматика, але вже и сама логика вымагає, щобы поясняюче речене стояло не надто далеко о̀дъ тыхъ словъ, що маютъ ся пояснити.

Зъ тыхъ причинъ лишаемо цёлый текстъ безъ всякихъ поправокъ. Дословно толкуемо такъ: А всядемъ, братя, на свои борзіи конѣ, щобъ побачити синёго Дону. Спалавъ (воспалавъ) князеви умъ въ похоти (въ пристрастно̂мъ бажаню), а затъмѣне въ дорозъ стануло его жалости (жадобѣ), искусити Дону великого".

Эъ сего нашого выводу легко пересвёдчити ся, сколько то поправокъ и насилій навёть въ зовсёмъ ясныхъ мёстцяхъ Слова натворено. Поетъ выражае ся всюды зъ найбольшою точностею и часто свои слова для большои зрозумёлости самъ интерпретуе, а учени коментаторы такъ умёли все перекрутита, такъ все поставити до горы дномъ, що найкрасши гадки и поетични звороты стаютъ ся только млавыми и загадковыми якимись высказами.

10. Зары свътъ запала.

Въ текстё Слова при описё сонёчного затьмёня сказано такъ: "Длъго ночь мркнеть; зары св'ятъ запала, мъгла полы покрыла, щекотъ славий оуспе, говоръ галичь оубоуди".

Дръ Огоновскій цоправляє "запала" на "запяла" и подає до своєй поправки такій коментарь: "Заря вздержала свётло; ночи зловёщой нема ко́нця".

И поправка нещаслива и коментарь нещасливый, бо чей свётло сонця есть сильнёйше одъ свётла зоръ, отожь заря не може вздержати сонёчного свёгу.

Едино добрый коментарь до наведеного тексту удѣливъ намъ проф. Н. Вахнянинъ. "За цала" соть авристъ о́дъ глагола "запалати", а "за ря" соть давный другій падежь мѣсто теперѣшного "заръ". Посля того поясненя не треба въ текотѣ нѣякихъ поправокъ; мысль цѣлого уступу соть така: "Довго но́чь меркне; зарѣ свѣтъ западавъ (зорѣ заовѣтиян), мрака степы покрыла..." Ту вновъ мусимо подивляти недоро̂внаный талантъ поета въ доборѣ оло̂въ; онъ пише: "но̂чь меркне", а о̀дтакъ тос "*меркне"* выясняс черезъ "*заръ свътъ"* и "*мрака"*. Краошоа дефиниціи ночи и олова "меркнути" навѣть годѣ придумати.

11. Рекъ Боинъ исходы на Свытъслава, пъснотворца стараго времени Мрославлы, Ольгова, коганы хоти: "Тижко ти головъ кромъ плечю; зло ти тълоу кромъ головы"; — роуской земли безъ Игоры.

У Дра Огоновского сказано: "Се мѣсце почитує ся найтруднайшимъ въ цаломъ Словъ, позаякъ текотъ его зовсёмъ попсованый и познёйшими блоссами (поясненями переписовачёвъ) безперсчно змёненый. Въ выданю Мусина-Пушкина читаемо: Рекъ Бомнъ и ходы на Свытъславля пистволил. Одтакъ поправивъ Миллеръ и уоды на исуоды. покликуючи ся на значене грецкого «Собос (исхода = конець повѣсти). Только гадавъ онъ, що симъ Святославовымъ иѣснотворцемъ е таки самъ авторъ Слова. Придержуючи ся тои поправки и поправивши еще Свытъславлы на Свытъслава. можено се мѣсце такъ переложити: "Сказавъ (заспѣвавъ) Боянъ конець своєн пёсни противъ Святослава, пёснотворця стародавныхъ часовъ Ярослава и Олега, приятеля когана (хана)". Можна бо догодуватись, що за часовъ Бояна бувъ єще иншій співакъ, именемъ Святославъ, противъ котрого Боянъ выступивъ. Про него згадує авторъ зъ докоромъ, тому-що о̀нъ бувъ опѣвакомъ Олега, ворохобника и приятеля хана. Впрочёмъ можнабъ наведени слова еще и такъ поправити: Рекъ Бошнъ, исходы на Свытъслава, писнотвориа... ("Сказавъ Боянъ, выходячи (въ борбе словесной) противъ Святослава...) Хоть означає въдай въ съмъ мёсци приятеля".

Всеволодъ Миллеръ и Дръ Огоновскій годять ся на те, що въ наведено́мъ уступё Слова соть бесёда о двохъ поетахъ, о Боянё и Святославё. Соть то безперечно дуже доотовёрна догадка и кождый читатель при читаню тексту о́дчувае въ души правду тыхъ выводо́въ. Мо́гъ авторъ "Слова"

цитовати по имени Бояна — для чогожь не могбы навести по имени и другого поета, Святослава?

Толькожь о част, коли живъ той Святославъ, розходятъ ся коментаторы. Миллеръ зове его авторомъ самого "Слова о плъку Игоревъ", а Дръ Огоновскій слушно замъчає безподставность того твердженя и опираючись на словахъ тексту зове его "пъснотворцемъ часовъ Ярослава и Олега".

Я пріймаю въ цёлости поправку Дра Огоновокого: ' нсходы на Свытослава, однакъ що до рёчевого выводу не могу во всёмъ згодити ся. "Пёснотворцемъ времени Ярославля" бувъ Боянъ, якъ то въ першомъ уступё "Слова" выразно сказано; Святославъ мо̂гъ бути то̂лько пёснотворцемъ часо̀въ Олега, виновника великихъ нещасть на Руси, задля чого и выступавъ противъ него вёщій Боянъ. Впрочёмъ дивно булобъ, щобы Святославъ ро̂вночасно оспёвувавъ такъ внамениту и честну лично̂сть, якою бувъ Ярославъ, и такого лихого чоловёка, якъ нимъ бувъ приятель хана. А еще дивнѣйше, якбы Боянъ и Святославъ разомъ оспёвували и хвалнли часы Ярослава, а ро̂вночасно мёжь собою дерли ся и полемизовали.

Баламутство въ "Словъ" даєсь легко усунути, єсли слово "пьснотворець", одповёдно до выраженои мысли, поставимо два разы и попереставлювани слова одповёдно упорядкуемо. Текотъ буде такій: Рекъ Коганъ, пъснотворець стараго времени Прославлы, исходы на Свытослава, пъснотворца Ольгова, коганы хотн. Переписувача перше "пъснотворець" опустили, а валежачи до него слова ("стараго времени Ярославля") перенесли до слёдуючого "пъснотворца". Похибка така сотъ дуже можлива; она споводована неврозуманемъ предмету, або скоростею при переписованю.

Въ перекладъ руско̀мъ цълый уступъ такъ буде звучати: "Сказавъ Боянъ, спъвакъ давныхъ часо̀въ Яреславовыхъ, выступаючи противъ Святослава (спъвака Олега, приятеля хана): Тяжко та головъ кромъ плечю; зло ти тълу кромъ головы. Отъ и я такъ кажу: Зле руской вемли безъ Игора".

Бувъ звычай въ давной Руси, перенятый зъ заходнои Европы, що князё держали на своихъ дворахъ власныхъ спѣваковъ-поетовъ, котрй при сопроводѣ якого музычного инотрументу спѣвали про давнину, або про олаву своихъ князѣвъ. Имена гдеякихъ давныхъ поетовъ суть намъ звѣстнй, але ихъ творы не дойшли нашихъ часовъ; инши давни спѣваки по имени не суть знанй, за те творы ихъ доховались до нынѣ. Въ давныхъ памятникахъ найшовъ я слѣды истнованя шѣстёхъ старорускихъ поетовъ. Наводжу ихъ творы, або имена, въ хронологично̂мъ порядку:

1) Незвѣстный по имени спѣвакъ зъ часо́въ Володимяра Великого, крестителя Руси*).

*) Въ повночной Россіи заховалась въ устахъ люду старинна сказка про Володимира и его вуйка Добрыню (Гл. Русскія народн. сказки изд. И. Сахаровымъ, С. Петербургъ 1846). Сказка тота мѣститъ въ собѣ множество поетичныхъ зворотовъ, а ен предметъ односитъ ся до Кіева и его жителѣвъ. Мимо змѣнъ, якимъ сказка конечно подпасти мусѣла въ протягу вѣковъ, задержала она и въ бесѣдѣ и въ самой поезіи очевидня слѣды полудневого походженя.

Наводимо ту гдеяки уступы зъ тои историчнои сказки:

а) "На небѣ ясно, во теремѣ яснѣй того; на небѣ звѣзды изнасѣяны, во теремѣ богачествомъ изукрашено; на небѣ подзарево пылаєть, якъ радость небесная, во теремѣ княгиня красуєть ся красотою несказаною А весь то теремѣ состроенъ на семи столбахъ золотыхъ на крутой горѣ Кіевской; а крылечки у терема красна золота, а лавочки во теремѣ чиста серебра. На небѣ взойдетъ солнце красноє, во теремѣ запоютъ птицы райскія. Поссредъ терема стоятъ столы бѣлодубовы, за столами сидять князи и бояре и весь людъ почестный".

б) И порѣшилъ Владиміръ, стольный князь Кієвскій, солнде свѣтъ Святославьевичь, быти бою у Добрыни съ Тугариномъ Змѣевичемъ, одинъ на одинъ.

На зарѣ то было на утреннъй, на восходѣ краснаго солнца поднимались во Кієвѣ старъ и младъ, старъ и младъ, и весь людъ почестный. Бирючи по городу розсыпають ся, буйни молодци на княжій дворъ собирають ся, кто на кони, кто самъ, о сесѣ Во рукахъ у добрыхъ молодцовъ мечи булатнія, да палици желѣзнія, а щапочки на молодыхъ разнорядь: со бобрами, со куницами, да со черными лудами... Собирали ся люде всѣ почетніи, князи и бояре; сходили ся сильни и могучіи богатыри, ни мало ни много, съмсоть безъ одного... Выходить со хрустального крылечика воевода кіевскій, становить ся посередъ двора, вымолвляють такови слова"...

в) "Не вѣтры буйніи въ полѣ подымали ся, не жолти пѣски со дна моря розсыпали ся, то съѣзжали ся, сходили ся Добрыня съ Тугариномъ. Поднимаеть ся Тугаринь выше лѣса стоячего, а у Тугарина крыля бумажнія, и лѣтаеть онъ по поднебесю. Взвилъ ся конь подъ Добрынею выше лѣса стоячего, до облака ходячего. Самъ то Добрыня мечемъ рубитъ Тугарина, а слуга то пускаетъ калену стрѣлу въ Тугарина Змѣевича, во его крыля бумажныя. И упалъ онъ, Тугаринъ, на сыру землю —

2) Другимъ зъ ряду поетомъ бувъ Боянъ, про котрого частъйше згадує "Слово о плъку Игоревъ". Онъ живъ. здає ся, на дворъ кієвского князя Ярослава Мудрого и оспъвувавъ его чины. Авторъ "Слова" гдекуды наводитъ цѣлй реченя Бояна дословно, одушевляесь его музою и зове его въщимъ. Бувъ то безсомнѣнно найбо̂льшій поетъ въ княжеско̂мъ періодѣ Руси.

3) Въ житю св. Теодозія згадує ся про игры, якй "по обычаю" одбували ся въ палатё княжеской. Одного разу св. Теодозій зайшовъ въ налату и тутъ: "идъже бъ князь, съде; и се видѣ многія играюща предъ нимъ: овы гусленныя гласы испущающи, другія же органныя гласы поющи, инёмъ за.

И тутъ ему Добрыня голову свернулъ,

Голову свернуль, на копье взоткнуль,

А самъ коня ко граду Кіеву вернулъ..

Послѣдній уступъ, якъ видимо, уложеный въ римованой бесѣдѣ, хотяй и въ нишихъ мѣстцяхъ стрѣчаютъ ся римы, и то навѣть дактиличнû (~~), якъ то бувае и въ народныхъ нашихъ поезіяхъ.

подъ б) { Бирючи по городу розсыпають ся, Буйни молодци на княжій дворъ собирають ся.

подъ в) { Не вътры буйніи въ полѣ подымали ся, Не жолти пъски со дна моря розсыпали ся.

Послёдни два стихи уже самымъ укладомъ своимъ всказують на те, що наведена сказка перетворилась зъ колишного поемату. Якъ звъстно, поезія руска любує ся въ образахъ зъ природы, котрымъ одтакъ одповъдае якесь чувство людске або якась чинность чоловъка. Аналогични примъры находять ся и въ "Словъ о плъку Игоревъ": "Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше, но своя въщія персты на живая струны воскладаше" — Не буря соколы занесе чресь поля широкая: галици стады бѣжать къ Дону великому".

Замѣтный еще въ сказцѣ зворотъ: "на зарѣ на утреннѣй", такъ властивый народной нашой поезін; а не меншон ваги есть выражене "нѣ мало нѣ много, сѣмсотъ безъ одного", выняте живцемъ зъ поетичнои скарбницѣ нашого люду.

Не дармо такожь въ уступъ к) двъчи повторяютъ ся слова "старъ и младъ"; такого повтореня домагавъ ся очевидно первъстный ритмъ поезіи.

Въ конци и те замъчаемо, що якъ въ "Словъ о полку Игоревъ" и въ познъйшихъ думахъ козацкихъ, такъ и въ згаданой сказцъ при именахъ особъ и гдеякихъ ръчей все и нерозлучно повторяютъ ся сталй епитета: Владиміръ солице свътъ Святославьевичь (або : Владиміръ стольный князь кіевскій), могучін богатыри, сври волки, калена стрвла, крыля бумажній, мечи булатній, палици желѣзніи н т. д

Нема сомнѣня, що сказка про Володимира и Добрыню повстала зъ давнои поезіи, написанои сучасникомъ князя Володимира и очевидцемъ описаныхъ сценъ. О сказцъ самой можнабы нынъ повъсти словами пословицъ: "Нынъ оно казкою, а колись було правдою".

марныя писки гласящимъ; и тако всёмъ играющимъ и веселящимъ оя, якоже обычай соть предъ княземъ". Авторъ житеписи, строгій монахъ, не радо дививъ ся на таки "игры", тай самъ Теодозій докорявъ за нихъ князеви Святославу, однакъ для исторіи важне тос мёстце житеписи, бо вказує на давнёйши забавы въ княжескихъ дворахъ. Одни тамъ грали на гусляхъ, други спёвали, инши (здассь блазни) "замарныя писки" выправляли, а посля "Сказки про Владимира и Добрыню" пописувались передъ княземъ и боярами еще и борцё-силачѣ. Все то пригадує дворы заходнои Европы и лишь похвально свёдчитъ про нашихъ князѣвъ. На ихъ дворахъ перебували артисты музыки, спѣваки, поеты — такъ и не дивъ, що музыка и поезія такъ невровнано-хорошо роввинулись були на Руси.

- 4) Поетъ Святославъ на дворъ князя Олега.
- 5) Авторъ "Слова" на дворъ князя Игоря.
- 6) Поетъ Митуса за часовъ князя Данила.

Про Митусу згадує наша лётопись, — о́нъ бувъ чоловѣкъ правый и волё незломнои: своєи музы не хотѣвъ продати за паньска выгоды. Митуса належавъ, здає ся, до тыхъ людей, що не узнавали Данила правнымъ владѣтелемъ Руси; о̂нъ не хотѣвъ спѣвати въ честь князя, за що и потерпѣвъ неволю. Хочь и нѣкто не похвалитъ политичныхъ переовѣдчень Митусы, а всежь незломно̂сть волѣ и характеръ отавляютъ его морально высоко въ рядѣ старорускихъ поето̂въ.

12. Готскый красный Джвы.

"Слово о плъку Игоревъ" есть поетичнымъ памятникомъ зъ 12 столётя, повсталымъ на Мало́й Руси. Оно толковане вже на всё образовани языки и есть безперечно въ своёмъ родё найлучшимъ поетичнымъ творомъ, якимъ нѣяка инша народность, нѣ въ минувшости нѣ въ теперѣшности, повеличатись не може. Здавалось бы, що макочи такого рода скарбъ въ своѣй литературѣ, зумѣсмо его го̂дно почтити, зрозумѣти, зумѣемо о̂дчитати зъ него того животворного великого духа, якій влявъ въ своѣй трудъ одушевленый поетъ. Инши народы посѣдаютъ зъ такъ о̂ддале-

4

ныхъ часовъ лишь незначни поетични окрушины, а предсъ умвли ихъ одчитати, серцемъ одчути, умвли невеличкій матеріяль выхоснувати на славу и литературы своєи и свого народу. О насъ того повъсти не можна. Одъ 80 и лътъ трудять ся и Малорусины и Великороссы науковою и ететичною розборкою "Слова", а результатъ выпавъ надитрно олабый: дивного рода коментарями еще лишь затемнено и зопсовано найкрасши місця поемату! Многи интерпреты, не порозумъвши широкои засновы поемату и глубокихъ, якъ на свой часъ, въдомостей поета на поли географія, исторія, литературы и митологія, стали Слово на всё способы критиковати, поправляти, фалшовати, а самого поста звати невѣжою, псалтирникомъ, або простымъ слѣпцемъ бандуристомъ, що вправдѣ мавъ талантъ постичный, але не знавъ добре нѣ языка, нѣ исторіи, нѣчого. Отъ и привыкли гдеяки дуже учени зъ певного рода погордою дивити ся на дорогоцённый памятникъ старорускои литературы и уважати, всяку дальшу студію на томъ поли вже излишною, непотрѣбною, безцёльною. Але показуєсь, що робота не такъ то вже закончена, а противно домагаєсь еще многихъ а многихъ роботниковъ. Мы стоимо не на конци, а въ самыхъ початкахъ. Дотепервшна праця интерпретовъ въ переважпой части омежалась на фантастични комбинаціи и на механични "нипаня" языковй; на духа поезіи, на мысль автора, на звязь органичну твору, на вплывы живои бесёды народнои майже и не зважано. А предсъ то едина дорога, котра, якъ показалось, неодну вже тайну намъ розъяснила, и надёюсь, еще и больше ихъ розъяснитъ.

Отъ хочбы и эъ тыми "готскими красными Дёвами." Они выступаютъ въ рожныхъ мёстцяхъ Слова яко незвычайнй, надлюдскй, божески ества, яко дёвнцё зъ лебедиными крылами, онл берутъ удёлъ въ войнё, стаютъ по оторонё Половцёвъ, тёшатъ оя ихъ побёдами, складаютъ пёсни въ ихъ славу, дёлятъ ся ихъ побёдами, складаютъ пёсни въ ихъ славу, дёлятъ ся ихъ добычами: "рускимъ златомъ". Чижь вже сама назва "Готски Дёвы" не домагалась того, щобы заглянути до митологіи Гото́въ и шукати въ нёй розвязки до такъ важного уступу Слова? Тымчасомъ интерпреты що́ зъ тыми Дёвами зробили? Они не зважаючи на выразну мысль тексту нё на дотычни параледьна мёстця, беруть все въ значеню звычайно́мъ, сухо́мъ, бездушно́мъ, а о̀дтакъ дивують ся, що выходить зъ ихъ языковон "обработки" правдива нёсенѣтниця, curiosum! У нихъ готска Дѣвы то проста дѣвчата, якась хлопки чи маломѣщанки, що не маючи иншои роботы ходять собѣ по берегахъ азовокого моря и "побренкують" тымъ "рускимъ златомъ", що Половцѣ здобули. Шкода то̀лько, що не сказали намъ интерпреты, зъ о̀дки "руске злато", добуте Половцями, взялось наразъ, ба навѣть въ протягу битвы, въ рукахъ готскихъ красавиць? Чей же то не була проста крадѣжь зъ ихъ стороны, анѣ якась великодушно̀сть дикихъ Половцѣвъ!

Для порозумѣня тексту роздивѣмъ ся въ митологіи Готовъ.

Готы, скандинавско-германьске племя, мешкали въ трето́мъ и четверто́мъ отолттю на по́вно́чь о́дъ чорного (и азовского) моря на просторонныхъ ровнянахъ и поляхъ, где були познвише укранньски степы. До головныхъ рекъ въ краю "восточныхъ" Готовъ зачислявъ ся Донъ, а въ краю "западныхъ" Готовъ нашь Днёстеръ. Готы, ровно якъ познъйши козаки, славились великими восвниками и предпріймали часто выправы черезъ Чорне море и Босфоръ, воюючи на выбережахъ азійскихъ, въ нынѣшной Анатоліи. Готовъ побили Гунны въ роцѣ 375 и тогды головна сила Готовъ перейшла до Панноніи, зъ одки въ пятомъ столётю завоювала горѣшну Италію. Дробни останки Готовъ лишились въ краю --- про ихъ истноване надъ чорнымъ моремъ згадуе исторія єще и въ познійшихъ вікахъ. Землю Готовъ межи Дономъ а азовскимъ моремъ заняли въ 11. столътю Половцѣ. Они були племенемъ турецкимъ и жили перше въ степахъ азійскихъ недалеко каспійского моря. Нѣ звычаями своими, нъ бесъдою, нъ религією они не подобали на Готовъ, а противно у всёмъ одъ нихъ одрожняли ся: Готы, по свёдоцтву исторіи, були образованымъ, культурнымъ племенемъ, а Половцъвъ звычат були дики и нечисти.

Авторъ Слова, уважаючи землю Половцёвъ "землею готскою", переноситъ религію Готовъ на всёхъ мешканцёвъ тои землё, отже и на Половцёвъ — такимъ чиномъ готски боги стаютъ ся у него опёкуньчным богами Половцёвъ.

Готска, и въ загалѣ германьска митологія, була въ

12 столётю добре знана на Руси. Наша князё и ихъ дружины походили зъ Скандинавія, а хочь Володимиръ Великій и принявъ христіяньство, предсёжь въ протягу двохъ вѣко́въ не могла нова вёра затерти всёхъ слёдо́въ вёрованя давного. Впрочёмъ авторъ Слова бувъ чоловѣкомъ образованымъ, мо̂гъ проте и безъ помочи традицій обо́знати ся зъ по̂вно̂чною вёрою.

Наводжу мёстця Слова, въ котрыхъ згадуе ся про "сотскыя красныя Дъсвы":

а) Връже см Дивъ на землю. Се бо готскым красным Джвы въспжша на брезж синемоу морю: звона роускымь златомь поють времы Боусово, лелжють месть Шароканю.

Б) Бъстала Обнда въ силахъ Дажьбожа вноука: въст8пивъ Дъвою на землю Трошню, въсплескала лебедиными крылы на синъмь моръ; оу Доноу плещоучи оубоуди жирны времена.

Кто есть той Дивъ и Боусъ, выясню познѣйше на подставѣ готскои*) митологіи. Ту замѣчаю только, що то були божества Готовъ и, ровно якъ готски Дѣвы, держали сторону Половцѣвъ.

"Готеки красни Дёвы", що беруть участь въ войнахъ, що мають "лебедини крыла" и тёшатъ ся "златомъ" неприятельского краю — то знани въ митологіи германьскихъ народовъ Валькирии, такожь дъвицъ-войницъ (Schlachtjungfrauen) або дъвицъ-лебедки (Schwanenjungfrauen). Були то урочи божески Дёвы, що зъ волё бога управляли судьбою военъ. Они узброени були въ лискучій шеломъ и щитъ и ёздили воздухами на невидимыхъ облачныхъ коняхъ. Где найбольшій виръ войны, тамъ безпечно находились и ти Дёвы: они невидимыми щитами заслонювали героёвъ передъ стрёлами неприятеля, а покойниковъ оовящали своими цёлунками и несли ихъ, вёнчаныхъ золотыми галузями, до Вальгалё на опольни пиры душь. Въ митологіи представляютъ оя они часто въ убраню лебедино̂мъ, а навёть зъ ле-

^{*)} Повночну, т. с. скандинавско-германьску митологію, за приводомъ Слова называю звычайно върою готскою. Єслижь говорю о Готахъ, то маю лишь тое спеціяльне племя на оцъ.

бедиными ножками; они люблятъ блескъ збров и золота, бавятъ ся грошемъ и подъ ихъ дозоромъ позостае злато морске.

Выражене "готскым красным Дтвы звонать р8-СКЫМЬ ЗЛАТОМЬ" ЛИШЬ ТОГДЫ МАЕ ЗОВСЕМЪ ЗРОЗУМЕЛУ МЫСЛЬ, коли его возьмемъ въ митологичноть значеню. Якъ въдомо, боги берутъ участь въ щастю свого народа, тъщатъ ся его добычами. уважають себе и народъ за одно. Авторъ Слова выразивъ ся ту только образово, постично — властиво хотввъ о̀нъ сказати: "половсцки дъвчата звонята рускима золотомъ". А що справдѣ така була думка поета, видно найлучше зъ другого, паралельного мъстця, где поетъ описуючи побёду Русиновъ надъ Половцями, такъ каже: "Роусичи потопташа поганым плъкы половецкым, и рассоушась стралами по полю, помчаша красным давкы половецкым, а съ ними и злато и паволокы и драгым оксамиты." Ту приходять "красныя длякы половецкыя" п "злато", але цоетъ не моїть вже сказати, що ту Русинами споймана були "красна готока Девы", бо прецъжь богинь нъкто ловити не буде. А замъчаю еще, що не безъ прилины говоритъ поетъ о "половецкихъ дъвкахъ" и "готскихъ Дѣвахъ". Въ давной Руси, на Литвъ, въ Польщи, въ Чехахъ дъвчата называно здробнёлымъ выраженень "длеки", и того слова уживь нашь поеть для означеня половецкихъ дёвчатъ; готоки богинъ зове онъ больше по-церковному и вже всюды именує ихъ "Дльсами". Се очевидно такожь важный моменть для оцёненя не лишь текоту Слова, але вже и самого естетичного образованя поета.

Єще большои ваги для доброго зрозумёня, що властиво значить выражене "готскым красным Д'Ккы", есть той уступь Слова, где описаный сонь кієвского князя Святослава. Интерпреты, якъ воюды, такъ и ту постарались всёма силами, щобы зъ найкрасшихъ помысловъ, зъ недоровнаныхъ комбинацій языковыхъ вытворити якъ найбольшу нісенётницю. Въ окремо̀мъ артикулѣ я той сонъ розберу основнѣйше — ту лишь замѣчаю, що князеви Святославови присинлись готски Дѣвы (Валькиріи) власне въ ту пору, коли они найголовнѣйшу свою чинно̀сть сповняютъ, т. с. коли о̀дпроваджаютъ поко̀йного героя до святои Вальгалѣ. Головий чинности Валькирій посля норманьское религів були таки:

1) Валькиріи нахиляють ся до покойного богатыря, окрыва ють єго, вёнчають голову галузками и несуть душу до Вальгалэ;

2) въ Вальгали подаютъ они душамъ чудеоный напитокъ, такъ зване божеске вино, маюче силу воскресити изъ мертвыхъ небощика;

3) они пестятъ, забавляютъ воокресшого духа, радуючи его золотомъ и жемчугами.

Въ "Словъ о плъку Игоревъ" князь свой сонъ межь иншими такъ описус:

1) Въ Кыневъ на горахъ снночь съ вечера одъвахъте мы чръною паполомою;

2) чръпахочть ми синее вино съ троудомь съмкшено;

3) сыпахочть ми великый женчюгъ на лоно, и нъг8ють мы.

Бояре одгадуючи той сонъ, говорять выразно о "сотскыха красныха Дъваха на брезъ синему морю" — тожь зовсёмъ не розумёю, якъ могли нынёшнй интерпреты думати, що князь онивъ ту о боярахъ. Хибажь то дёло бояръ, сыпати небощикови жемчугъ на лоно, давати небощикови (не знати по-що и на-що) затроеного вина, а пото́мъ того "затроеного небощика" нёговати (пестити)? Красный бы то бувъ поетъ, що компонуе такъ недорёчни сны!

Дивують ся многй, для чого князь не кому иншому, а боярамъ каже овой сонъ одгадувати. Для мене рѣчь ту цѣлкомъ яона. Бояре були потомками Варягъ и межи ними, якъ то инакше и бути не може, жили еще повѣрки ихъ давнои религіи, ровно якъ въ народахъ германьскихъ переховались многй подробности давнои религіи навѣть по нынѣ. Сслибъ князь Святоолавъ для одгаданя сну прикликавъ якого знахура-ворожбита, то сей безперечно не знавбы, що зъ такъ дивачнымъ сномъ зробитя, бо про напоѣ поомертня и про "нѣговане" мертвого тѣла о̂нъ не мавбы потрѣбныхъ вѣдомостей. Лишь бояре могли добре знати про Вальгалю и про Валькиріи, лишь они могли розумѣти гдеяка играшки сло̂въ, якъ н. пр. выражене "вино смѣшено оъ трудомь". Се послѣдне слово не означає, якъ говорять интерпреты, отрућ, бо чей мертвому чоловћкови вина зъ отрутою вже не треба. То соть незровнано хороша играшка словъ, чи тамъ играшка понятій, надаюча ся въ свовй двозначности якъ не можь краоше до постичного представленя сну. Князь говоритъ по руски "*трудз"*, а бояре видять въ то́мъ словѣ скандинавске "*thrud"*, означаюче божеску силу. Вино зъ трудомъ — ссть отже тос божеске вино, що Валькиріи подавали духамъ покойныхъ героѣвъ для покрѣпленя, для воскресеня изъ смерти. Недарможь и назване тос вино "синимз" — се такожь играшка понятій, бо Валькиріи пробували "на брезъ синему морю", и тамъ, надъ оинимъ моремъ, находила ся Гото́въ Вальгаля.

Князь говорить до боярь: "на горахъ од квахъте мы чръною паполомою", а въ то́мъ "од квахъте" вже есть сказано, кто его од ввавъ. "Од квахъте" окладаесь зъ двохъ частей: двеа + хъте, значитъ: Двеа Готоеъ. Щобы такъ геніяльну играшку понятій утворити, поетъ позволивъ собъ въ наведено́мъ глаголъ дуже дотепнои формы граматичнои, пишучи "од ввахъте" вмъсто "од ввахуть". Рожниця въ выговоръ обохъ тыхъ формъ була въ 12-о́мъ столътю дуже незначною, хиба що ъ звукомъ своимъ бо́льше зближалось до 0, отже форма "хъте" мимохо̀ть пригадати мусъла Гото́въ.

Посля нашихъ и россійскихъ интерпретовъ форма "одъвахъте" — то великій блудъ граматичный, бо повинно бути "одъвасте"! У нихъ се друга особа plur., а не третя — а яку цёль малобы тогды ъ въ формъ "одъвахъте", про се интерпретамъ байдуже. Отъ и выходитъ зъ тыхъ ученыхъ интерпретацій нова смёшность: разъ говоритъ князь "од квасте мы", а потомъ: чръпахоуть ми вино... сыпахоуть ми женчюгъ... икгоують мы". Бояре отоятъ передъ княвемъ, а сей до нихъ разъ черезъ другу особу, разъ черезъ третю!... Чижь не смёшность?

Снилось еще князеви, що ему давано напитокъ "на горауъ". Въ скандинавско̀мъ языцѣ зове ся духъ покойного героя, соли до́ставъ ся до Вальгалѣ: "einheri". Соть то отже нова играшка понятій, котру лишь знатокъ скандинавскои бесѣды о̀дгадати мо́гбы. Князеви снилось попросту, що о̀нъ ставъ ся "einherjar" омъ (нагоряномъ), т. с. мешканцемъ Вальгалѣ. Подобныхъ играшокъ словъ и цонятій, якъ побачимо, мѣститъ ся въ снѣ Святослава дуже богато, толькожь интериреты, напосѣвшись на поодинока буквы и слова, не умѣли тамъ нѣчого найти, нѣчого о̂дчитати. Той сонъ вразъ зъ о̂дгадкою бояръ васлугувавъ на окрему, хочбы и довголѣтню студію ученыхъ, бо есть единымъ нагляднымъ забыткомъ давнои ворожбитскои штуки, есть важнымъ жереломъ для по̂знаня "науки волшебнои" и давныхъ "соннико́въ" — а заразомъ есть доказомъ быстроумности поета, котрый за помочею всѣлякихъ штучокъ языковыхъ, такъ умѣвъ зладити текстъ сну, що въ нѣмъ дословно мѣстятъ ся цѣла уступы зъ о̂дповѣди бояръ.

Наведена изъ Слова мѣстця про готска Дѣвы важна такожь для оцѣненя розвою религійныхъ понятій у нашого народу. У Готовъ Валькиріи були въ першомъ рядѣ "дѣвицѣ-войницѣ", що на приказъ бога войны являлись на боевищи и зъ одтамъ покойныхъ героѣвъ односили въ свята райска теремы, до Вальгалѣ*). Правда, любили они и блескъ зброѣ и золото, та всежь тая пристрасть то лишь звычайна олабость дѣвочон природы, а у Валькирій занимала она лишь друге, подрядне значене.

Въ "Словѣ о плъку Игоревѣ" выступаютъ готски Дѣвы въ обохъ овонхъ характеристичныхъ признакахъ: яко дѣвицѣ-войницѣ (щитоносицѣ) и яко дѣвицѣлебедки, то̂лькожь видно, що христіяньство и мирный характеръ нашого народу злагодили гдещо надто-воєнну вдачу свѣтлыхъ богинь и вже бо̂льше ихъ сусту дѣвочу (любовь золота и красу) поклали на виднѣйшо̂мъ мѣстци. Нынѣ

^{*)} Вальгаля, мёстце посмертного побыту героёвё, бувъ то пышный теремъ положеный въ раю за чаровнымъ гаемъ Глясуромъ. Саля Вальгалъ була розмёровъ величезныхъ, мала 540 дверей, а черезъ кождй дверё могло поступати разомъ по 800 духовъ. На встрёчу ново-прибуваючихъ покойниковъ всё тамъ вставали зъ мѣстця а Валькиріи наливали имъ до чашъ пёнящого вина, яке самъ Воданъ попивавъ. Вино мало таку силу, що покойники отрясались изъ смертного сну, воскресали до нового житя, приходили назадъ до самосвёдомости. Самъ найвысшій богъ не ввъ нёчого, лишь попивавъ вино зъ подою козы, а духи иили вино и мёдъ, и живились солониною зъ дикого кябана. (Той кабанъ яко мешканець Вальгалѣ надежавъ до такъ званыхъ "месмиракъ"; ему кухарь одного дня обрёзавъ все мясо, а о̀нъ на другій день поросъ мясомъ на ново).

у руского люду про дёвицё-войницё майже нёякихъ не находимо повёрокъ; зъ колишнихъ Валькирій лишились хиба тотй лукавй нашй Русалки, що мешкаютъ въ подводныхъ хрусталевыхъ палатахъ, нагромаджуютъ тамъ золото и скарбы, лягаютъ "на брезъ ръкъ", любуютъ ся въ своёй красё, чешутъ ся до мёсяця и заманюютъ недосвёдченыхъ молодцёвъ до себе.

Про Валькиріи подаємо туть посля Едды и иншихъ старинныхъ за/ъ и пёсней колька подробиць.

1. Стануло разъ войско до борбы и чує зъ далека лагодна, люба тоны, мовбы легкій свисть вётру або шелесть зеленого листя. Ажь отъ тоны становлятъ ся чимъ разъ сильнѣйшй и вже идуть тучь и гуде борвѣй понадъ лѣсъ и войска зъ великою силою. "То Воданъ, кличутъ войны, онъ зъ посередъ насъ выбирає собѣ душь". А Воданъ ѣхавъ на кони зъ мечемъ, чорный его конь перебъгавъ крат и моря, въ округъ лиця божеского велика свътлость, а за нимъ 12 орловъ у слёдъ. Въ сивомъ мори облаковъ онъ станувъ зъ своимъ конемъ и ту прикликавъ до себе двѣ Валькиріи даючи амъ приказъ, якъ маютъ правити войною. Одтакъ самъ богъ кинувъ кошіє межи войска и вже чути голосъ трубъ и дикй воений оклики. Стрелы летять якъ градъ, боева топоры и тяжка молоты розлуповуютъ шеломы и щиты, мечѣ гремлютъ посередъ битвы --- червона кровь обагряє зброю и нѣжнй цвѣточки на земли. На передѣ видно було самого короля Гакона зъ кошемъ и мечемъ, якъ по трупахъ неприятеля слёдъ собё правивъ, шукавъ дороги. Ажь ось чує онъ бъля себе голосъ Валькирій. Середъ боевого натовпу сидять они на белыхъ коняхъ, держачи на передъ себе обнажена мечъ, а сама оперта були на копіяхъ. Они выбороли королеви побъду, але самъ король полягъ въ битвѣ. Валькиріи понесли покойну єго душу передъ лице Водана до Вальгалъ.

2. Єсть такожь Валькирія, Фрея, цариця небесна, жена самого Водана. Она разъ подыбала въ лѣсѣ спячого стрѣльця. На нѣй лебедина пѣряна шата, золотый пояоъ, стать єм чудово-хороша, русявй локоны сплывали въ долъ по̀дъ прозрачною тканиною, що оповивала голову; на шім и груди мала богатый золотый прибо̀ръ. Стрѣлець зъ задивомъ споглядавъ на незнакому невѣсту, не знаючи, чи о̀нъ на явѣ чи въ снѣ, чи се людска постать передъ нимъ, чи яка мана́. Зъ неи ажь било житемъ. Стрѣлець здивовавъ оя, бо предсѣ Фрея не належитъ властиво до Валькирій, а ту она такою явилась. "Стрѣльче, сказала она голосомъ божескимъ: тебе

5

взыває самъ Воданъ, взываютъ тебе его голоднй, труповъ жадни круки, взыває въ облакахъ мрачный орелъ, що кружитъ теперь надъ тобою — всё взываютъ тебе до важныхъ чиновъ. Поконай змёю, що гордитъ святыми богами. Иди въ бой, Воданъ въ тобою, слава зъ тобою!" Фрея при тыхъ словахъ щезла и лишь видно було, якъ справдё круживъ орелъ надъ головою стрёльця.

3. Односкій Воданъ сидівь разъ за хлопа перебраный въ своби хатинв. Онъ поднъсъ ся, ставъ довгій великій, а его око засіяло мовь сонце. Онъ махнувъ правою рукою, нъбы кликакъ когось, и заразъ крозь хмары и ночну мраку явилось сёмъ дёвчатъ на бёлыхъ коняхъ, зъ щитами, и станули передъ нимъ. Звались они: Грістъ, Трудъ, Јель, Містъ, Јондуль, Скојуль и Гільде. Воданъ казавъ имъ удатись на поле битвы и помагати королеви Грольфови. Валькиріи погнали заразъ туды. Передъ битвою крикнувъ одинъ зъ королевскои дружины: "Чи бачите Валькирій надъ нами, якъ они усмёхаютъ ся зъ подъ шеломовъ и моргаютъ до насъ? Мы вже ту, побѣдоносна дѣвицѣ! Небавкомъ вы насъ пригорнете въ свои обоймы и занесете въ теремы свѣтъбога, где сама Фрея на стрѣчу понесе намъ пѣнящого меду. Але доки мы живй, вы намъ помагайте небесни, щобы зъ честею умерти и нехай во вѣкъ вѣковъ лунає наша слава въ пвоняхъ поетовъ !" И велика була помочь тыхъ Валькирій. Подъ ударами мечъвъ гинули вражи войска, — та дарма! Богато королевской дружины упало, тай самого королы не минуло лихо: стрёлы изъ всёхъ сторонъ посыцались на него, а мечё били о его шеломъ и щитъ. Довго король боровъ ся, а хочь цёли ряды побивавъ своими громами ударами, въ конци его зброю продъравлено, ему самому охляла рука и онъ стрълою пошибненый полягъ на боєвищи.

4. Жена короля Гаддінія, Рејенгільдъ, по смерти сталась Валькирією и хоронила мужа одъ нещастя. Она являлась сму вечерами и ночами при звукахъ арфы и середъ тихого солодкого спѣву. По смерти сталась "довшою", преображеною, свѣтломъ мѣсяця освѣчена; подобна була до мрачного привиду. У послѣдне бачивъ король свою жену передъ смертею: она его взяла за руку, цѣловала его и въ ко̂нци возвала его, щобы самъ собѣ смерть заподѣявъ.

5. Въ залахъ и пёсняхъ згадуе ся звычайно 7, 9, або 12 Валькирій; они ёздятъ воздухомъ и водою; ихъ конё то хмарна привиды, якъ то и нынё часто замёчаємо щось на подобу коней въ облакахъ. При ставахъ и рёкахъ роздягаютъ они свои лебедина пёря и купаютъ ся въ чистыхъ водахъ. Лучаєсь, що люде часомъ украдкомъ заберутъ имъ одёжь лебедину, тогды они достаютъ ся подъ ихъ власть, стаютъ ся въ неволи добрыми жёнками и газдынями, але только на такъ довго, доки не вынайдутъ одежи назадъ. У нихъ вже вродженый наклонъ до боевыхъ пригодъ.

6. Три ковальчуки выбрались разъ до моря въ надъи, що найдуть скарбъ. Выкупались, стали красни и ясни, и стоять на узбережю моря. Ажь чують лоноть крыль горь надъ собою и побачили тря дивна постати, девице въ лебединыхъ сорочкахъ. То були Валькиріи. Они злетъли на землю, зняля крылату одёжь и купались въ лётеплой водё. Одтакъ устли на березъ и почали прясти золотыми веретенами боеву судьбу. Три ковальчуки спознали заразъ тй святй дёвицё, подкрались до нихъ, забрали имъ крылату одъжь и заховали въ безпечне мѣсце. Заклопотались дъвицъ. але що вже робити? Мусвли оддатись, кожда за одного хлопця. Жіють они такъ 7 лёть въ щастю и супокою, а на осьмый забаглось имъ бути зновъ Валькиріями. Що бо и казати! Чи не роскошь дивитись на бов геройски, вздити на облачныхъ коняхъ, уноситись лебедомъ понадъ крав и моря? На щасте удалось имъ въ небытности мужбвъ найти скрыню, а въ нъй свои одежи. Заразъ побъгли до моря, надягля одъжь на себе и понеслись въ синяву небесну.

7. Выйшли два королевичё въ свёть шукати пригодъ. На краю лёса побачили они 9 Валькирій на бёлыхъ коняхъ высоко въ воздуху. Одна зъ нихъ спустилась на землю и каже до молодшого брата: "Твоя година настала, бери за мечь, я тебе хоронити стану середъ виру войны." Молодець ошоломленый небесною красою, каже до дёвицё: "Будь менё женою !" — "Не пора еще менё, бути твоєю, одказала Валькирія; дёломъ докажи, що ты достойный щитоносицё". По сихъ словахъ знялась она назадъ въ гору до своихъ товаришокъ. — Одъ того часу молодець кидавъ ся очайдушно въ найбольшій виръ войны. Неразъ, коли рука утомлена одмовляла послуги, бачивъ онъ надъ собою Валькирію, що лиокучимъ щитомъ перехоплювала стрёлы, и онъ набиравъ новыхъ силъ до бою. По якомсь часё онъ подруживъ ся зъ нею.

13. Дивъ кличеть връхоч древа.

Двѣчи згадує ся въ Словѣ про Дива: разъ, коли Игорь переступивши границѣ Руси станувъ на земли половецко̂й, а о̂дтакъ коли Игорь доставъ ся до неволѣ и Половцѣ почали нищити руску землю.

а) Солнце кнызю тьмою поуть застбпаше; ноць стоноущи іємоу грозою птичь очбочди; свистъ зв'яринъ въста, (злый) Дивъ кличеть връхоч древа: велить послочшати земли незнають, Клъзъ и Поморию и Посочлию и Сочрожоч и Корсочию, и тебъ тьм8тороканьскый блъванъ! А Половци неготовами дорогами побъгоша къ Доноч великомоч; кричать телъгы пол8нощи, рци лебеди роспочщени.

в) На рѣцѣ на Кашлѣ тьма свѣтъ покрыла: по р8ской земли простроша сы Половци, акы пардочже гнѣздо, и въ морѣ погроузиста, и великою в8йство подаста хинови. Оуже сънесе сы хоула на хвалоу, оуже тресноу ноужда на волю, оуже връже сы Дивъ на землю. Се бо готскый красный Дѣвы.... ввоны р8скымь златомь поють времы Боусово, лелѣють месть Шароканю.

Давна коментаторы называли Дива зловёщимъ птахомъ, що "кликаез" надъ Дономъ зъ якогось "степового дерева" а голосъ его чути було ажь до азовского моря. Новёйша интерпреты вже покинули такъ недорёчне толковане и зовутъ теперь Дива "славяньскимъ божествомъ тьмы", подобнымъ до дивоез перскихъ и до девоез индійскихъ. Отъ и зновъ выйшла потёшна нёсенётниця: рускій богъ сидитъ на вершку дерева и кличе, а пото́мъ зъ того дерева (якоись степовои лозы) воъже сы на землю, мовбы лоза не знать якъ высокою була !

Кто читає наведени уступы "Слова", и безъ великои науки догадає ся, що Дивъ не есть ту божествомъ славяньскимъ, але опѣкуньчимъ богомъ Половцѣвъ. Попри Дива вгадуютъ ся тамъ "готски красни Дѣвы"; отжежь якъ ти Дѣвы, такъ и того Дива шукати треба було въ митологии Гото̂въ.

Процедура тутъ дуже легка. Готы, подобно якъ нынѣшна Нѣмцѣ, читали д больше якъ т, отъ и достасмо назву Тіv, знану въ германьской митологіи. Тiv, або Тio, такожь Zio, або зъ латиньска Tius — то все назвы для означеня военного бога въ готокой (п въ загалѣ въ германьской) религіи. Слово Tiv утворилось зъ тогожь кореня, що и назвы найвыошихъ боговъ у Индійцѣвъ, Грековъ и Римлянъ: Djavs, Dzevs (gen. Діосъ), Jupiter (== Diespater). То все були боги свѣтлâ, а не тьмы. Въ познѣйшой митологіи германьской на мѣстце Tiv а станувъ богъ Воданъ, а Tiv есть вже того Водань сыномъ; въ "Словѣо плъку Иг." Тіv взятый въ значеню первѣстно̂мъ и єму неодно прицисуєсь, що въ по̂знѣйшихъ вѣкахъ належало до Водана.

Тіv бувъ передовсёмъ богомъ войны. Онъ дає войскамъ побёду, самъ являесь на боєвищи и якъ по̀знёйше Воданъ, послугує ся въ битвахъ своими "красными Дёвами" (Валькиріами). Тіv-а приходъ на боєвище о́дбуваєсь середъ великои тучё; о̀нъ окруженый псами, вовками, крукамп, орлами; войску для заохоты приспёвує о̀нъ свои пѣсни и звычайно самъ розпочинає битву, кидаючи копіємъ на неприятеля. Давни Германы въ честь Тіv а танцювали передъ розпочиномъ борбы такъ званого "мечевого" (т. є. танця), а на рукоймахъ мечёвъ вырёзували знакъ свого бога.

Всё наведенй подробности про Тіv-а находять ся и въ "Словё о плъку Игоревё." Дивъ, видячи Половцёвъ въ небезпеченьствё, накликує до войны всё свои вёрна народы (надъ Волгою и Сулою, а надъ морями чорнымъ и азовскимъ) и въ наслёдокъ его поклаку "Иоловци неготовами дорогами побъгоша къ Дону великому". Дивъ спёшитъ на бсевище, и отъ "чрзныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыти четыри солнца, а въ нихъ трепещуть синии млънии. Быти громоу великому, ити дождю стрълами! Земля тутнеть, ръкы мутно текуть, пороси поля прикрывають. Дъти бъсови кликомъ поля прегородиша". Побочь Дива стрёчаемо въ Словё и "готскыя красныя Дъвы", а на степѣ, якъ каже шоетъ: "влъци грозу въсрожать по яругамъ, орли клектомь на кости звъри зовуть, лисици брешуть на чръленыя щиты".

Авторъ Слова представляе тутъ Дива зъ цёлою правдою поганьского вёрованя, а описи его такй незвычайнй, тасмничй, страшнй, що тутъ дёйотно мы мовь чусмо дёланя якихъ то надземныхъ силъ.

Въ Словѣ замѣтнй три религійнй свѣты: боги Гото́въ (Дивъ, готски Дѣвы, Стрибогъ, Бусъ) стоятъ по оторонѣ Половцѣвъ; боги славяньски (Дажбогъ, Хорсъ) выступаютъ бо́льше неутрально, пассивно, бо ихъ сила цѣлкомъ вже була зломана по́дъ вплывомъ повои, христіяньскои вѣры. Готскимъ богамъ, що въ середныхъ вѣкахъ майже всю Европу по̂дбили по̂дъ овою власть, не тяжко прийшло пообдити боговъ славяньскихъ, тому и не дивно, що Половцё перемагаютъ Русиновъ. Доперва подъ самъ конець поемату (въ XIII. и XIV. уступѣ) выступає Богъ христіяньскій; теперь сила готскихъ боговъ вже не выстарчає: — чудеснымъ способомъ и безъ дальшого проливу крови ратуесь князь Игорь зъ неволѣ. Миромъ звитяжило христіяньство надъ поганьствомъ.

14. "Древо".

Лишаєсь єще пояснити выраженє "връху древа". Чей в наши коментаторы схотять признати, що Тіч, той гро́зный богь велякого норманьского свѣта, котрый свои народы одушевлявъ до найвыешихъ чиновъ геройства що о̀нъ не буде летѣти на степъ украиньскій и сѣдати тамъ на дробне дерево, на — лозу! Готы изъ всѣхъ народо̀въ германьскихъ славились найвыешою культурою и свою вѣру розвинули до якъ найкрасшои системы — такъ чей они для найвыешого бога умѣли найти якійсь престолъ, импонуючій народамъ, тай умѣли вынайти "древо", зъ котрого бы розсылавъ богъ свои поклики на вою землю.

Тай було таке "дрено" для Tiv-a. Оно, посля повночнои митологіи, звалось "свътовый ясень"; вершокъ того дерева бувъ въ небѣ, корень въ темно̀мъ царствѣ смерти, а галузя розпростирались понадъ всё землѣ, на весь овѣтъ. Той ясень подливаютъ богинѣ Норны святою водою, щобы вѣчно зеленѣвъ свѣжимъ и веселымъ листемъ. Зъ ясеня спадае обильна роса на землю, щобъ бувъ ростъ рослинамъ, а пожива для людей и звѣрятъ.

На таке дерево не жаль було и Тіv-у станути и зъ одтамъ — гукнути, хочбы и въ найдальша ко̀нцѣ Европы. Зъ того дерева, зъ поднебеснои высокости, оплатилось навѣть "веречи ся" на землю, щобы взяти "особистый" удѣлъ въ великой войнѣ и кинути копіемъ на ненавистныхъ "Русичѣвъ" *).

^{*)} Върованя про готского бога войны знани були такожь на Руси; они принесени сюды першими князями зъ Скандинавія Символичне кидане копія задержалось на Руси навъть по принятю христіяньства. Битва завсъгды розпочинатись могла ажь тогды, коли князь першій кинувъ свое копіе.

Въ скандинавскихъ старыхъ пёсняхъ (въ Еддё) згадуе ся, що найвысшій богъ сидитъ на свётово̂мъ деревё, або на нёмъ завёщуе ся, або такожь зъ него "верже ся на землю". Въ пёсни "Hâvamâl" говоритъ богъ Воданъ — (наводжу слова въ нёмецко̂мъ перекладё ио̂сля Едды Wolzogen-a, ст. 181) —:

Ich weiss, wie ich hing am Baum Neun ewige Nächte — An jenem Baume, der Jedem verbirgt, Wo er den Wurzeln entwachsen. Auf klagenden Ruf wurden Runen mir kund, Bis ich vom Baume herabfiel.

Изъ Слова легко дознатись, где по върованю Готовъ находилось "свътове древо". Оно мусъло стояти гдесь посередъ синого моря (подобно якъ въ нашихъ песняхъ людовыхъ стоитъ середъ моря "яворъ"), бо тамъ були "готски Дівы", тамъ сидівъ Стрибогъ, зъ одтамъ гнали Половці надъ Донъ, зъ одтамъ навъть, якъ говоритъ поетъ при описв сну Святославового, налетели на Русь "босуви вороны" и зъ жиромъ назадъ туды одлетели. Думаю, що наветь сами назвы: "Азовъ" (мъсто) и "азовске море" суть подъ взглядомъ митологичнымъ для насъ дуже важнй. Правда, они передъ 11-ымъ вѣкомъ въ исторіи не стрѣчають ся --але чи не истновали они передъ тымъ въ народъ въ якой подобной формь? Соли такъ, то положене Вальгалъ Готовъ булобы остаточно рѣшене, бо тогды дѣйстно находялась бы она въ азовскихъ сторонахъ, где пробубали "Азы", т. е. готски боги свётла, котра "сотворили першихъ людей и уформовали небо и землю".

15. Боусово времы.

Каже авторъ Слова, що готски Дѣвы "поють еремя Бусово". Дръ Огоновский такъ коментус: "Время Бусово е безъ сумнѣву той часъ, въ котро̂мъ Боозъ, король Анто̂въ-Славянъ, трагичною умеръ смертею. Проте готски дѣвчата величали богатиря народу свого, Винитара, що поборовъ илемя, ро̂дне сучаснымъ Русичамъ. Алежь тіи дѣвчата тямили мабуть такожь на се, що надъ ними панували Половцъ, задля того лелъють они месть Шароканову".

Цѣлый circulus vitiosus! Готски "дъвчата" и Антовъ памятаютъ и якихсь "сучасныхъ" Русичёвъ и навёть Половцёвъ, що доперва въ колькасотъ лётъ по Антахъ выстунають. Тай то дивна рѣчь, що Готы уступились зъ надъ Дону вже въ 4-томъ столътю, а готски дъвчата еще въ 12-омъ столётю цонадъ моремъ блукаютъ ся. А требажь знати, що Готы властиво и не суть народомъ, а только военною дружиною, подобно якъ були Варяго-Руссы, що въ 9 о́мъ столётю завоювали нынёшни области руски. Коли Готы по выходѣ зъ надъ Дону переселювались въ инши крав, а року 488 до Италіи, ихъ вразъ зъ женами и дътьми начислено всего-на-всего 200.000 душь. Колькожь ихъ могло лишитись на украиньскихъ степахъ, если головна спла вывандровала? Тай чогожь бы они тамъ лишались? А если лишились, то чи могли они ажь до 12-ого столётл задержати свою народность ?

Дивно такожь, що готоки дівчата не оснівували свого богатиря, Винитара, але сніввали въ честь свого ворога, въ честь славянина Бооза. Ту интерпреты мысль Слова нарочно перекрутили, коментуючи поемать не посля власныхъ словъ поета, посля є го способу бесёдованя, але посля власныхъ сныхъ своихъ придумокъ. Соли н. пр. Боянъ бувъ "пісонотворцемъ времени Ярославля", чижь то значитъ, що о́нъ співавъ противъ Ярославля", чижь то значитъ, що о́нъ співавъ противъ Ярослава? Чей кождый скаже, що ні, отже и готски дівчата оспібнуючи "Крєма Коусово", не могли выступати противъ Боуса, але противно, они єго часы и єго самого выхваляли, оспівували.

Найкрасшу розвязку до тексту ноезін подає намъ зновъ готска митологія. Боусъ (Bous) бувъ богомъ Весны и сыномъ самого Водана. Мати Боуса, посля за/ъ повночныхъ, звалась Ринда и була донькою короля, що панувавъ "im kalten Lande der Ruthenen" (гл. Nordisch-germanische Götter und Helden von Dr. Wilhelm Wägner, Leipzig und Berlin 1882, Verlag von Otto Spamer, dritte Auflage, erster Band, стор. 261). Той Боусъ заразъ въ першой ночи по своѣмъ народженю выросъ въ повного мужчину и кроваво мстивъ ся на Гедерѣ, слѣцо̀мъ бозѣ, що убявъ бувъ другого

Digitized by Google

١

бога, Бальдера, любимця неба и землё. Стрёлу, котрою Боусъ умертвивъ Гедера, несли Дёвы (Валькиріи) на лебелиныхъ крылахъ.

Числення за/и зовуть Боуса королемъ мудрымъ и справедливымъ, такъ, що за его панованя множились въ краю всяка богатотва, а народъ любивъ его якъ родного батька. Слава его ишла по всёхъ земляхъ, а далека королё и народы выбирали его часто овоимъ посередникомъ въ державныхъ спорахъ. Нъкто не смъвъ его зачёпати, въ краю бувъ миръ и гараздъ. По его смерти вложено трупа на човнё на купу соломы, обвито мертве тёло блескучими оружіями и дорогоцённостями, а на голову наложено вёнець. Такъ о̂нъ и доставъ ся далеко далеко, до божон Вальгалё, где душё покойныхъ героёвъ о̂дпочивають.

Посля иншихъ за/ъ Боусъ бувъ завзятымъ воевникомъ и належавъ до невеликои громады тыхъ боговъ, що уратовались зъ посередъ пожару овъта. За/и называютъ его избраннымъ оыномъ Водана и навъть его наслъдникомъ.

Отжежь того то Боуса часы оспёвували готски красни Дёвы. Здаєсь, що руски Варяги уважали Боуса на-правду овоимъ колишнимъ королемъ и проте въ мысль тои традиція писавъ о нёмъ и авторъ Слова. (О́нъ въ своёмъ поематё выражати ся мусёвъ зрозумёло для людей свого часу, а передовоёмъ для болръ). Нынё нема у насъ традицій про "kaltes Land der Ruthenen", але бояре зъ 12-ого вёка безсомнённо памятати мусёли дотычни за/и ового родинного краю.

16. Бошнъ.

Кто бувъ Боянъ, поетъ зъ часовъ Ярослава Великого, ръщити тяжко. Для мене одно только есть безсомнённою правдою, що якъ авторъ Слова, такъ и Боянъ бувъ чодовъкомъ дуже образованымъ. Се выходитъ зъ похвалъ, якй про него находимо въ Словъ о полку Игоревомъ, якъ и зъ цитованыхъ тамже уступовъ его поезій. А такимъ образованымъ чоловъкомъ мо́гъ бути едино воевода Янъ, сынъ Ярославового воеводы Вышаты, а внукъ ученого посадника иовгородского Остромира. Несторъ говоритъ, що о̀дъ того Яна, 90-лѣтного старця, ботаго довъ́давъ оя про давнѣйшу исторію Руси — мавъ то бути чоловъ́къ, обдарованый ве-

6

ликимъ талантомъ и практичнымъ розумомъ. Зъ его оповъдань и, здаесь, пъсней втягнувъ Несторъ многй даты до своеи лътописи.

Важнымъ для мене доказомъ, що истинно сей Янъ Вышатичь бувъ поетомъ Бояномъ, соть саме "Слово о плъку Игоревѣ". Заразъ въ першо́мъ уступѣ Слова находитъ ся такій зворотъ до Бояна: Пѣтн было пѣснь Игоревн, того Ольга вноукоу: "Не боуры соколы занесе чресъ полж шнрокам: галици стады бѣжать къ Доноу великомоу."

Наведени тутъ слова: "не ббож соколы занесе чоесъ пола широкая: галици стады бъжать къ Дон8 Великом8⁶⁶ — уважати мусимо цитатомъ зъ поезій Бояновыхъ, а проте ясна ръчь, що той Боянъ межь иншими оспёвувавъ такожь якусь борбу Русиновъ зъ Половцями. Авторъ Слова хотввъ оказати : "Слова твои, въщій Бояне : "не буря соколы занесе"... годять ся якъ найкрасше до опноу войны Игоревои, отожь Игореви було теперь заспёвати". Зъ исторія знаємо, що Янъ Вышатичь бувъ славнымъ воёвникомъ и ажь до послёдныхъ дней житя боровъ ся зъ Половцями "на широкихъ поляхъ". Тутъ легко высновуесь догадка, що кто жите цёле боресь зъ тяжкимъ непріятелемъ отчины, може легко одушевитись до поетичного представленя тыхъ борбъ. Я проте бачу в ту лишь постичну играшку словъ: "Вышата" — "вѣщій", "Янъ" (що волавивъ ся ва бояха) = "Боянъ"; старый же Остромиръ, дёдъ Яна, чоловёкъ письменный и розумный, соть нёяко самымъ Велесомъ, на ровни зъ богомъ постовъ и въщуновъ.

Посля Слова оспёвувавъ Боянъ часы Ярослава, Мстислава и Романа Святославича. Соть то, якъ видно зъ Несторовои лётопион, власне той часъ, въ котромъ живъ восвода Янъ Вышатичь.

17. Се Оурим кричать подъ сабліями половецкыми, а Володимиръ подъ ранами.

За приводомъ Максимовича читаютъ интерпреты: Ge оч Римъ кричать... Сслибъ такъ дъйотно було, то дивуватись приходитъ, для чого авторъ Слова, чи тамъ его переписувачъ, написали "Vpum", слово незрозумъле, мъсто зрозумълого "у Римъ". Посля критяковъ якійсь дивный бувъ

Digitized by Google

той Игоревый поеть: мёсто "Волост" о̀нъ пише "Велест", мёсто "одљеахуть" пише "одљеахъте", мёсто "бљеова" пише "босува", мёсто "у Римљ"" пише "Урим!" Отъ и посля дуже выго̀днои методы поправляе ся и одно и друге и трете зъ найкрасшои поезіи творитъ ся звычайна проза, щоденьщина!

Противъ формы "у Рим в" промавляють важни причины. Приименникъ "оу" приходить въ Словѣ о полку Игоревомъ завсъгды ляшь при надежи другомъ: у Дону, у Курьска, у ваю, у Плъснеска; при семомъ падежи кладе поетъ ВСЮДЫ "Въ": вз плоночи, во гридниць, во княжцах крамолаха, ва пламянь розь, ва градь. Для чогожь бы въ тоять одномъ ивстци заходивъ высмъ одъ загального правила? Ту навёть звуковй причины не оправдують того оу, бо форма "въ Римѣ" соть до вымовы зовсёмъ легкою, далеко лекшою, якъ н. пр. вз княжихз, вз гридниць и т. д. Я певно радъ всякимъ властивостямъ малоруского языка, если таки подыбуютъ ся въ Словѣ, и въ протягу сеи розправы даю на то числений доказы — однакъ властивостей сихъ шукаю только тамъ, где они истинно суть; въ мёстцяхъ, где текотъ очевидно попсованый, неоправданыхъ малорусизмовъ вынаходити не годить ся.

Пооля интерпретовъ въ то̀мъ Римѣ "кричали Русичи подъ саблями половецкими". О ко̀лько менѣ знаный языкъ давнои Руси, то глаголъ "кричати" не употребляе ся тамъ для означеня людокого стону, тай самъ авторъ Слова говоритъ на иншо̀мъ мѣстци: "Кричать телѣгы полунощи, рци лебеди роспущени". Очевидно, що крикъ (окрипо̀тъ) телѣгъ и крикъ (верескъ) лебедѣвъ не маютъ нѣчого спо̀льного зъ голосомъ раненого або умираючого чоловѣка. Въ то̂мъ "кричати" есть щось дикого, гро́зного, напастного, а зовоѣмъ не чуютъ оя въ нѣмъ тены передсмертив.

Въ выданю Мусинъ-Пушкина напечатано "Оуримъ" черезъ велику букву початкову, а въ рукопнои царицъ Катерины читаємо: сури". На око объ тй формы выдають си однаковй, але такими не суть. Мусинъ-Пушкинъ додавъ до наконечного м букву ъ, котров въ рукопнов Катерины не находимо. Длячогожь въ той рукопнои нема ъ, а м такъ поставлене неомъло, повысше линіи? Ту очевидна заходитъ маницуляція переписовача: о́нъ букву М вырвавъ зъ середины, але яко совёстный чоловёкъ нотус сё дро́бнымъ письмомъ на ко̂нци слова; буквы жь Ъ не дописус, бо въ текстё си не було.

Я четаю такъ: Се Оу мьрн*) кричать подъ саблями половецкыми, а Володимиръ подъ ранами.

Ктожь були тім "Умри"? А вжежь нёкто иншій, якъ Валькирія, бо они въ повночной митологіи зовуть ся доньками бога Умира або Имира. У Wolzogen-a ("Die Edda, Götterlieder und Heldenlieder") отор. 265 читаемо: "Oegir oder Humer ist also überhaupt Meergottheit, und zwar Gott des Wolkenmeeres und Gott des Wogenmeeres. Als Herr der Wellen und Wolken ist diese Gestalt mit Recht auch Vater der Schwanenmädchen und Walküren, die Wellen und Wolken repräsentiren. Dies ist die aus ältester Zeit iu den Sagen überlieferte Gestalt der Meergottheit".

Я замѣтивъ вже при пояснюваню слова "Дивъ", що авторъ Слова постать того бога начертавъ посля за/ъ "а из ältester Zeit" и принисавъ ему гдеякй власности, що въ познѣйшой митологіи односятъ ся до Водана. Те саме бачимо и тутъ при Умрахъ. Справдѣ, лишь подивляти належитъ велику ученость поета, котрый пишучи о готокой митологіи, постати боговъ не представляе посля сучасного вѣрованя Варяговъ, але представляє ихъ посля давнѣйшои вѣры, якими они були въ первыхъ вѣкахъ по Хриотѣ, коли то еще Готы мешкали надъ Дономъ.

Запытає кто може : чого тів Умри "кричали" (грозно верещали) подъ саблями половецкими? Та вже не чого нишого, якъ тому, що то борба була зъ самымъ княземъ Володимиромъ. Велика "рыба", то и треба було незвычайном "форон". Въ лётописи сказано, що переяславскій князь Володимиръ "бк моужь бодръ и дерзокъ и крипокъ на рати... и моужьствомъ крипкымъ показам сл... о немь же Оукрайна много постона". Супротивъ вавзятого воё вника, що въ войнахъ все "вздилъ на переди", мусёли

^{*)} Оумьян есть торма приложникова и значить "Умрбена" (т. с. Умира доньки). Вже въ давной Руси гденки приложники уживались именниково, н. пр. Келедимирь (м. Володимирь городъ), Алестъ (м. Львовъ городъ).

Валькирін ударити зъ всёхъ силъ на тревогу и добре заходитись около Половцёвъ, щобы ихъ заохотити до бою. "*Ту* бійте его!" — кричали они зъ понодъ шабель половецкихъ, ослонюючи заразомъ невидимыми щитами себе и Половцёвъ передъ стрёлами рускими. Мы такъ мовь чуємо той дикій верескъ и крикъ, якій вчинити мусёли люги богинѣ на видъ грозного князя Руси...

Выражене "Оумон" (Умьри) соть походженя скандинавского, але має, якъ то легко замётити, такожь звукъ славяньскій, проте и уживъ его авторъ Слова для означеня Валькирій. "Умри" (одъ глагола "умерти") булибъ для Славянъ богинями смерти, а для Готовъ опёкуньчими божествами посередъ виру войны. Тутъ бачимо зновъ геніяльный помыслъ поета въ доборё слова — ужите нимъ выражене одвёчае зъ однои отороны систематови религійному Готовъ, а зъ другои понятямъ Славянина.

18. Яще н въща доуша въ дроузъ тълъ, нъ часто (Всеславъ) бъды страдаше.

Боть пословеця на Руся: "Черезз письменных завалит ся свът" — она приходить менё заедно на умъ, коли только спогадаю на интерпретовъ Слова. Та интерпреты то истинно велика, психологична загадка. Найлекшй рёчи представляють ся имъ предметами незвычайными, великими, отрашными: они и на оанокрить покликують ся, и на Перзовъ, и на Арабовъ, и Богъ вёсть на кого. А зновъ бувае, що до рёчей важныхъ, до высокихъ помысловъ ихъ коментарё дуже низька, щодений, проста азбучна нитавка, въ ревультатами дуже комичными.

То такъ и зъ тымъ выраженемъ "Въ дроузк тклк". Літопись дуже докладно и просторонно поясняе, що тов "Въ дроузк тклк" значитъ; интерпреты цитуютъ слова літописи, а въ конци зъ ихъ роботы выходитъ коментарь крайне недорічный ! Однй выводятъ "ез друзъ" о́дъ "другз"; другй толкуютъ "ез дружножа тълъ", Поляки пашутъ "w ciele bracie" и т. д.

О полоцкомъ князю Всеславъ такъ говорить ся въ лътописи: Матери родивши есго, бысть емоч извено на главъ; рекоша волсви матери: "се извено навижи нань, да носнть ю до живота своюго", юже носить Всеславъ и до сегодне на собъ.

Посля Миклоовча ізвено (такожь ізвьно) означає верхне тёло, кожу, шкору. Зъ того видно, що посля загального вёрованя давноя Руси, Всеславъ родивъ ся зъ дво ма тёлами (кожами): однымъ людскимъ а другимъ волшебнымъ, въ одномъ тёлё була душа людска а въ другомъ въща.

Отъ в готова цёла витерпретація! Къ дроузѣ тѣлѣ — ез друго́ма тълъ. (Къ дроузѣ соть цёлкомъ правельный 7 падежь о̀дъ приложника въ усёчено̂мъ видё дооугъ).

Зъ наведеного уступу Слова легко дорозумѣтись, що посля давныхъ повѣрокъ "ызвено" уважалось якимоь тализманомъ, що приноситъ чоловѣкови щасте. Тая повѣрка доховалась до нынѣ на Руси; о чоловѣцѣ, котрому у всѣмъ веде ся, говорятъ, що о̀нъ народивъ ся въ чепци. "Мзвемо на главѣ" есть власне ро̀дъ чещця (поволока, въ котрою истинно гдеяки дѣти родятъ ся).

Толковане, яке даю одовамъ "ез друзъ тълъ", соть по мозй гадцё дуже важне; оно подноситъ поетичну вартость Слова, кидає яонзйше свётло на давнзйши повёрки "о людяхз, що народились ез чепци", а що найважнэйше, оно поясняє намъ прехорошо три инши темни мёстця Слова, котри понижше наводжу.

19. Есиславъ клюками подпръ сы о кони и скочи къ градоч Кыювоч.

Дръ Огоновскій толкує такъ: "Всеолавъ вперъ ся клюками о коня, и скочивъ къ городу Кієву и доторкнувъ ся ратищемъ до волотого престола кієвокого".

Въ текоті єсть "подпръ ся", а въ толкованю "еперь ся"; въ текоті "о кони", а въ толкованю "о коня". Ту и річево и граматично пороблено велики вміны, а въ нінкої примітці не находжу оправданя такъ важныхъ поправокъ. Зновъ одно въ найкрасшихъ містць Слова попсоване до непознаня!

Для дучшого перегляду наводжу цёлый дотычный текотъ Слова: Есеславъ клюками подпръ сы о кони и скочи къ градоу Кыювоу, и дотче сы строужиюмь злата стола Кыювскаго. Скочи отъ инуъ лютымь зверемь въ влъночи изъ Белаграда, обесн см сните мыгле, оутръже воззни стрикоусы, отвори врата Новоуградоу, разшибе славоу Мрославоу, скочи влъкомъ до Немигы съ Доудоутокъ.

Въ наведено́мъ уотупѣ приходитъ три разы выражене "скочн". При друго́мъ и трето́мъ "скочн" стоитъ поро́внательный б падежь: скочи лютымь звѣрємь, скочи влъкомь — очевидно, що и при першо́мъ "окочи" повиненъ находити оя такій шестый падежь поро́внаня. Сего вымагає краса поезія и подо́бну стилизацію находимо въ иншихъ мѣстцяхъ Слова (н. пр. заразъ на вотупѣ поемату: Бомнъ растѣкашеть сы мыслию по дрекоу, сѣрымь влъкомь по Земли, шизымь орломь подъ облакы). Выходилобъ зъ того, що въ реченю "подпрз ся о кони и скочи къ граду Кысеу" неясне выражене о + кони + и заступае мѣстце поро́внательного шестого падежа, проте до глагола "подпрз ся" не належитъ.

Я читаю такъ: Есеславъ клюками подпръ сы оконию скочи къ градоу Кыневоу и дотче сы строужинемъ злата стола кыневскаго — значитъ: "Воеславъ клюками подпершись, конемъ-марою скочивъ идъ Кіеву и доторкнувъ оя стружіемъ золотого престола".

Выражене "оконию" есть шестымъ падежемъ одъ именника женьского рода: тая "оконь". Въ словари Миклосича находимо до сего старинного выраженя такій цитатъ: "конь въсовскам въ образи чловъчи". Тая "конь бъсовская" стягаесь на "друге тъло", т. е. "язеено", яке на собъ носивъ князь Всеславъ. Корень слова "оконь" есть той самъ, що и въ словъ "икона"

Въ людё руско́мъ доховались еще до нынё повёрки про "конь опсовскую", то́лькожь черезъ помёшане понятій зъ "ТОИ" кони повотавъ "ТОЙ" ко́нь. Такъ н. пр. повёдаютъ, що чорты проёзджають ся на коняхъ, що ночами яка́сь конё часто стаютъ передъ воротами, або заёзджаютъ на подво̂ре и т. д. При видё такого коня треба сказати: "Ксыкое дыханію да хкалитъ Господа", а постать нечнота заразъ щезне.

О вёдьмахъ знаємо, що они хотячи набрати силы бёсовсков, вылётаютъ черезъ "КОМИНЪ". Чи не заходитъ и ту цодобне помёщане понятій? Въ людовыхъ повёркахъ про чаровницё в в добачаю спору дозу давныхъ в в ровань о волхвахъ. Женьщина, що хоче в в дьмувати, муситъ предой на себе надягати якесь друге, волшебне тёло, якусь "конь бъсовску", бо доперва тогды зможе понестись воздухами. Думаю, що зъ тои "кони" утворивъ ся зъ часомъ "коминз" и повстала тымъ способомъ нынёшня повёрка людова о вылётаючихъ черезъ коминъ в ёдьмахъ.

Великоруски интерпреты, котри хотёли конечно Всеслава посадити на коня, "щобы сидљез твердо и бодро ез сљаљъ", толкуютъ "клюка" черезъ "колёно", а Дръ Огоновский выводитъ "клюка" зъ великоруского "ключить хромати" и думає, що клюками звали ся "ноги зогнути".

Признаюсь, що при пояснюваню "Слова о плъку Игоревѣ" менѣ трохи чудными представляютъ ся выводы на подставѣ великоруского языка, котрый прецѣнь въ 12-о́мъ столѣтю находивъ ся єще въ станѣ дуже безладнои масы и доперва формовавъ ся за вплывомъ Малон Руси. Я зъ тыхъ причинъ въ теперѣшной своѣй розправѣ майже нѣколи не згадую про великорускихъ интерпретовъ, — въ ихъ коментаряхъ до Слова добачаю повсюды лишь языкову замотанину або якись далеки фантастични комбинаціи. Великоруски интерпреты не знаютъ Малои Руси, си языка и духа, такъ и робота ихъ не могла довести до позитивныхъ результатовъ.

Выражене "клюка, к8лька, ключка, клюнъ, клюна, кл8бъ, клювъ (дзюбъ)" повотали зъ одного кореня для означеня якогось загнутого або закривленого предмету.

Клюкою може бути гакъ, гачокъ (одъ огню); на ключку насаджуютъ коновку, коли хотятъ зъ керницё добути воды; клюкою може бути мотыка, коцюба, ступоръ (одъ ступы), и въ загалё кождый загненый предметъ, кожда кривулька. А въ свётё чародёйско́мъ воё тй клюки и кривульки одгрываютъ дуже важну ролю. Нашй вёдьмы — одня твудятъ на гачкахъ, другй на лопатахъ, иншй на коцюбахъ; одни подпираютъ ся мотыками, други ступорами и т. д. Особливожь клюки, уживани до огню въ печахъ, т. е. гачки и коцюбы, маютъ незвычайну якусь свлу; думаю, що таке поняте зовоёмъ логично выплыло зъ основы давнон, овётлопоклоньскои религия.

Якими клюками подпиравъ ся князь Всеславъ, сего

очевидно яйноли не довйдаемось, сего мабуть и самь авторъ Слова не знавъ, тай въ мо́нци не дуже то такъ важна ри́чь. То́лькожь думаю, що клюками князя не могли бути предметы въ жѝночого окруженя, а окорше якесь закривлене оружіе. Въ Слови оказано, що Всеславъ "окочивши къ Кієву", от рущі є мъ доторкнувъ ся золотого престола; здае ся, що якесь отружіе служило князеви ди́встно за по́дпору. Укрипляе мене въ то́й догадци еще и та обстанова, що въ хорватоко сербоко́мъ языци выражене "клюна" означае не лишь ро́жного рода клюки, але такожь и ратище, пику. Въ словари Филиповича стор. 450 читаемо: "Кіјипа — Radehaoke (мотыка), Feuerhaken (гачокъ до огню, коцюба), Picke".

Интериреты кажуть, що словами "Ксеславъ дотче са стола Кыневскаго" хотёвъ авторъ Слова выразити мысль: "Всеслаез здодуез Ксеез". Отъ и розводятъ ся заразъ надъ тымъ, що поетъ не знае добре исторіи, бо по свёдоцтву явтописи Всеславъ напередъ здобувъ Новгородъ, а доперва познёйше занявъ Ксевъ. Зновъ непорадность интериретовъ: самй но дивачному коментуютъ а складаютъ вину на автора Слова ! Хибажь "дот че ся" значитъ вже заняти ?" Посля автора Слова Всеславъ нѣ Бёлого рода не занимавъ, пѣ Ксева.

Остаесь еще пояснити слово "скочпти". Посля интерпретовъ Всеславъ "сидъвъ твердо и бодро въ съддъ" и окакавъ разомъ зъ конемъ. Тымчасомъ "скочити" ужите въ Словъ независло одъ коня, для означеня "волшебныхъ" або объсовскихъ скоковъ. Въ артикулъ про Велеса подаю звъстку про Волха Всеславевича и тамъ подробно онисана скоки волховъ: — "одинъ скокъ на цълу версту, а другого скоку вже не могли люде одшукати". Очевидно такими скоками нъсъ ся и князъ Всеславъ; конемъ, хочь и якъ быстрымъ, онъ въ протягу ночи не далеко бы заъхавъ.

Выражене "скочи лютымь звёремь" толкую: "скочиет лютыми туроми". Таке значене выплывае зъ поровнаня зъ народною пёснею про Волха Всеславевича.

7

20. Всеславъ объсн си синъ мъглъ и бутрже воззни стрикоусы.

Значитъ: Всеславъ повисъ въ синъй мрацъ и....

Отъ и власне клопотъ въ тымъ, що мае наступити по "и". Дръ Огоновскій зложивъ дуже цёкавый але надто довольный коментарь до словъ "сутръже воззни стриксусы" въ той способъ, що сутръже вамёняе на сутрѣ же, воззни на позвени, а стриксусы выводитъ одъ кореня стръкъ (малор. стрикати, великор. стрекать, серб. стрцати, староруск. стрекало, поль. strzykawka). Посля сего выводу цитованый уступъ Слова мавбы значене: "Всеславъ... въ ранцѣ ударивъ таранами".

Толковане Дра Огоновского и що до часу ("ез ранцъ") и що до самои чинности ("удариез таранами") отоитъ въ доброй гармоніи зъ цёлымъ текстомъ Слова, та мимо того въ дуже важныхъ причинъ не могу згодити ся на той коментарь.

Оутръже уважаю цёлкомъ правильнымъ авристомъ одъ давного глагола "оутръгноути". Посля Миклосича оутръгноути значитъ: насильно зорвати, сшибнути, одтяти, урёзати, скинути, здрулити.

Маючи глаголъ оутръже, мы вже неясне выражене "коззни" на глаголъ "позкони" перемёняти не можемо. Я въ то̂мъ коззни, якъ то инакше бути не може, виджу ызкено, т. е. чепець, въ котро̂мъ родивъ оя Всеславъ, и котре о̂нъ за порадою волхво̂въ носивъ цёле жите на собѣ (здае ся на гру дехъ). Тое ызкено то такійже бувъ тализманъ Всеслава, якъ ти̂ знани намъ вже "папорзи" князѣвъ Романа и Мотаолава. При помочи "ызкена" Всеславъ скакавъ оконию, повисъ въ синихъ облакахъ и зъ о̂дтамъ, зъ тыхъ синихъ облаковъ, здруливъ стрикоусы.

Выражене "стрикоусы" годѣ выводити о̂дъ кореня стръкъ, бо властиве значене глагола стръкноути не есть добре знане; Миклосичь до стръкноути дає толкованє: "pungere, uti videtur". Руске "стрикати" есть за далеке до понятя "таранъ", а еще дальше о̂дстоять о̂дъ него польске "strzykawka" и сербске "стриати." Оба послѣдни слова уважаю окорше попсоваными выразами, повсталыми зъ нѣмецкого "spritzen", або вразъ зъ рускимъ "отрикати" выразами ономато-поетичными.

Про неславяньске походжене выразу "стрикусз" найбольше и рёшущо промовляе дивачный наростокъ "ус". Цитовани Дромъ Огоновскимъ слова: пардусз и парусз, переняти давными Русинами зъ языка греческого и проте не могли вплынути на утворене аналогичныхъ выраженій славяньскихъ. Я въ тыхъ стрикусахъ бачу слово чисто скандинавске, котре силою довголѣтного звычаю (за вилывомъ Варяго̂въ) утвердилось на Руси. "Стрикусы" або "стрикосы" означаютъ по-просту "боевй жребія"; тое олово походитъ о̂дъ скандинавского strid = война и kosti = жребія. (Гл. Skandinavische Poesie und Prosa von Fr. Ed. Chr. Dietrich, стр. 492 и 553.)

Я читаю такъ: Ксеславъ объсн си синъ мьглъ н очтръже въ извено стрикосы — значитъ: "Всеславъ повисъ въ синыхъ облакахъ и здруливъ въ свой чепець божеска боева жребія".

Для докладного зрозумёня тексту богато причиняє ся реченє: Всеславо объси ся синъ мьглъ. Тоє "синій" знане намъ вже зъ численныхъ уступовъ Слова, а всюды подыбували мы его при згадуваню готокихъ боговъ и богинь. Такимъ чиномъ "стрикосы" не суть якимись звычайными, але божескими жребіями, котрыми посля готокои митологіи управляютъ сами богинѣ, Норны. Чародѣй Всеславъ доконавъ ту великои штуки — о̀нъ при помочи свого чепця вознѣсъ ся въ сини облаки и тамъ, очевидно за порозумѣнемъ зъ богинями (або зъ якоюсь богинею), здруливъ ти отрикосы, що навѣшени були на золотыхъ ниткахъ або находились на галузахъ свѣтового "древа". Теперь вже успѣхъ во̀йны бувъ для Всеслава обезпеченый: ему легко прійшло здобути Новгородъ и навѣть "разшибсти" олаву Ярослава Великого.

21. Всеславъ връже жребий о дъвицю себъ любоу.

Разъ говоритъ авторъ Слова, що Всеолавъ "връже жребни", а другій разъ, и то въ томъ самомъ уступѣ, що о̀нъ сутръже стрикосы. Соли зважимо, що въ Словѣ нема бесѣды о двохъ войнахъ, а лишь о од н о̀й, то истинно

Digitized by Google

вдивовати мусить кождого згадка про тй два жребія. Тымчасомъ такъ зле не есть. Выражене жребий о дженцю себж любоу значить то само, що выражене стрикосы, толькожь переписувачь (а може самъ Мусинъ-Пушкинъ) не понимаючи добре текоту, зробивъ въ нёмъ маленьку, але заразомъ дуже нещасливу поправку, бо тамъ очевидно повинно стояти: жребий Ф (отъ) Дженцъ себъ любы.

Въ попередно̂мъ артикуль згадую общирны́йше о стрикосахъ и о то́мъ, що Всеславъ лишь за порозумѣнемъ зъ якоюсь богинею мо̂гъ бувъ прийти въ посѣдана божескихъ жребіѣвъ. Теперь вже не тяжко прійде рышити, котра то Дѣвиця ему той жребій подала. Була то наймолодша Норна, хорошенька богиня Скульдъ, котра зъ помѣжь Норнъ (богинь судьбы) сама одна занималась военными справами и вразъ зъ Валькиріями являлась на побоевищахъ.

Цёлый уступъ о Всеславѣ, поясненый мною въ чотырехъ артикулахъ, такъ звучати буде въ дословно̂мъ перекладѣ: "Всеславъ кинувъ жребій о̂дъ Дѣвицѣ собѣ любои. Онъ клюками подпершись конемъ марою (оконію) скочивъ къ городу Кієву и доторкнувъ ся золотого престода кієвского. Зъ о̂дтамъ окочнвъ лютымъ звѣремъ (туромъ) въ оповночи изъ Бѣлгорода, повисъ въ синихъ мракахъ, ошибъ (здруливъ) въ сво̂й чепець божеска жребія, о̂дчинивъ ворота Новгорода, розшибъ славу Ярославову, скочивъ вовкомъ до Нениги въ Дудутокъ.... Хотяй вѣща душа въ друго̂мъ тѣлѣ, но часто о̂нъ бѣды терпѣвъ".

22. Въщни Бошне, Велесовъ вноуче !

Вже въ розправѣ про Бояна замѣтивъ я, що о̂нъ бувъ внукомъ ученого посадника новгородского Остромира, проте Остромиръ "нѣяко на ровни поставленый зъ Велесомъ, богомъ поето̂въ и вѣщуно̀въ".

Зъ одкижь взялось выражене Велесъ?

Интерпреты порадили собё дуже легко: они безцеремонно замёняють Велеса на Волоса, про котрого згадуе ся въ трето̂мъ договорё Руси зъ Греками подъ рокомъ 971. Той Волосъ бувъ богомъ скота, отже по̂сля дивачнои логики бувъ и Велесъ такимже богомъ. Я бы не дивувавъ ся, якбы кто выражене Велесъ перекрутивъ на Волосъ — се булобы простымъ узмысловленсять неврозумёлого выразу, булобъ те, що Нёмцё называютъ "Volksetymologie". Особливожь нашь народъ любитъ слова неврозумёлй перетворювати на свой ладъ, чужй слова любитъ рущити: эъ конопель н. пр. повстаютъ "колопитъ", зъ екзекуцій "стакуции", зъ економовъ "окоманы" и т. д. Щобы однако рускій, добре зрозумёлый выразъ (Волосъ, волъ) перемёняти на незрозумёлый (Велесъ, велъ), сего нёякъ принустити не можу. А найгорше лихо, що на подставё неясного догаду буйна фантавія вже утворила вову теорію, новый догматъ науковый. Якъ въ Греціи, кажутъ, Аполлонъ бувъ богомъ товару п родителемъ спёваковъ, такъ и одавяньскій Велесъ мусѣвъ бути однымъ и другимъ.

Поминаю тую для Славянъ не дуже лестну теорію о "бозь воловъ и поетовъ", але еще разъ поспытаю коментаторовъ: на якой то подстави изъ зрозумилого выразу "Волосъ" утворивъ ся незрозумилый выразъ "Велесъ "? Думка деякихъ интерпретовъ, що Велесъ походитъ одъ велий и значитъ "Велий Богъ", и що доперва познийше зъ того Велеса утворивъ ся "Волосъ", есть може и дотепна, але ий давными памятниками ий традиціями неоправдана, проте фантазійною комбинаціею, котра въ конци не доказує ничого.

Я лишаю Волоса Славянамъ, а Велеса выясняю за помочею готскои митологіи. Кто обзнакомленый зь поганьскою вйрою повночною, знає про тй невёсты-вёщунки, святй женщины, що боролись въ рядахъ войска и зъ одушевленемъ кидались въ самъ виръ боевый. Уже Тацитъ згадує про германьску божеску Веледу, що була поеткою, вѣщункою и великою войницею — а въ готской (и въ загалё въ повночной) митологіи згадуютъ ся часто рожни вѣщунки (Seherinnen) якъ Veleda, Vilitha (Vilissa), Wöluspa, Wöla, Wala.

Зъ рускихъ словъ до выразу Велесъ найбольше еще зближене слово солжез (plur. солсеи). Отъ и важни теперь два пытаня:

1) Чи понятіємъ своимъ Велесъ ближшій до *Ве*ледз (Вілісъ), чи до "волхво́въ?

2) Чи языково походить слово Велесь зъ сланяньского пня, чи зъ готского?

На перше пытане одповъдь легки. Волхвы, що высту:

цали на Руси, були простыми чародѣями-магиками; имъ зовсёмъ недоставало того высшого, божеского намащеня, того одушевленя поетичного и того патріотизму-посвященя, що замѣчаемо у стародавныхъ Веледъ. Ти послѣдни були и патріотками-спѣвачками и великими войницями, а такимже патріотою-поетомъ и завзятымъ воевникомъ бувъ и "внукъ Велеса", Боянъ (Янъ Вышатичь).

Языковый выводъ такожь не трудный. Авторъ Слова готскимъ божествамъ або надає руски назвы зближени до языка готокого: Дивъ — Тіv, Умри — доньки Импра; або назвы готоки лишає, соли про нихъ була традиція на Руси: Бусъ*); або ихъ перетолковує на руске: Готски красни Дѣвы — Валькиріи, Дѣвиця люба — Норна, Древо — свѣтовый ясень. Маючи до выбору межи готскими Веледами (Вілісами) а рускими "волсви", поетъ легко мо̂гъ вышукати посередну дорогу и найти истивно поетичну назву Велесъ.

Можна бы еще спытати, для чого авторъ Слова, если мавъ на гадцё готска Веледы, не написавъ о Боянё: Келесинъ вноукъ? Онъ може и дёйстно такъ написавъ, але я все думаю, що понятію Русиновъ лучше одповёдає теорія о походженю поетовъ одъ бога, нёжь одъ богинё. Поетокъвёщунокъ въ давной Руси и такъ не находимо, тожь годѣ було вытворювати якійсь женьскій идеалъ для поетовъ.

Мой остаточный выводъ такій :

1) Велесъ має такежь значенє въ Словѣ о полку Игорево̂мъ, яке въ готской митологія мала стародавна божеска Веледа або Вілісса.

2) Назва "в в щ у н к и" прислугувала Веледанъ яко патріоткамъ-співачкамъ и войницямъ; назва "в в щ і й" приолугувала на Руси такожь только патріотичнымъ опівакамъ и омілымъ воёвникамъ. Князь Всеславъ, про котрого чародійства згадує Слово, "спицимъ" властиво не бувъ — у него, якъ въ загалі у волхвовъ, була только "віща душа въ другомъ тілі"- (Веледы и Боянъ "другого тъла" не мали).

^{*)} Подъ Кіевомъ надъ Либедою находитъ ся "Бусовиия" або "Бусова гора", а въ Галичинъ, коло Старого мъста, есть село "Бусовиска". Здаесь, що объ тй стариний назвы вказуютъ на колиший культъ Буса въ нашой земли.

Наводжу, посля Шевырева, гдеяки подробнооти о волхвахъ въ давной Руси.

Головнымъ волхвомъ, якъ говоритъ ся въ одной пйони, бувъ Волхъ Всеславевичь. О̀нъ родивъ оя въ Кієвй, и тогды

Задрожала сыра земля,

Стрясло ся славне царство индійское,

А и синеє море сколебало ся

Для ради рожденя богатырского...

Новонародженого Волха наляклась вся природа: рыба порнула въ морску глубину, итиця полетёла далеко въ небеса, туры и оленё пошли кудысь поза горы, а медведё, вовки, соболё, куницё, заяцё, лисицё — все утёкало далеко-далеко, або крылось до своихъ норъ.

Въ повтора годины по народженю Волхъ вже гово ривъ "нѣбы гро́мъ гремѣвъ", а въ десято̂мъ роцѣ научивъ оя ажь трехъ премудростей: одна премудро̀сть — замѣняти ся въ ясното сокола, друга — замѣняти ся въ сѣрого вовка, третя — перекидати ся "въ гнѣдого тура золотіи роги". Разъ той Волхъ выбравъ ся въ похо̂дъ на царя индійского, бо сей хотѣвъ бувъ заняти Кієвъ. Въ походѣ Волхъ перекидавъ ся то соколомъ, то вовкомъ, то "гнѣдымъ туромъ золотіи роги". Тай отрашно було дивитись на того Волха-тура: першій єго скокъ на цѣлу версту, а другого ококу навѣть не могли о̂днайти...

Року 1024 волхвы въ Суздали въ часё голоду убивали старыхъ бабъ, якъ казали: "виновниковъ нещастя". Самъ князь приёхавъ бувъ въ Суздаль и велёвъ убійцёвъ карати, а ихъ домы розграбити. Наглый судъ князя одбувъ ся точно посля установъ "Рускои Правды" и охоронивъ старыхъ бабъ одъ дальшого прослёдованя.

Року 1071 прийшовъ якійсь волхъ до Кієва и пророчивъ народови, що за пять лютъ Дибпръ потече назадъ, що греческа земля стане на мёстци рускоя, а руска на мёстци греческов. Але въ саму еще пору волхъ утёкъ зъ Кієва и вже одтакъ не навёдувавъ ся больше до него.

Подъ той часъ бувъ голодъ въ Ростовской земли два волхвы зайшли тамъ и убивали женщинъ, що по ихъ думцй "въ собй сховали все збоже и мйдъ и рыбу." Тотй волхвы учили, що тёло чоловёка сотворене діяволомъ, лишь душа йде одъ Бога; оамйжь вёрували въ "Бога антихриота". Ширителёвъ небезпечнои вёры зловлено и цередано въ руки родинамъ, що ихъ матерей и женъ волхвы поубивали.

Въ Новгородъ явивъ ся бувъ волхвъ и хваливъ од передъ народомъ, що о̀нъ по-суху перейде ръку Волхву. Епископъ Теодоръ выйшовъ зъ крестомъ до ръки и возвавъ народъ, щобы въруючй въ волхва ишли до волхва, а въруючй въ крестъ, лишились при крестъ. Та здаесь, що волхвъ якою то штукою доконавъ свого дъла, бо весь народъ перейшовъ на его сторону. Соблазнь була такъ велика, що самъ князъ кинувъ оя на волхва и убивъ его въ очахъ народу.

Иншій єще волхвъ выступивъ въ Чуди и учивъ тамъ, що христіяньска въра ложна, бо правдиви боги жіютъ въ безднѣ, суть чорнй, маютъ крыла и хвосты.

Такого то рода волхвы появлялись на Руси. Зъ поезією они не мали нѣякого дѣла, проте понятіє бога Велеса до нихъ не може односити ся.

23. Всю нощь съвечера босоуви врани възгращуоу оу Плъсньска на болони, бъша дебрь Кисаню и не сошлю къ синемоу морю.

Закимъ перейду до розбору сну князя Святослава, хочу напередъ пояснити гдеяка темна мёстця въ то́мже снё. Ссть ихъ въ горѣшно̂мъ уступѣ чотыри:

Б) Бъша дебрь Кисаню.

Дръ Огоновскій поправляє **б'кша на ид'яже, а дебрь** на дебри, и уважає дебри падежемъ першимъ plur., а Кисаню падежемъ третимъ. На подставѣ тыхъ поправокъ и окомпликованыхъ конструкцій граматичныхъ выходилабы мысль така: "Вороны кракали на болони, де були дебри Кисанева⁴. (Дебри на болони?)

Россійски интерпреты такожь не знають, що зъ тою дебрею "Кисаневою" зробити. Одни найшли ей гдесь ажь въ Чехажь, а други, що въ дивацтвахъ языковыхъ любуютъ ся, выводятъ бжша одъ бжсити, а Кисань одъ сербского кисати, — и отъ выйшло правдиве чудо: "Вороны иодоймали долину слезъ". Непорадность россійскихъ интерпретовъ иде одъ того, що они языкъ Слова не берутъ въ цёлости, але кожде реченє само для себе, не зважаючи на властивости языковй поета. Очевидно, що при такой механичной процедурё сотнё интерпретацій булибъ можливи, а воё они, яко самовольный продуктъ фантазіи, въ конци нёкого не задоволятъ.

Запытаюсь интерпретовъ, для чого они сонъ князя не поровнуютъ зъ паралельными мёстцями боярской одгадки, где предсёжь єдине, автентичне пояснене княжого ону находитъ ся? Чейже не для забавки якоись помёстивъ поетъ тую одгадку въ своёмъ творё, але на те, щобы ей поровнати зъ текстомъ ону и дойти въ той способсъ правилъ языковыхъ, якими онъ руководнивъ ся.

Наведене мёстце я чытаю такъ: бжша дебрь Исканю значить: були въ дебри Исканьской.

Дєбрь стоить мёсто дєбри. Тоє дєбри кончить од на н, а Исканю починаесь на и, отже для евфоніи поеть перше и перемёнивь на покревну повгласну ь. Подобного опособу уживь авторь и въ иншомъ мёстци поемату — онъ пише о "Ольсово́мъ енљэдъ": не было иъ обидѣ порождено. Ту иъ стоить мёсто оно; поеть оба о выпустивь, бо до выразу оно еще два инша о припирали. Впрочёмъ побачимо при розборѣ сну, що форма дебрь була поетови такъ само потрѣбна, якъ н. пр. одѣвадъть свободъ граматичныхъ, щобы улекшити одгадку боярамъ.

Исканю ставлю мёсто Кисаню разъ для того, що лишь початкове и могло вплынути на одпадене попередного и (въ словѣ дебри), а одтакъ тому, що едино форма Исканю надаесь добре до играшки словъ, божь дѣйстно лишь на подставѣ такои играшки могли бояре одну, дуже важну одгадку свою оперти.

Замѣчаю такожь, що назвы Кисань нѣгде на цѣло̂й Руон нема, а Искань вразъ зъ Плёснескомъ въ Галичинѣ нашо̂й находитъ ся. Я звѣдувавъ ся у мѣстцевого священика въ Искани (въ окрузѣ Сяноцко̂мъ), чи суть тамъ якй дебри, и одержавъ такій одвѣтъ: "Увѣдомляю, що Искань має ко̂лька деберъ: двѣ звана Валомъ, а одна Потокомъ, бо тамъ зъ жерела поточокъ вытрыскае. Сусѣдна села: Пят-

Digitized by Google

кова, Баховъ, Березки, маютъ такожъ дебры, и въ вагалѣ у насъ, въ Сянецкомъ окрузѣ, много деберъ находитъ оя. Искань дня 18 жовтня 1883. Іос. Созаньскій".

б) Босуви врани.

Дръ Огоновскій поправляє на "бё со в и в рани", и оно въ конци таке звачене має; толькожь памятати треба, що въ одгадцё бояръ приходитъ "Коусово врема" — отже соть ту играшка словъ, нёбы якась помылка въ бесёдё князя, котра уможливити мала одгадку про Буса. Власне надъ выраженемъ косоувый мусёли бояре застановитись, въ нёмъ того Буса дослухатись. Слово късовый яко надто часто уживане могло незамётно уйти увазё бояръ, а зновъ коусовый не надавалось добре до сну, бо до такъ ясного понятія не треба навёть нёякои одгадки.

в) Всю нощь съ вечера.

На само̀ть початку сну говорить князь: синочь съ вечера, а при ко̂нци сну приходить: всю нощь съ вечера. Интерпреты зновъ нѣ на тексть сну не зважають, нѣ на паралельне мѣстце зъ о̀дгадки бояръ — зъ ихъ коментарѣвъ выходитъ, що вороны були у Плѣснеска "всю но̂чь зъ вечера."

Я читаю въ обохъ мёстцяхъ синочь съ вечера, бо вороны тоижь ночи, коли князь снивъ, були и у Плёснеска и въ дебри Исканьской, и неслись въ сторону синёго моря, отже не могли въ однотъ мёстци в сю ночь перебути. Задивляе такожь дивный способъ говореня: разъ каже князь ночь, а разъ нощь, и до выразу всю нощь додае еще безъ потребы съ вечера. Зъ розбору княжого сну побачимо, що въ обохъ мёстцяхъ стояти муситъ синочь, бо оба стягаютъ ся до тогожь самого предмету и гармонійно себе доповнюютъ.

г) Не сошлю къ синему морю.

Дръ Огоновскій поправляе не сошлн, инши читаютъ не сошлю, только интерпретъ Вельтманъ подає поправку: несошась.

Розправы Вельтмана не маю подъ рукою, проте не

знаю, чи то олучайна якась комбинація, чи оперта на паралельно́мъ мёстци зъ о̀дгадки бояръ. Если оперта на то̂й о̀дгадцё, то зновъ не розумёю, по що нынёшни интерпреты снуютъ дальше свои фантазійни догады — поетъ есть предсё найдостовёрнёйшимъ судією въ своёй власной справё.

Посля Слова рёчь зовоёмъ ясна. Князеви снитъ ся, що босува вороны були въ Плёснеску, въ дебри Исканьской, а одтакъ понеслись (зъ жиромъ) до синёго моря. На те одповёдаютъ бояре, що то Половцё розпростерлись по Руси, що они въ морѣ погроузиста (т. е. жиръ, добычь, руске золото), и що въ наслёдокъ того "погруженя" готока Дёвы звоныть роускымь златомь.

Ту вороны — Половцё, жиръ воронъ — добычь Половцёвъ. Вороны мусёли отже понестись до моря, соли руске золото найшлось въ рукахъ готокихъ Дёвъ.

Посля сихъ выводовъ наведеный текотъ княжого сну такъ треба поправити: синочь съ вечера босочен врани възгращусу су Плъсньска на болони, бъша дебрь Исканю и несошась къ синемоч морю.

24. Моутенъ сонъ Святослава.

Свытъславъ "моутенъ сонъ" видъ: въ Кыювъ на горахъ синочь съ вечера одъвахъте мы, рече, чръною паполомою на кровати тисовъ; чръпахоуть ми синею вино съ троудомь съмъшено; сыпахоуть ми тъщими тоулы поганыхъ тлъквинъ великый женчюгъ на лоно, и нъгоують мы. Оуже дьскы безъ киъса въ моюмь теремъ златовръсъмь. Синочь съ вечера босоуви врани възгранхоу оу Плъсньска на болони, бъша дебрь Искаию и несошась (зъ жеромь) къ синемог морю.

И ркоша бомре кнызю: очже, кныже, точга очмъ полонила. Се бо два сокола сълетъста съ отны стола злата, понскати града Тьмочтороканы, а любо испити шеломомь Доноч. Очже соколома крыльца припъшали поганыхъ саблями, а самою опочташа въ почтины желъзны. Темно бо бъ въ третий день: два солица померкоста, оба багрынам стлъпа погасоста,

Digitized by Google

а съ нима молодам мъсщца, Олегъ и Свытъславъ, тъмою сы поволокоста. На ръцъ на Камлъ тьма свътъ покрыла. По роуской земли простроша сы Половци, акы пардоуже гиъздо, и въ моръ погроузиста, и великою боуйство подаста хинови. Оуже погроузиста, и великою боуйство подаста хинови. Оуже сънесе см хоула на хвалоу, оуже тресноу ноужда на волю, оуже връже са Дивъ на землю. Се бо готскым красным Дъвы въспъша на брезъ синемоу морю: звоны роускымь златомь поють времы Боусово, лелъють месть Шароканю.

Головнои ваги въ княжо̀мъ снѣ соть безсомнѣнно перше речене, бо о̀дъ доброго его зрозумѣня залежала и добра о̀дгадка бояръ. Вже въ артикулѣ "Готскыя красныя Дъсы" звернувъ я увагу Читателѣвъ на хороши играшки сло̀въ въ то̂мъ реченю, на двояко̀оть мыслей въ цѣло̂мъ снѣ, и пояонивъ, о ско̂лько менѣ тамъ треба було, гдеяки выраженя за помочею скандинавскои бесѣды и готокои митологіи. Тутъ розбираю весь сонъ основнѣйше.

1. Вступне речене.

Святъславъ моутенъ сонъ видъ: Въ Кыбвъ на горахъ синочь съ вечера одъвахъте мы, рече, чръною паполомою на кровати тисовъ, чръпахоутъ ми синеб вино съ троудомъ съмъщено, и иъгоують ми.

Глаголъ "одпеахзте" есть въ то́мъ реченю присудкомъ, однакъ ужита княземъ форма есть такого рода, що въ нѣй бояре замѣтили заразомъ властивый по̂дметъ цѣлого реченя: Дъва – хзте (Дѣва Гото̂въ). А бо̂льше еще, чимъ тое "одпеахзте", оправдуе догадку бояръ цѣла мысль реченя, бо истинно тіи Дѣвы (Валькиріи), якъ теперь князя, такъ въ загалѣ поляглыхъ героѣвъ они окрывали на боевищахъ, несли ихъ до Вальгалѣ, давали имъ божеского зъ thrud-омъ змѣшаного (т. с. цѣлющого) вина, и въ Вальгали ихъ забавияли та пестили. Выраженя "синочь" и "сине вино" то̂лько тымъ сильнѣйше укрѣиляли бояръ въ ихъ догадцѣ про тѝ "готски Дъвы."

Задавъ я собъ пытане, для чого въ снъ князя не говорить ся выразнайше про Вальгалю, на про верховника Вальгала, т. с. найвысшого бога Водана. Доки поетъ описувавъ борбу Русиновъ зъ Половцями, онъ писавъ "старыжи словесы", значитъ представивъ намъ боговъ посля стари нного върованя Готовъ. Однакъ князь не мо́гбы до овоихъ бояръ промавляти "старыми словесы", бо боярска традиціи про скандинавску въру не слгали такъ далекихъ часовъ. Варяги завоювали нашу землю доперва въ другой половинѣ 9-ого столѣтя, отже въ боярскнхъ традиціяхъ жила по̀вно̂чна въра такою, якою она була въ Скандинавіи въ 9. и 10. столѣтю. По̂дъ той часъ найвысшимъ богомъ вже не бувъ Tiv, але Воданъ, а Tiv бувъ того Водана сыномъ и, головно, богомъ во̀йны.

При помочи скандинавского языка дочитуемось въ снѣ князя дуже выразнои згадки и про Водана и про Вальгалю.

Щожь бо значить выражене "моутенъ сонъ?" Въ яко́мъ значеню понимає слово "моутенъ" князь, а въ яко́мъ поняли его бояре?

Князь говорить и думає по руски, у него "моутенъ" значить "неясный"; а бояре въ томъ "моутенъ" дослухують ся скандинавского выразу "Muot енъ" — одъ Muot-а походячий, божий. Въ повночной митологіи означало Muot то само що Воданъ; се було одно зъ численныхъ призвищь головного бога.

(При нагодѣ замѣчаю, що слово мочтный хибно толкує Дръ Огоновскій черезъ "смутный". Ту навѣть не треба було покликувати ся на польске "smętny", бо авторъ Слова на иншôмъ мѣстци дуже докладно своє мочтинъ коментує. О́нъ пише: рѣкы мочтно тикочть — чижь се значитъ "смутно?" Впрочѣмъ князь не мôгъ зъ горы знати, що сонъ вѣщує сму лихо; доперва бояре, дочувшись про Вальгалю и Валькиріи, домѣркувались, на пôдставѣ скандинавскихъ повѣрокъ, що истинно заходитъ якесь нещастє. Понижше наводжу два сны изъ скандинавскои Едды, зовсѣмъ схожй зъ сномъ князя Святослава).

Понятіє Вальгалѣ выражене въ снѣ князя словами: въ Кыневѣ на горахъ. Князь говоритъ по руски въ Кыневѣ, а боярамъ причуваесь: "въ Skialf-ѣ"; есть то скандинавске Wala-skialf, палата самого Водана. Въ то̂мъ Walaskialf находилось "горне съдалище" (Hochsitz), зване по скандинавски Hlid-skialf, и на нѣмъ засѣдавъ Воданъ, коли хотѣвъ мати розглядъ на цѣлый свътъ, або коли ведено передъ него "нагорянъ" (einherjar.о̂въ, поко̂йныхъ героѣвъ). Такимъ чиномъ въ Кыневѣ на горахъ означає: въ Skialf-ѣ нагорянъ, въ палатѣ einherjar.о̂въ, въ Вальгали.

Digitized by Google

Больша труднооть заходить зъ выражененъ синочь съ вечера (= сем ночи въ вечера). Поетъ на та одова кладе якусь особенну вагу и повторяе ихъ навёть въ послёдно́мъ уступё княжеокого сну. А еще бо́льше диво, що въ поолёдно́мъ уступё, якъ побачимо зъ о́дгадки бояръ, тое синочь съ вечера не соть навёть присло́вникомъ, але по́дметомъ ажь т рехъ реченій. Бояре на свой ладъ толкуютъ оснъ князя, слово за словомъ, а въ своёмъ толкуютъ оснъ князя, слово за словомъ, а въ своёмъ толкованю мёсто трикратного синочь съ вечера они три разы кладутъ выражене: Готскым красным Дъвы. Въ якийже спосо́съ таке толковане можливе, и яки ту заходятъ играшки сло́въ?

Чей кождому чоловѣку лучаєсь въ житю, що бесѣду чіюсь зрозумѣє хибно, одного не дочує, друге инакше пойме, трете фантазія єму додасть — и выйде въ конци якесь недорозумъне, баламутство. Очевидно, причиною такихъ недорозумѣній не суть ко̂нцеви слова чісись бесѣды, але початковй, цевни двозначности въ словахъ, а фантазія, коли разъ умыслъ попавъ на иншу дорогу, уже снус-творитъ по своему и повстаютъ зовсёмъ новй мысли. Недарможь и авторъ Слова поставивъ двозначни выразы: "мочтенъ, Кыневъ, на горауъ" на самъ початокъ сну; боярамъ причулось: Muot, Skialf, einherjar — отъ и фантазія зъ выразу "Вечеод" утворила собѣ новый выразъ "Валькира". Але высокоумный поетъ чей замътввъ, що межи "вечера" а "Валькира" соть надто смъле поровнане, що тутъ играшка понятій не такъ легко дають ся перевести, онъ проте слово "вечера" вставляє можи "синочь" и "одівахъте", значить цонятіями "синій" и "Дъва + хъте онъ нѣяко вневолює бояръ въ то́мъ "вечера" дъйотно дослухатись выразу "Валькира". Впрочёмъ богато значитъ ту самъ способъ бесёдованя; внакше представляють ся намъ слова на папери, а инакше ихъ чути можемо въ скорой, невыразной, або тихой беседе.

Посля горѣшного выводу мѣото "синочь съ вечера" выходилобы: синочь съ Валькира. О сколько я перестудіовавъ сонъ князя, тамъ мимо численныхъ играшокъ словъ выходитъ мысль всюды докладна, слова всюды въ гармонійно́мъ ввязку зъ собою, тамъ часто нѣ одна буква не о̂диадае, нѣ однои не треба додавати — двояко̂отъ мысли переведена всюды опособомъ истинно геніяльнымъ, недоро̂внанымъ! Тай горёшне синочь съ Калькира мати моглобы добру мысль, толькожь требабы такъ читати: син(ь) очь+съ Калькира. Тое "синь очь+сз" есть зовсёмъ правильный другій падежь числа многого и значитъ: синихо очесо, зо синими очима, синёока.

Остаесь еще пояснити выражене: чоъною паполомою на кровати тисовъ. Якійже то "чорный покровз" и яке "ложко тисове" моглобъ находитись въ палатъ Водана, въ небесно́мъ раю, въ Вальгали? Тамъ таке блаженьотво: и вина тамъ добрй и Валькиріи пестятъ — такъ чи мо́гбы тамъ князь Святославъ самъ одинъ лежати бездушнымъ трупомъ, та еще на просто́мъ яко̂мсь ложи? Ту очевидно зновъ заходятъ играшки понятій. Въ выраженю чоъною паполомою причулось боярамъ: "гориою паполомою", т. е. покровомъ einherjar-овъ, а въ выраженю на коовати тисовъ причулось: на кровати Дисовъ. Дисы (Disi) посля готскои митологіи були богинями-хранительками, пророкинями, божими невёстами; звычайно-жь назвою Дисовь именовались Валькирія (Rich. Glass, Wörterbuch der Mythologie, ст. 292 и 280). Въ Еддъ зовутъ ся Дисы облюбленицями неба. богданками (Simrock, die Edda, стор. 323).

Такъ отже въ снё князя представивъ намъ поетъ колькома оловами якъ найповнъйшій образъ божон Вальгалъ: мы тамъ бачимо Muot-a, einherjar-овъ, Валькиріи, Диоы; бачимо, якъ Валькиріи князя на ложи своймъ одёваютъ божимъ покревомъ, якъ ему даютъ пити божеского цёлющого вина, и якъ потомъ пеотятъ князя, играютъ оя зъ нимъ. Въ самой повночной митологіи ледви чи найдемо красшій и ядернёйшій описъ Вальгалъ, якъ у нашого поета.

Въ дословно̂мъ перекладѣ наведеный уступъ княжого сну такъ буде звучати: Святославъ "божій сонъ" видѣвъ: "Въ палатѣ нагорянъ, рѣкъ о̂нъ, синёска Валькиріи одѣвали мене небеснымъ покровомъ на своѣмъ 40жи, черцали менѣ божого цѣлющого вина *) и пестили мене, яградно, зо̂ мною."

^{*)} Чэтахочть вина — розумъв ся зъ тои судины, що посля опису Едды стояла посередъ Вальгалъ. Вино походило зъ подою козы, званои Heidrun, що повысше Вальгала наслась на вершкахъ свътового .древа". Зъ си выменъ выдоювано столько вина, що выставало на весь день и для боговъ и для нагоранъ (einherjar-овъ).

Въ скандинавской митологіи часто згадуєсь про вловѣщй сны. Въ Еддъ, въ пъсни Vegtamskvidha, описаный сонъ бога Бальдура, и якъ Балдуръ скликуе всёхъ бого́въ-Азо́въ и имъ сонъ свой оповѣдає. Якъ у нашого поета бояре вѣщуютъ нещастє князеви, такъ Азы Бальдурови пророкуютъ лихо и всёма силами стараютъ ся о́двернути грозяче небезпеченьство. Въ иншо̀й пъсни, въ "Atlamal", жена Ґуннара, такъ мужеви оповѣдає сво̀й сонъ — (наводжу по̂сля толкованя Simrock-a):

"Weiber sah ich im Saal hier nächten, Kamflich gekleidet, dich zu kiesen bedacht. Alsbald auf ihre Bänke entboten sie dich: Von dir schieden, besorg ich, die Schutzgöttinnen.

Въ то́мъ снѣ дуже богато схожости въ сномъ Святослава: Weiber kampflich gekleidet — "Валькиріи"; Nachten hier im Saal — "въ Кынскѣ на горахъ синочь"; Kiesen **) стягае ся на чинно̂сть Валькирій: "одѣвахъте мя, чръпахуть ми вино, нѣгують мя"; Ihre Bänke — "на кровати;" Schutzgöttinnen — Дисы. Якъ бояре Святославова, такъ и Гуннаръ заразъ эмѣрковавъ, що прионивши ся его женѣ Валькиріи, Вальгаля и кровать (лавки) вѣщуютъ якесь велике небезпеченьство. "Vieles lässt glauben, — сказавъ о̀нъ до жены, dass unser Leben kurz ist"; а въ тако̀мже вловѣщо̀мъ предчуваню кажутъ и бояре до Святослава: "Уже, княже, туга умъ полонила."

2. Сонъ князя:

2. Одгадка бояръ:

Синочь съ вечера босоуви врани Готскым красным Дъвы въспъша възграмхоу оу Плъсньска на болони. на брезъ синемоу морю,... поють времм Боусово.

На першій поглядъ текстъ сну и одгадка бояръ одстоятъ далеко одъ себе. Ту треба, щобы въ словахъ князя найти одповёдь бояръ, такъ читати:

Синочь съ вечера = Синёоки Валькиры (Готска Давы).

Босоуви врани въ снъ князя соть nominat., въ одгадцъ бояръ accus. Черезъ вграшку словъ зъ выраженя восоуви врани повстало "Бусово время".

^{**)} Кіезеп (давнѣйше küren, kurum, одти и назва Валькирій) означає "выбирати зъ помежи поляглыхъ героѣвъ тыхъ, що маютъ достатись до Вальгалѣ".

Възграндоч въ онё князя значитъ "кракали" (о̀дъ глагола "грамти"), а боярамъ причулось възыградоч игрались, бавились, спъвали.

Въ словё Плъсньско добачаю незмёрно хорошу играшку понятій. Князь говорить о давно́мъ мъстъ Плъснеску въ княжествё галяцко́мъ, а бояре толкують собъ той выразъ по свому: у нихъ "плъснеско" значить "мъстице, где щось плескае", а такимъ плъснескомъ Валькирій есть "сине море". Се толковане выплывае зовсёмъ логично зъ самого Слова; поетъ на иншо́мъ мъстци говоритъ: Дъка въсплескала лекеднными крылы на синъкмъ моръ.

Перетолковавши Плѣсньско на "сине море", бояремусѣли вже конечно вмѣсто "на солони" сказати: на брязѣ; чимъ бо суть болоня для мѣста, тымъ есть берегъ для моря.

Въ дословно̂мъ перекладѣ наведеный уступъ изъ сну князя такъ буде звучати: "Готски красни Дѣвы Бусове время оспѣвуючи игрались у Синёго моря на березѣ".

3. Сонз князя : 3. Одгадка бояръ : (Синочь съ вечера) втша дебрь (Готскыя Дтвы) лелъютъ месть Исканю. Шароканю.

Перше всего заходитъ пытане, въ котрыхъ то словахъ князя доолухались бояре выразу: "Шароканю". Ту треба такъ читати: бёша дебрь Исканю; послёдни звуки тыхъ трехъ словъ даютъ разомъ: Ша + рь + кан ю.

Синочь съ вечера - Синеоки Валькиры (Готска Девы).

Въ выраженю втима причулось боярамъ птима, въсптима (= засибвали, осибвували).

Слово Дєкрь пригадало боярамъ скандинавске "daudr", означаюче "смерть".

Посля сего выводу наведеный уступъ изъ сну князя треба такъ толковати: "Готока красна Дёвы спёвали про смерть Шароканову".

Щожь властиво значить: спёвати про чіюсь смерть? Ту заходить хороша аналогія межи наведенымь опёвомь Валькирій а спёвами (думами) познёйшихъ украиньскихъ кобзарёвъ. Въ думахъ, якъ знаемо, найчастёйше описуесь побытъ козаковъ въ турецкой неволи, дознани въ той неволи терпёня, часто омерть за край и за вёру. А доля Шарокановъ — (такъ звались гдеяки князё половецки) --- почасти подобала на долю рускихъ невольниковъ. Князь руокій Володимиръ Мономахъ пише въ своймъ "Шоученію оттямъ:" И поустилъ несмь половечскыхъ книзь липшихъ изъ оковъ толико: Шароуканы два крата... а всихъ липшихъ книзий инихъ сто: а самы книзи Когъ живы въ роуци дава. Якъ украиньски кобзари своими думами загривали народъ до борбы зъ Турками и до мести за кривды своихъ земляковъ, такъ и Валькиріи, спиваючи про смерть Шароканову, загривали Половцивъ до мести супротивъ Руси. Такимъ чиномъ "спъваюта про смерть Шароканову" булобъ то само, що "леликоть месть Шарокано".

Лелкытн значить колисати, гойдати, и въ то́мъ значеню уживає поетъ три разы того слова. Въ горѣшно́мъ мѣстци треба розумѣти: Валькиріи на своихъ щитахъ делѣяли месть Шароканову.

4. Сонъ князя: 4. Одгадка бояръ:

(Снночь съ вечера) несошась съ (Готскым Дъвы) на брезъ сннемоч жиромь къ синемоч морю. морю звонать роускымь заатомь.

Въ онѣ князя соть подметомъ косоуки крани, а у бояръ синочь съ вечера (= Синёока Валькиры).

Несошась == несли ся, носились.

Съ жиромь въ текстё сну не есть выразно сказане, але легко сго догадатись въ цёлом мысли: вороны летёли за жиромъ до Плёснеска, були въ дебри Исканьской, а одтакъ въ жиромъ понеслись до синёго моря. Для Валькирій тымъ жиромъ суть добычи Половцёвъ, або якъ поетъ каже: руске здато.

Къ синёмя морю — въ сторону свнёго моря, надъ синимъ моремъ.

Дословно толкую такъ: "Готски Дъвы носились зъ рускимъ златомъ понадъ синимъ моремъ".

5. Сонъ князя: 5. Одгадка бояръ:

Сыпахочть ми тъщими точлы Очже соколома крыльца припжшали поганыхъ таъковинъ великый женчюгъ поганыхъ саблюми, а самою опочташа на лоно. въ почтины жел±зны.

Зновъ достаемо два реченя, котри на першій поглядъ не маютъ на найменшои звязи зъ собою. Ту навъть не треба покликуватись на скандинавоку бесёду, а только текотъ сну переводити слово за словомъ посля певныхъ штучокъ языковыхъ, щобы выйшла якъ найвёрнёша одгадка бояръ.

Повтаряю ту еще разъ, що сонъ не бувъ княземъ нацасаный, але говореный, а знаемо въ доовёду, що говорена бесёда споводовує неразъ рожна недорозумёня. Все ту залежитъ одъ способу говореня и одъ акцентованя гдеякихъ слого̂въ. Слухачь часто щось слабше дочує, або лишь половину якого слова, або половину одного слова злучитъ въ половиною другого слова, и вже повстаютъ нова гадки, про яка бесёдникови и не снилось. То такъ сталось и въ горёшнымъ уступомъ Святославового сну.

Читати треба такъ: Сыпахоут+мн+тъщ има тоулы поганыхъ тлък овинъ великїйже+л л∓нч8гъ на она.

Щожь се значить?

Сы — се.

Пах — пахи, руки, крыла.

Очт+мн+тъщ = отмытоша (Aoristus одъ отъмытночти), одметали, одтили. (Авторъ Слова мъсто митати всюды пише мытати).

Има (dualis) — имъ. Въ "има" есть намекъ на двохъ князѣвъ (Игоря и Всеволода), що попались въ неволю Половцѣвъ.

Тоулы — тулами, сагайдаками (ту треба брати часть мёсто цёлости: стрёлами).

Поганыхъ тлък (цёлковъ правильный gen. plur.) — поганыхъ тлуковъ, Половцёвъ.

Овинъ = овенувши.

Же+л = жельзный.

Л+нч8гъ — ланчугъ, ланцухъ. Се старинный выразъ, приходячій и въ иншихъ языкахъ: lanoz у Мадяровъ, lencugas у Литовцѣвъ, "ланцухъ" у Румуновъ.

Давни Русипы слово "ланцоугъ" брали звычайно въ значеню нагрудныхъ золотыхъ данцушковъ, проте для оминеня баламутства поетъ передъ выражене "ланцугъ" кладе же+л (желёзный).

На она (acous. dualis) — на нихъ.

Дословно такъ толкую: "Се крыла имъ одтяди стрв-

лами поганыхъ Половцёвъ, овинувши на нихъ великій ланцухъ желёзный." Зовсёмъ та сама мысль находитъ ся и въ одгадцё бояръ (крыльца прип'кшали — крыла одтяли, поутины жел'язны — великій желёзный ланцухъ).

Заходитъ еще пытане, кто то стрёлами (чи тамъ саблями) Половцёвъ о̀дтявъ крыла рускимъ князямъ? Ту по конечности пригадуесь намъ знане вже выражене: "Ge Оумьрн (Умира доньки) кричатъ подъ саблями половецкыми". Где ходило о поборене рускихъ князёвъ, тамъ сами Умьри (Валькиріи) правили саблями Половцёвъ.

Въ пояснено́мъ мною реченю не зайшла нѣ найменша важна поправка, я нѣ однои буквы не додаю, нѣ однои не выкидую, а то́лько согласну л изъ слова лоно переношу въ середину олова женчюгъ. Та мимо того, якъ кождый бачитъ, повстає реченє, котре якъ найдокладнѣйше, во всёхъ подробностяхъ, сходитъ ся зъ текстомъ о̂дповѣди бояръ. Goть то отже не случайна якась, мною выфантазована комбинація, але очевидна комбинація самого поета. Онъ такъ уложивъ речене зъ самыхъ рускихъ сло̂въ, що оно инакшу має мысль въ устахъ князя, а инакшу прибрало въ о̂дповѣди бояръ. Въ одно̂мъ реченю двѣ мысли: загадка (сонъ) и о̂дгадка ! Зновъ свѣдоцтво о незвычайно быстро̂мъ умыслѣ поета и о его задивляючо̂й вправѣ въ руско̂мъ языцѣ.

6. Сонъ князя: 6. Одгадка бояръ:

Аьскы безъ кнъса въ мобмь те- Се бо два сокола сълетъста съ отремъ златовръсъмь. на стола злата, понскати Тъмоуторокания.

Выражене Тьмёторокань выводити треба зъ княжихъ одовъ: въ монемь теремъ. Въ то́мъ монемь причудось боярамъ скандинавске "Moinn" — вужь адокій. Поетъ ставитъ totum pro parte: адъ (т. с. тьму) мѣсто вужа. Въ монемь теремъ — въ Тьмутеремъ, въ Тьмуторокань.

Текотъ сну треба такъ читати: дь скы бе зъ кнж са въ моюмь+теремж златовръсжмь.

Дь = два. Скы = сокозы. Кнчк = княжа (княжого). Са = стода. Въ можмь тереми = въ Тьмутеремъ, въ Тьмуторокань. Злато(връсёмь) = злетеля.

Въ дословноть толкованю выходить изъ сну князя: "Два соколы бо въ княжого престола въ Тьмутеремъ злетели".

> 7. Одгадка бояръ: 7. Сонъ князя:

Оуже.... златовръстмь.

Оуже връже сы Днеть на землю.

Я читаю такъ: Оуже зла Тов връс стамь.

Зла = злы. (Старославяньска форма "злы" мёсто "ЗЛЫЙ" ПРИХОДИТЬ И ВЪ ИНШИХЪ МВОТЦЯХЪ СЛОВА; ПООТЪ н. пр. лише: Галицкы Осмомысле мвото "галицкый").

Тов = Тіу, Дивъ.

Коъс — вергъ ся.

Съмь = земь (на землю).

Що се мое толковане добре, видно зъ того, що по златовоъстмы наступне синочы съ вечеол, а въ одгадцъ бояръ по воъже сы Анвъ на землю наступае Готскый колсным Аквы. Порядокъ выслей, и въ свъ и въ одгадци, есть въ то́мъ мѣстци якъ найдокладнѣйше захованый.

> 8. Одгадка бояръ: 8. Сонъ князя:

Великый жемчёгъ на лоно. Оуже, кнаже, тога оумъ полоннла

Наведени слова княжого сну вже намъ приходили подъ числомъ 5; тамъ они були въ звязку зъ цёлымъ реченень, а туть стоять сами для себе. Двоякость одгадокъ при тыхъ самыхъ словахъ мене зовсёмъ не задивляє. Вже зъ горёшныхъ уступовъ можь було замётити, що есть колька методъ при одгадованю сну. Одни бояре въ словахъ князя бачили скандинавску бесёду и доперва изъ скандинавского толкують они на руске; друга дослуховують ся въ бесёдё князя, посредствомъ играшокъ словъ, зовсёмъ якихсь иншихъ мыслей; инши нь скандинавскимъ языкомъ не послугуютъ оя нё играшками оловъ, только бесёду князя розкавалковують на части, такъ що выходять зовсемъ новй мысли; а зновъ иншй (чч. 6 и 7) дёлятъ поодиноки выраженя на слоги и въ кождотъ слозъ добачаютъ нови понятя. Зовствъ ясна рѣчь, що при розвязцѣ сну ро̂жна бояре брали участь и кождый одгадувавъ посля свого пониманя. Не дивниця, що часомъ одна и та сама слова князя толкують ся на два способы.

Горёшна слова читаю такъ: великый же м чёгъ на+лоно.

Великый, - розумбе ся: княже.

 $\mathbf{X} \boldsymbol{\epsilon} = \mathbf{y} \mathbf{x} \mathbf{e}.$

М — умъ. (Въ оёмъ мёстци сну читаю "жемчугъ", а не "женчугъ", бо маю на увазё говорену беоёду князя, проте мо́гъ одинъ бояринъ чутя M, другій н. Авторъ Слова побо́чь женчюгъ пише въ иншо́мъ мёстци жемчюгъ.)

Чогъ — туга.

На+лоно == полонила.

Въ дословно́мъ толкованю выходитъ така мысль: "Великій княже, уже умъ туга половила".

9. Сонъ князя: 9

9. Одгадка бояръ:

Босоуви врани възгранахоч оч По рочской земли простроша сна Плъскъска на болони, бъшл дебрь Исканю и несошась къ синемоч морю. подаста униови.

Текстъ княжого сну вже приходивъ подъ чч: 2, 3, 4; тутъ якійсь бояринъ толкує сонъ на иншій ладъ, вёрно въ мыоль княжихъ словъ, отже безъ штучокъ языковыхъ. Одгадка соть ту зовсёмъ легка, чого доказомъ сами интерпреты, котри въ посередъ одгадки бояръ лишь се одно мёстце умёли яко-тако одчитати.

Брани възгращхоу оу Плѣсньска, бѣша дебрь Исканю — Половцѣ розпростеряе оя по Русе.

Бранн несошась къ синемоу морю (т. е. оъ жиронь) — Половцё въ мори погрузили (т. е. руске злато).

Дръ Огоновский до словъ: въ морк погроузиста каже доповнити: силоу илшоу. Се толковане не малобы звязку зъ текстомъ сну, бо ту не говоритъ ся о войнъ зъ силами т. с. войсками Игоря, але о неоподъваномъ нападъ на Русь посля нещасливои битвы надъ Каялою. Половцъ, мовь ти вороны, найшли въ Русь за добычами, а набравши богато добычи нъяко подълились нею зъ готскими красными Дъвами, котри заразъ и въспъща на брезъ синемоу морю, звоны роускъмъ златомъ. На колька отиховъ цередъ ономъ князя Святослава пише авторъ Слова выразно: Игорь погроузи жиръ во дит Кашлы рткы половецкым — роускаго злата насыпаша. Ясна ртячь, що и въ онт князя доповнити треба тое жиръ — руске злато.

Отъ и перейшовъ я, слово за словомъ, цёлый сонъ Святослава, толкуючи его рожными опособами такъ, що въ ко́нци выйшла о̀дгадка бояръ. Одно то̀лько мёстце зъ боярокои о̀дповёди лишилось непояснене, именно слёдуючій уступъ: Темно бо бк въ третий день: два солица померкоста, оба багрынаю стлъпа погасоста, а съ нима молодаю мксюца, Олегъ и Свютъславъ, тъмою сю поволокоста. На ркцк на Камлк тьма свктъ покрыла.

Весь той уступъ уважаю познайшою, нещаслявою вставкою, неналежною до одгадки бояръ. Стилизація въ нёмъ ссть высоко-постична, тому и не надавалась зовсёмъ до боярскихъ тяжкихъ думокъ; при томъ бояре говорятъ ту о сынахъ княжескихъ, Олегу и Святославѣ, а тымчасомъ про головныхъ князтвъ, про Игоря и Всеволода, они и словомъ нъгде не згадуютъ. Бояре говорятъ о ръцъ Каяль, а предсь о такихъ подробностяхъ Игоревои выправы они еще знати не могли. Бояре не були нѣ пророками, нѣ чародвями, — они одгадували сонъ, якъ мы бачили, всюды способомъ природнымъ. Я горѣшный уступъ уважаю вставкою, вырваною зъ попереднов (VIII-ов) части Слова, именно зъ тыхъ мёстць, где говоритъ ся о результатахъ нещасливои выправы Игоревои. Проте думаю, що выдавцѣ Слова повиний той уступъ, если хогятъ поематови надати розумну мысль, перенести до оддёлу попередного, бо онъ тамъ очевилно належитъ.

Дальши мои уваги таки:

Текотъ Святославого сну подъ взглядомъ явыковыхъ комбинацій соть творомъ недоровнанымъ, и позостане по вой вйки єдинымъ того рода въ литературй. То не коротенька якась, колькома словами выражена загадка, але цёлый рядъ мыслей, гармонійно звязаныхъ въ цёдость о н у и въ цёлость одгадки. Та мимо великаньскихъ трудностей при укладаню такого текоту, заходитъ въ нёмъ воего на-воего лишь одинъ невеличкій "блудъ" граматичный, именно въ формё бъща дебрь Исханю, — блудъ повсталый

Digitized by Google

черезъ те, що ся форма має бути разъ падежемъ семымъ (въ снѣ князя), а разъ падежемъ четвертымъ (въ одгадцѣ бояръ.) Однакъ и ту пойшовъ поетъ щасливою дорогою, рефлектуючи больше на боярску одповѣдъ, бо текстъ сну мимо похибки граматичнои завсѣгды позостане зрозумѣлый.

Въ стализаціи ону найбольша трудность зайшла при уложеню реченя сыпахоуть ми тъщими тоулы поганыхъ тлъковинъ великый женчюгъ на лоно. Речене читаесь тяжко и зъ текстомъ цёлымъ не мас доброи рёчевои звязи, за тежь якъ хорошо выпадае ту одгадка бояръ и яка въ той одгадцё мёститъ ся важна мысль, поясняюча сонъ въ его найважнёйшой части!

Интерпреты закидають авторови Слова, що о́нъ говорячи про косоуки крани въ Плъсньскоу похибивъ противъ исторія, бо по свёдоцтву лётописи Половцё тогды не заганялиоь такъ далеко. Якъ мы бачили, уживъ поетъ выразу "Плёонеско" лишь для переведеня дуже хорошои играшки понятій, бо въ то̂мъ Плёснеску бачили бояре не яку тамъ географичну назву, але "мёотце, въ котро̂мъ щось плескае." Я переовёдченый, що кождый Русинъ, хочбы и неписьменный, и нынё еще въ такій самый спосо́бъ толковавбы олово "плёснеско."

На зако́нчене подаю въ дословно̂мъ переклада цѣлый сонъ Святослава, порядкуючи поодинока реченя по̂сля ихъ логичного звязку. Замѣчаю то̂лько, що въ снѣ розличати треба двѣ части: 1) в с т у п н е речене або сонъ про те, якъ князь ставъ ся "нагоряномъ," т. с. мешканцемъ Вальгалѣ (уважалось се въ скандинавской митологіи дуже зловѣщою ворожбою); 2) властивый тематъ для о̂дгадки бояръ.

1. (Сонъ про Вальгалю.) "Святославъ божій сонъ видёвъ: Въ Skialf-й нагорянъ (въ Вальгали) оннёска Валькиры, рёкъ о́нъ, одёвали мене небеснымъ покровомъ на своёмъ ложи, черпали менѣ божеского цёлющого вина, и пестами забавляли мене."

2. (Властива одгадка бояръ.) "Великій княже, туга умъ полонила. Се два соколы злетёли въ княжого стола въ Тьмуторокань. Имъ крыла одтяли саблями поганыхъ тлуковъ и овинули ихъ въ велики желёзни ланцухи. Даri

0**g**

60

ЯĿ

CO

C)

C,

٨

1

леко по Руси розпростерлись поганцё (Половцё) и золота руского насыпали въ сине море. Уже злый Дивъ вергъ ся на землю, уже готоки красни Дёвы играютъ на березё синёго моря: осиёвуютъ часы Буса, сибваютъ про смерть Шароканову, носятъ ся зъ рускимъ волотомъ на берегахъ моря."

Въ той одгадата бояръ нема, и зовотать слушно, навъть найменшои згадки про князтвъ Игоря и Всеволода, однакъ зъ численныхъ бо̀чныхъ подробностей (про двохъ соколовъ зъ княжого стола, про Тьмуторокань, про поганыхъ тлуковъ, про желтэзни ланцухи) Святославъ не мо̀гъ сомнтвати ся о властиво̀мъ значеню свого сну. Онъ проте выслухавши бестаду бояръ, изрони злато слово слезами съмташено и рече: "О мощ сыновци, Игорю и Ксеволоде! и т. д.

24. Землы Троыны, въци Троыни.

Въ чотырехъ мёстцяхъ "Слова" згадує ся выражене Тромнь, воюды въ формѣ приложниковой (— Трояній). Роздивѣмъ ся въ кождомъ зъ сихъ мёстць докладнёйше.

в) Обида, въсточпивъ Дъвою на землю Трошию, въсплескала лебедиными крылы на сниъмь моръ, оч Доноч плещоччи очбочди жирны времена.

Въ то́мъ уступѣ подане ясно положене землѣ Троянён: надъ синимъ моремъ и около Дону — значитъ, земля Трояня обоймала степы укравньска або край Половцѣвъ.

6) О Боіане, абы ты сії плъкы оущекоталъ, рища въ тропоу Троіаню чресъ поліа на горы.

Зновъ изъ словъ поста видно, що тропа Тромны вела черезъ поля, т. с. черезъ степы, на котрыхъ сидѣли Половцѣ.

в) Были въщи Троізни, миноула лъта Шрославлы, были плъци Ольговы.

За часовъ нашого поета звалась половецка земля Троянею, але давизйше, передъ Ярославомъ Мудрымъ, була и Русь землею Троянею.

. Якажь то "вкци Тромин" були передъ Ярославомъ

10

Мудрымъ? Для мене рѣчь вовсѣмъ яона: вѣци Трошин тревали на Руси о̀дъ часо̀въ Рурика ажь до крещеня Руси — значить, обоймали періодъ скандинавскій, страшный въ всёлякого рода войны и нещастя. Въ тыхъ вѣкахъ Троянихъ предки нынѣшнихъ Русино̀въ зо̀стали Варягами поборени и попались въ ярмо неволѣ.

Можнабъ закинути, для чого авторъ Слова по вёкахъ Троянихъ не наводитъ "л ё т ъ Володимира Великого," крестителя Руси? Але ту одповёдь легка: Володимиръ бувъ довгій часъ поганиномъ, отже его лёта належатъ еще въ великой части до вёковъ Троянихъ (цёлковите окрещене Руси одбулось доперва за Ярослава Мудрого).

г) На седьмомь въцъ Тромни връже Всеславъ жребий отъ Дъвицъ себъ любы.

Горв сказано, що вкин Тоолин були передъ Ярославомъ, а ту поетъ згадує про якійсь "семый вікъ Трояній" по Ярославь ! Интериреты не звертали уваги на таку очевидну нелогичность и встма силами взялись за обчислене того семого вѣку. Отъ и зновъ отворилось поле для рожнородныхъ домысловъ. Одна обчисляли, колько роковъ минуло одъ цёсаря Траяна ажь до князя Всеслава, и выйшло, що въкъ значитъ 160 лътъ. Инши обчисляютъ, колько лътъ минуло одъ смерти Володимира Великого, и довели, що в в к в = 7 лёть. Кн. Вяземскій мавъ обчислити, що семымъ вѣкомъ Троянимъ були часы Гомеровыхъ героѣвъ, коли жили Гекторъ и Парисъ; а зновъ инши доводятъ, що вёкъ = 100 явть. Всё тія даты, хочь я якъ математично обчислени, не придаютъ ся до нѣчого, бо про "еру Трояню" нёкто въ свётё не чувавъ, нёкто посля неи нёгде не числивъ, а найменше знали про тую еру у насъ на Руси.

Я пря свояхъ обчисленяхъ опираю ся на едино автен тично̀мъ коментари, т. е. на лѣтописи, где сказано, що Всеславъ пановавъ въ Кіевѣ всего-на-всего сѣмь мѣсяцѣвъ, а о́дтакъ удавъ ся до Бѣлгороду и зъ о̂дои тайкомъ утѣкъ до Полоцка. Та сама мысль высказана и въ Словѣ: Na седьмомъ вѣцѣ Троіани връже Есеславъ жребий отъ Дѣвицѣ себѣ любы. Той клюками подпръ сы оконию скочи къ градоу Кыкевоу, и дотче сы строужиюмь злата стола кыкевскаго. Скочи отъ нихъ лютымь звѣремь въ плъночи изъ Бълаграда, объсн сы синъ мыглъ, оутръже въ извено стрикосы*) и т. д.

Що въ лётописи значить сёмь мёсяцёвь, то въ Словё названо семома вёками Трояними. Або вёкъ = "мёсяць" (скандинавске "vika" означає "тыждень"), або поеть уживъ того слова для окрасы поетичноя, або иронично, або о̀нъ нацисавъ "на вкцк" для лучшого ритму зам на мксыци-Поезія зъ лётами обходитъ ся въ загалё досыть свобо̀дно, проте годё ту держатись строгои математики. Суть цевня числа поетичня и цевна назвы поетична, и мы зъ ними радо-нерадо мусимо числитись.

Щожь изъ всего выходить?

Землею Троянею за часовъ нашого поета звалась выключно лишь земля половецка, где пановали готока боги; въками Трояними зовутъ ся часы на Руси передъ Ярославомъ, коли вразъ зъ Варягами запанувала на Руси окандинавска (готока) въра; мъсяцями (чи тамъ въками) Трояними зовутъ ся та часы, коли въ Кієвъ пановавъ Всеславъ, що то бувъ въ порозумъню зъ готокими богами, взнославъ оя въ си на мглы, доставъ въ тыхъ мглахъ (о́дъ Дъвицъ собъ любон) божа стрикосы, перекидувавъ ся въ вовка, тура, окакавъ конемъ марою, а при ко̂нци житя гдесь счезає въ Тьмуторокани — зновъ надъ си ни мъ моремъ.

Соть отже во воёхъ наведеныхъ мёстцяхъ Слова точно означене цоняте для выразу Тромнь; оно стоитъ въ звязи зъ готокою религією. Якъ есть земля христіяньска и суть вёки христіяньска, такъ була земля Трояня и були вёки Трояна.

^{*)} Въ артикулѣ подъ числомъ 20. подавъ я розправу про стрикосы и замѣтивъ при случаю, що "стрикосы" всть те саме, що "жоребий отъ Джению себъ любы". Теперѣшный выводъ усував всяке сомнѣне подъ тымъ взглядомъ. Посля лѣтописи княживъ Бсеславъ 7 мѣсяцѣвъ въ Кіевѣ, одтакъ черезъ Бѣлгородъ утѣкъ тайкомъ до Полоцка, а посля Слова онъ "на семо́мъ вѣку Троянѣмъ" вергъ "жребій одъ Дѣвицѣ". Поетъ подав ближшій коментарь, коли то сталось. Онъ пише: Всеславъ зъ Кіева скочивъ до Бѣлгорода (отже при ко̂нци свого семимѣсячного панованя), а зъ одти понѣсъ ся въ хмары и отръжи въ мазено стрикосы. Очевидно, що "жребій одъ Дѣвицѣ" а "стрикосы" означаютъ ту одно и то само.

25. Трошнъ.

Въ Словъ половецка земля названа "Троянею," а Русины зовутъ ся внуками Дажбога — значитъ Русь була землею "Дажбожою". Ся паралеля есть дуже важна, бо выйти мусъла зъ однои проводнои мысли: якъ Дажбогъ бувъ найвысшимъ богомъ у поганьскихъ Русиновъ, такъ бувъ такимъ богомъ Троянъ у Половцъвъ и у Варягъ.

Про бога Трояна була довшій часъ традиція на Руси. Въ словари Миклосича (и навёть у интерпретовъ Слова) наводятъ ся въ рускихъ памятнаковъ письменныхъ отой мёстця про бога Трояна:

- в) Троына, Хърса, Белеса, Пероуна на богы обратиша, бъсомъ злынмъ въроваша.
- 6) И да быша разоумъли многии человъци и въ пръльсть великоу не внидоуть, мнаще богы многы: Пероуна и Хорса, Дыж и Троба на.

Дръ Огоновскій одно мёстце Слова (были в'кци Троыми) пояснювавъ дёйстно на подставё давного миту про бога Трояна, толькожь уважавъ онъ Трояна богомъ славяньскимъ, добрымъ, и проте в'кци Троыни суть у него "ељки щаслией, ез котрыхъ Троянъ, богъ септла сонъчного, поборюваеъ демоновъ тьмы". Аде ученый нашь землякъ спостерёгъ ся окоро, що выражене в'кци Троыни мае въ текстё Слова зовсёмъ противну мысль, проте въ новёйшомъ (школьномъ) выданю зъ року 1881 инше вже такъ: "в'кци Троыни аво вёки Траяна — суть то вёки вельми оддалена, ознаменована войнами". Такъ отже въ бога Трояна зробивъ ся назадъ цёсарь римскій Траянъ а вое тое недорозумёне выйшло едино въ того, що Трояна шукавъ Дръ Огоновскій межи Славянами, а не межи Варягами.

Назва Троянъ стоить въ звязи зъ приложникомъ "тройный" (троякій), Въ готской митологія замѣчаємо такій розвой религійныхъ понятій : найперше бувъ головнымъ богомъ Дивъ, одтакъ онъ уступає мѣстце Воданови — але той Воданъ, хочь и соть найважнѣйшимъ богомъ, не мас самъ про себе всемогущов, свѣтовладнов силы, лишь въ полученю зъ двома иншими богами. Свѣтомъ, пооля скандинавокои вѣры, управляє "бо жа тройня", або якъ Нѣмцѣ кажутъ: "Götterdreiheit" (Wägner, вотупна уваги) або "Dreieinigkeit der Götter" (Wolzogen ст. 98). Тота тройня боговъ въ рожныхъ часахъ и мёстцяхъ эмёняла ся — одну тройню становили три братя: Воданъ, Вілі и Ве; другу тройню: Воданъ, Геніръ, Лодеръ; третю тройню: Тунаръ, Воданъ, Сакснотъ и т. д.

Зъ тои тройнѣ боговъ, подъ вплывомъ хриотіяньскихъ понятій, утворивъ си одинъ богъ Троянъ, або якъ гдеянде его называли: Триглавъ. Въ Згорѣльци (Бранденбургу) и на Поморю въ Щегинѣ бувъ головный культъ Триглава. Святый Отто, епископъ бамберскій, описавъ статую и святыню Триглава на Поморю, а одтакъ знищивши отатую, о̀нъ повѣзъ три си головы до Риму на знакъ, що Поморяне стались Христіянами. Такъ глубоко вкоренилась була на Поморю вѣра въ Триглава, що доперва за знищенемъ святынѣ головного бога положено крѣпшй засновы для розширу христіяньскои вѣры.

Авторъ Слова нишучи про землю Трояню, выражавъ ся не "старыми словесы", але больше посля сучасныхъ понятій, або въ мысль тыхъ Варяговъ - поганъ, що пановали на Руси. Въра христіяньска въ 12. столътю надто мало вникла була въ народъ и въ тоглышнихъ болръ, проте въ цълой повни еще жили на Руси традиціи про въру поганьску.

Посля нынёшнихъ нашихъ понятій можнабы толковати Тромнь черезъ "Трибогъ"; такимъ чиномъ землы Троины — земля трибожа, въци Тромини — вёки трибожа.

Выражене "вѣки Троянй" уважаю дуже щаолнвымъ терминомъ и навѣть характеристичнымъ для понятій въ давной Руви. Религія христіяньска есть однобожою, тай поганьска религія Славянъ була въ сущности такожь однобожою, бо чи Святовитъ, чи Дажбогъ — все въ то́мъ выраженю мѣстилось понятіє найвысшого, головного бога. Зо всѣмъ отже природно, що готску религію называно въ давно̂й Руси вѣрою "трибожою" въ противоположно̂сть до вѣры христіяньскои и до вѣры поганьско-славяньскои.

26. Тропа Трошны.

Поетъ взыває Бояна, щобы оспёвавъ войско Игоря "скача славню (соловёсяъ) по мысленоч древоч, литам орломь подъ облакы, съвиваю славы оба полы сего времени, рища въ тропоу Тробаню чресъ полы на горы".

Посля думки поета повиненъ бы Боянъ осщъвати восний чины Игоревого войска, а одтакъ зъ побоевища, спъваючи гимны похвальна, понестись въ тропоу Троыню чресъ полы на горы.

Поля значить ту "степъ", а горы означають "Кієвъ", где живъ давный Боянъ (при дворъ князя Ярослава). Въ то́мъ отже Кієвъ залунати мали похвальна пъсни Боянова про войско Игоря.

Жалую дуже, що выражене "тропа" не можна выводити одъ скандинавского dråpa, означаючого большихъ розмѣровъ "похвальну пъсно" (посля Dietrich - a Altnordisches Lesebuch : "dråpa — ein grösseres Lobgedicht"). Слово рища (скачучи) такого толкованя нѣякъ не допускае, а поправокъ въ текстѣ робити не хотѣвбымь.

Гдеяки интерпреты ради - бъ конечно въ той троп в Троянви бачити "валъ Траяна", проте выводятъ тоє слово ажь зъ голяндского trappen и зъ нёмецкого Тгерре. Зъ интериретацією, що до своихъ цёлей послугує ся всёма словарями свёта, я спорыти не думаю; замёчу только, що хочбы були яки "Траянови" валы на Украини и въ Галичинь, они до поясненя нашого поемату не придаютъ ся, бо посля поданыхъ мною безоомиённыхъ доказовъ землею Троянею звались и оловецки степы, в не Русь.

Хочь нерадо, а мустию выражене "mpona" пояснити на подставѣ живучои бесъды. "Тропа" або "тропъ" значитъ на Мало́й Русв "слъдз", а "тропити" значитъ "слъду шукати", отже въ тропу Трояню — въ слъдъ Трояній.

У поета "слёдъ" може означувата дорогу або шляхъ, тай дёйстно дороги степовй, где була только кочуюча людность, подобали больше на "слёды" якъ на гостинцё. (Самъ авторъ Слова пазыває дороги степови "неготовыми"). Такимъ чиномъ рища ез тропу Тролню чресз поля на горы толкую: "несучись шляхомъ Троянимъ черезъ степы до Кіева".

Щожь значить "шляхъ Трояній"? У насъ на пограничахъ кажутъ: шляхъ румуньскій, шляхъ ляцкій и т.д.; отжежь "шляхъ Трояній" — шляхъ, що веде зъ землѣ Троднёй на Русь, шляхъ половецкій, шляхъ степовый.

Digitized by Google

L

Назва "Трояній" взяда овой початокъ зъ понятій релитійныхъ, однакожь въ назвахъ земля Трояня и тропа Трояня перейшла она больше въ назву географичну, а се есть доказомъ, що тои пазвы не вынайшовъ авторъ Слова, але истновала она вже и передъ намъ довшій часъ на Руси. Не сомнѣваюсь, що того термиву, въ значеню мвтологично́мъ, уживъ найперше поетъ Боянъ, котрый памятавъ еще часы поганьства на Руси, отже зъ власнои памяти и зъ жиючихъ традицій мо́гъ бувъ по́знати головий, характервстична ро́жницѣ межи давиѣйшою а новою вѣрою. Межи першими поезіями Бояна а поематомь "Слово о полку Игоревѣ" минуло що найменше 150 лѣтъ, а часъ той выстававъ зовсѣмъ на те, щобы назва "земля Трояня" удомашнылась, значитъ щобы зъ религійнои назвы вытворилась въ понятю Русино̂въ назва географична.

27. Вътри, Стрибожи вноуци.

Коли Дивъ вергъ ся на землю, то по словамъ нашого поемату: вътри, Стрибожи вноуци, въють съ моры стрълами на храбрым плъкы Игоревы.

Ктожь бувъ той Стрибогъ? У Дра Огоновского оказано: "Богъ небеснои грозы, являючои ся въ буряхъ и вихрахъ, называвъ ся Стрибогомъ. Корѣнь того слова е стрьб, знач. recreare, одтакъ Стрибогъ стоялобы зам. Стриббогъ".

Ту зновъ понятія зъ собою помѣшанй, бо по́сля Слова не Стрибогъ освѣжає (recreat) воздухъ, але его внуки, вѣтры. Въ митологіи призначена кождому богу якась окрема, свѣтова чинно̂сть, и мы бого̀въ не можемо мѣшати зъ ихъ сынами, а тымъ менше внуками, котрыхъ богами навѣть звати не можна. Поетъ н. пр. каже, що Русины суть "вноуками Дажьбога" — чижь зъ того выходитъ, що вже кождый Русинъ есть Дажьбогомъ? А въ иншо̂мъ мѣстци поетъ называє Бояна вноукомъ Белеса — се такожь не значитъ, якобы Боянъ бувъ самымъ Велесомъ. Ту отже треба конечно пошукати иншои розвязки до слова Стрибогъ.

Передъ всёмъ насуваєсь ту аналогія зъ вёрованями Греко́въ и Рамлянъ. "Стрибожи вноуци в'кють съ моом" — а посля греческой митологіи богь моря, Позейдонъ (а у Римлянъ Нептунъ), управляє вётрами. Навётъ подъ взглядомъ языковымъ можнабы Стрибога уважати богомъ водъ, бо славяньскій корень строу (согласна т соть ту звукомъ вставнымъ) приходитъ въ назвахъ многихъ рёкъ, якъ Диёстёръ (Dana-stris), Истеръ, Стиръ, Стрый, Серетъ — а такожь въ словахъ: струя, отрумёнь, островъ, (с)рёка и т. д.

Пишучи въ 16-о̀мъ числѣ "Зорѣ" про землю Трояню, мавъ я гадку, пояснити ко́лька мѣстць Слова за помочею греческои митологіи и Гомеровои Иліяды. Для тогдышнои гипотези моси дуже добре надавалось поровнане межи Стрибогомъ а Позейдономъ, а еще красше промавляли за тою гипотезою самй интерпреты Слова, котрй Велеса называли "богомъ скота и поето̀въ", значитъ на ро̀вни клали Велеса въ греческимъ Аполлономъ. Та хочь якъ понадий були для мене всё ти паралелѣ, я волю о́ддати довгъ правдѣ и якъ перше Велеса, такъ теперь Стрибога поясняю не въ мысль греческои, але скандинавскои митологіи.

Въ новъйшой Еддъ, въ такъ званомъ Skaldskaparmal т. с. въ инструкция для постовъ, оказано, що море есть домомъ вътровъ. Посля Слова такамъ домомъ есть си не море, бо зъ одтамъ въютъ вътры стрълами на хоробри полки Игоря.

Въ иншо́мъ мѣстци Едды, въ оповѣданю Gylfaginning, подане таке вѣроване про вѣтры: Запытавъ ся Ганблері: "Зъ во̂дки повстае вѣтеръ, що має силу зворушита море и роздути огонь? Онъ такій сильный, а нѣкто его не бачавъ диво та чудо!" Тогды о̂дповѣвъ Гаръ: "Се заразъ тобѣ окажу. На по̂вно̂чно̂мъ небѣ сидитъ великанъ, що мае подобу орла; о̂нъ, коли стане лѣтати, збиває вѣтеръ своими крылами".

Сеся повёрка дуже охожа зъ повёрками рускими. У насъ кажутъ, що въ чотырёхъ ко̂нцяхъ свёта, за морями, стоятъ напротивъ себе чотыри великаны зъ огромными вусами та чубами, и неустанно дуютъ одинъ противъ другого. Кто сильнёйше дуне, зъ тои стороны буде вётеръ. А о вихрё кажутъ, що его вытворюе "сатана зъ великими крылами".

Та якабъ не були върованя про вътры, въ Словъ они завсъгды выступаютъ помочниками Дива, т. е. бога войны. Валькиріи больше управляютъ саблями Половцъвъ и спъвами заохочують до бою, а вётры управляють отрёлами несучи ихъ на непріятельски войска. Въ той мысли говорить на иншомъ мёстци Ярославна: "О в'ктре, в'ктрило! чемоу мычещи хиновскым стр'клкы на своюю нетроудноую крыльцю на моюл лады (т. с. моего мужа) вон ?"

Выходилобъ зъ того, що Дивъ а Стрибогъ суть лишь двё назвы для означеня того самого бога. Ровно якъ "стрикосы", я и слово Стрибогъ выводжу одъ скандинавского strid — война. Стрибогъ (Streitgott, Kampfgott) — богъ войны, Дивъ.

28. Хръсъ, Дажьбогъ.

Зъ помежи рускихъ (славяньскихъ) божествъ згадуютъ ся въ Словѣ о полку Игорево̂мъ лишь тй два: Хръсъ и Дажьбогъ.

- а) Всеславъ великомоу Хръсови влъкомъ поуть прерискаше.
- б) При Ольз'х погыбашеть жизнь Дажьбожа вночка.
- в) Въстала Обида въ силахъ Дажьбожа вночка.

Хръсъ есть то само, що "Сонце", и своимъ звукомъ пригадує перского Корес.а (або Кореш.а) и египетского Гороса. Тота старожитна назва есть доказомъ незмѣрно давного культу того бога въ нашой земли и безперечно принесена Славянами еще зъ Азіи. Одповѣдало то системѣ свѣтлопоклоньскои религіи нашихъ предковъ, що они сонце уважали своимъ найвысшимъ богомъ и около него груповали поменшихъ боговъ, котрыхъ або одъ иншихъ народовъ переняли, або у себе дома вытворили для очначеня певныхъ власностей и силъ головного бога. Выражене "великый Хръсъ" ясно вказує на головный культъ Сонця въ нашой Русп за часовъ погвньотва.

Въ славяньскомъ перекладъ греческого лътописця Маляла такъ говоритъ ся про сонце: Солнце царь, сынъ Свароговъ, еже есть Дажбогъ.

Выражене Солнце-царь пригадуе намъ царь-огонь, якій добувають тертемъ объ себе двохъ сухихъ деревъ. Той огонь уважае ся "овятымъ" (Болгаре называютъ его до

11

нынѣ огнемъ "божимъ"); при великихъ урочистостяхъ не можь було иншого, якъ лишь того "царь-огню" уживати. Въ Гербарѣ польскомь эъ року 1596 говоритъ ся, що люде "święta diablicy święcą, czyniąc Sobótki, paląc ognie, k rz e szą c ognia deskami, aby była prawa świętość diabelska". Огонь выдобутый тертемъ двохъ деревъ (дощокъ) зове людъ мазурскій стариннымъ выраженемъ "kres" (поровн. кресати огню). Руске "царь-огонь" и польске "kres" маютъ той самъ корень, що и выражене "Кръсз", такъ отже назва Солнце - царь рѣчево и языково зовсѣмъ оходитъ ся зъ нашимъ Хоъсомъ.

У насъ есть богато словъ, котра утворились одъ кореня кор и односятъ ся до сонця або до огню: коровай (овятый хлёбъ), куръ (овятый птахъ), короводъ або хороводъ (танець въ честь бога Сонця), коржь (подналокъ), корочунъ (у Гуцуловъ "Роздвяный постъ", принадаючій въ ту пору, коли погане обходили "рождеотзо Сонця"), кор шбурый. Окровъ того въ рускихъ казкахъ часто згадуютъ ся королё и королевичё, що бо рютъ ся зъ зміями; есть то представлене борбъ, якй по поганьскому вёрованю веде свётло зъ тьмою, Корсъ зъ змією. (Подъ вплывомъ познёйшихъ понятій въ тыхъ казкахъ незрозумёле слово "Корсъ" замёнене зостало на зрозумёле "король").

Про Хорса лишилась еще повёрка межи Русинами въ околици Дрогобича. П. Франко доноситъ менё зъ одтамъ, що въ само́мъ Дрогобичи о чоловёцё, котрый нёбы-то бачивъ щось неимовёрного, небувало, кажутъ : оно бачиез Форсз на бъло́мз кони. Въ той фразё навёть замётна старинно̀оть формы "Форсъ", бо есть то 4 цадежь, котрый, якъ вёдомо, ро́внавъ ся давнёйше падежеви першому.

Суть ученй, що выражене Хръсъ поровнуютъ зъ староперскимъ hvare — сонце; такимъ чиномъ бувбы Хорсъ те саме, що Сварогъ, — той самъ богъ, лишь подъ рожными назвами почитаный въ славянщичѣ.

Словами "Солнце царь еже Дажбогъ" выражена тотожность Хорса зъ Дажбогомъ. Хорсъ есть назва отарянна, въками переказана, — Дажбогъ есть формацією новъйшою, спеціяльно рускою; Хорсъ має больше овътове, загальне значене, а Дажбогъ есть нъяко частиною Хорса, означає одну только его власность, о сколько Сонце есть подателемъ земныхъ плодовъ и богатствъ.

Въ Словѣ названй Русины вноуками Дажьбога, а въ рускахъ пѣсняхъ великодныхъ (въ гаго́лкахъ) Дажбогъ названый "Дѣдомъ" (присиѣвуютъ чаото: "Ой Дѣдъ, Дѣдъ та Ладо").

Дословно Дажьбогъ — Дай-Богг и, здає ся, до Дажбога односитъ ся приспивка въ нашихъ народныхъ колядахъ: "Ой Дай-Боже!"

Зъ илодовъ земныхъ лишали давни Русины одну часть для свого бога. Еще до нынѣ заховавъ ся гдекуды звычай, що на нивѣ лишаютъ гдещо стебелъ нежатыхъ и зовутъ тую жертву свою "Дъдовою бородою".

На Руси зовуть еще солому, котру на св. вечеръ розстелюютъ по земли, Дъдухомъ; а снопъ пшеничный, котрый ставлять въ куть образовои стёны въ хать, Дъдомъ. Назвы Дъдухъ и Дъдз поясняютъ ся тымъ, що Сонце, яко Дажбогъ, було богомъ земныхъ урожавьт. Обрядъ паленя Дѣдуха (на другій день колядъ) есть такожь митологичного значеня; селянинъ до днесь еще привязуе до того огню велику силу, уживаючи при нъмъ воълякихъ заговоровъ и огръваючи ся огнемъ, щобы боляками не обкидало (Pauli I.; Галька, II, 14). А належитъ памятати, що посля върованя давныхъ Перзовъ боляки обкидаль того, кто согръщивъ проти сонця.

Авторъ Слова называє Половцёвъ "*дътьми бъсовыми"*, а Русиновъ *внуками Дажбога* — иншими словами: Половцё суть "дёти тьмы", а Русины "дёти Сонця".

(Поглядъ на поганьску религію Русиновъ).

Окро́мъ Хорса и Дажбога не згадує ся въ Словѣ про иншихъ славяно-рускихъ бого́въ, за те зъ свѣта чаро̀въ и повѣрокъ зазначивъ поетъ ко̂лька дуже характеристичныхъ моменто̂въ. Перше всего заслугуютъ на увагу тота желѣзни папороти, що находились по̂дъ шоломами князѣвъ Романа и Мстислава, а мали таку чудотворву силу, що о̂дъ нихъ ажь земля трясла оя а вороги передъ ними вергали

свои списы и головы свои поклоняли. Велькои ваги поеля поета есть такожь "друге твло" Всеслава, той чепець въ котро́мъ о̀нъ родивъ ся и котрый по върованю давнои и теперъ́шнои Руси приноситъ чоловъ́кови щасте. Въ иншо̂мъ мъ́стци наводятъ ся еще въ "Словъ́" но̂чни съморци т. с. мраки, котри идоуть мыглами и помагаютъ Игореви выдобути ся въ неволъ́.

Въ готокой религіи бачимо велике чиоло боговъ, въ руской перемагає той таємничій свётъ войлякого рода чаровъ и повёрокъ, якій еще и доси доховавъ ся въ нашомъ народё.

Для докладного познаня поганьской вёры нашихъ предковъ богато придае ся "Слово о полку Игоревомъ". Мы бачили, зъ якою правдою представивъ поетъ головни знамена готской (повночной) вёры, тожь и головныхъ, характеристичныхъ знаменъ поганьской вёры Русиновъ мусимо дошукуватись такожь въ Словё, тымъ больше, що обё митологіи, готску и руску, переводитъ поетъ паралельно, якъ то и було проводною его мыслею.

Всё дотеперёшна розправы о вёрё нашихъ предко́въ лишь въ одной части могутъ задоволити. Звычайно митологове силуютъ са найти у Русино̂въ якъ найбо́льше бого̂въ, проте всяка дотычна згадки въ нашихъ памятникахъ старорускихъ заразъ отараютъ ся зложити въ якуоь систему, не розбираючи ближше, чи згадана въ тыхъ памятникахъ боги сутъ дёйотно рускими, чи може скандинавскими, або зъ о̂дки ичуды занесеными. Отъ два характеристична примёры:

1) Въ друго́мъ договоръ́ Русино́въ зъ Греками зъ року 945 кленутъ ся Русины додержати умовы, инакше "кто преступитъ клятву, да будетъ клятъ отъ Бога и отъ Перуна."

Русины-христіяне кленуть оя Богомъ, а Русины-погане Перуномъ. Але ктожь були тія Русины? На початку договору сказано: "Мы отъ рода рускаго: Иворъ, Вусфастъ, Искусеви, Каницаръ, Шихбернъ, Сфанъдръ, Либиаръ, Фастовъ, Гримъ, Акунъ, Аминодовъ, Шибридъ, Алдань, Сфирка, Фурди, Мутуръ, Адунь, Адульбъ, Фрутанъ, Емигъ, Бруны, Роальдъ, Гунастръ, Игелдъ, Турбернъ, Моны, Руалдъ, Алдань, Тилена, Пубькоаръ" и т. д. Хибажь се назвы руско славяньски?... А предсё по всёхъ митологіяхъ, на подставё того договору, утворено рускославяньского бога Перуна, котрого навъть безцеремонно названо найвысшимъ богомъ! Варяго-Руссы ёдутъ до Греціи, Варяго-Руссы кленутъ ся Перуномъ — и посля дивнои логики Перунъ єсть богомъ славяньскимъ!

Въ Словъ о полку Игорево́мъ приходитъ такожь Перунъ, але о̀нъ стає по сторонь Половць́въ. Тамъ выразно говоритъ ся, що передъ нещасливою битвою надъ Каялою: чръным тоучы съ моры идоуть, хотыть прикрыти четыри солица, а въ инхъ трепещоуть синии млънии. Быти громоу великомоу, ити дождю стрѣлами...

2) Несторъ говоритъ о Володимиръ, крестателю Руси: "И постави коумиры на холмоу вић двора теремного: Пероуна деревына, и Хръса Даждьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь..."

Мы знаємо, що Володимиръ, потомокъ Рурика, въ першой добѣ срого панованя зносивъ ся часто зъ Скандинавією, проте не загинула єще була родова и религійна спольность бояръ и князѣвъ зъ давною отчиною. По матери бувъ Володимиръ Славяниномъ, такъ нѣщо дивного, що побочь окандинавскихъ боговъ умѣстивъ о̂нъ и отатую славяньского Хорса-Дажбога коло свого терему.

О неславяньскости выраженій Симарьглъ и Мокошь нема що богато говорити. Стрибогъ, якъ вже знасмо изъ Слова, бувъ скандинавскимъ богомъ, те саме що Дивъ у Готовъ. Перунъ знаный намъ зъ договоровъ Игоря я Святослава зъ Греками, а если ему Володимиръ придававъ ажь надто всляку почесть, то се певно не бувъ поглядъ славяньскій; мы вже бачили въ розправѣ про Трояна, що деяка племена германьска посередъ тройнѣ овоихъ боговъ клали на першомъ мѣстци не Водана, вле Тунара (Donner, Перунъ).

Колижь россійски и малоруски митологи зъ рускихъ памятниковъ не умѣютъ добре розознати, що руске а що скандинавске, то тымъ менше дивувати буде, що они въ доброй вѣрѣ все уважаютъ славяньскимъ, що зъ посередъ боговъ находило ся у другихъ племенъ славяньскихъ. Отъ и зароилось въ нашихъ митологіяхъ безчисленными богами и богинями, и выйшли системы, якихъ нѣ въ народныхъ

Digitized by Google

переказахъ нѣ въ давно́мъ нашо́мъ поетично́мъ памятнику (въ Словѣ о полку Игорево̂мъ) не находимо.

Въ виду такъ слабонькихъ и хибныхъ дослёдовъ на поли руско-олавяньскои митологія, признаюсь, менё трудно прийде пояснити всё существенна примёты поганьскои вёры нашихъ предковъ, о сколько они представлена въ Словѣ. Постать Хорса-Дажбога и повёрки про "nanopomu" и "язвено" пояснявъ я за помочею дохованыхъ на Руси традицій; про инши повёрки и про подрядна божества (митична существа) я даю понижше лишь коротка замётки. Може кто другій, идучи за моими указками, пояснитъ предметъ докладнёйше, а я переовёдченый, що коли учена возьмутъ Слово за подставу до своихъ митологичныхъ студій, они на его основё и пра помочи дохованыхъ на Руси повёрокъ выяснятъ докладнёйше поганьску вёру нашихъ предковъ, нёжь то зроблено доси.

29. Донъ кличеть и зоветь книзи на побъдоч.

Дуже важне мёстце находить ся въ Словё, на котре интерпреты не ввертали уваги. Коли войско Игоря ступило на половецку землю, то по словамъ поета Дивъ "кличеть кръхоч древа" и взыває Половцёвъ до борбы — а паралельно до того мёстця каже поеть (по причинё розгрому Игоревого войска): Донъ кличеть и зоветь кнызи на повъкдоч. На покликъ грозного Дива заразъ Половцё отали громадитись до бою, а на покликъ Дону лишь Ольговичи храбрни кнызи доспъли на брань.

Передовсёмъ насуваесь пытане, для чого поетъ готского Дива въ паралелю ставитъ зъ рёкою Дономъ? Митологи заразъ готовй накинути ся на автора Слова: "Неукъ — скажутъ — пописавъ небылицѣ, бога войны поро́внавъ зъ рёкою! Не знае славяньскои митологія!" Для нихъ, для тыхъ митолого̂въ, булобъ наручнѣйше, якбы якій "Свма ръглъ", або хочъ "Перунъ зъ золотыми вусами", або "Мокошь" накликувавъ Русь до войны...

Покликъ Дону выдати ся муситъ дивачнымъ для того, що мы на славяньску митологію задивлялись доси изъ становища иншихъ народовъ, якъ Грековъ, Рамлянъ, Германовъ. Намъ забаглось конечно, щобы було рускихъ бого̀въ "богато", тому и нѣкто не зважавъ на автора Слова, котрый предсё жіючи въ 12. столѣтю, въ часахъ где поганьство на добре еще въ нашо̀мъ народъ процвитало, мо̂гъ якъ найдокладнѣйше поганьску вѣру нашахъ предко̂въ знати. Хочь зъ жалемъ, але я вже розставсь зъ манією боготворотва и зовсѣмъ иншими засадами руководжусь при выясненю тыхъ мѣстць Слова, що о̀дносятъ ся до рускои митологіи.

Посля дохованыхъ на Руси повёрокъ вода есть "непочатою" и занимає побочь огню (отже и сонця) одно зъ первыхъ мёстць. У нашихъ горянъ доховалось вёроване, що царь-огонь разомъ зъ царицею-водою сотворили свётъ. Въ одной галицко руской колядё (помёщеной въ Христоматіи Головацкого) такъ описуесь сотворене свёта: "Ой коли було зъ нащада свёта, тогды не було неба нё землё, ано лишь було синеє море". Въ загалё по понятію Русино́въ земля выплынула зъ моря, або вынята въ неи.

Въ водъ мешкаютъ рожна водна существа: Морены, Морска панны, Русалки. Особливожь важна и свята були та ръки, въ котрыхъ приходить слово Дана, якъ Дунай, Донъ (Танаисъ), Днъпръ (Данаприсъ), Днъстръ (Данастрисъ). Здассь, що и въ пъсняхъ народныхъ не безъ причины приспъвуютъ: "Ой Дана, Дана!"

Як. Головацкій нише въ своёмъ Баснословію: По що нятію Славянъ воды, ръки, моря населени були рожными митичными существами. Зъ върованя въ божественность воды повотало друге въроване, що на берегахъ водъ, въ поблизкости божества, треба одправляти богослужебий обряды. Зъ того выходитъ, що мъстцями такихъ богослуженій були особенни містця у береговь священныхь озерь ръкъ, потоковъ, куды народъ громадно збиравъ сл. О томъ свёдчатъ давна инсателъ. Такъ у Проконія (III., 14.) читаємо, що "Славяне обожаютъ ръки, нимеъ и гдекотрыхъ другихъ духовъ, приносятъ имъ жертвы и по жертвамъ гадають о будущинь". Несторь говорить, що Русиныпогане "кладыземъ и юзерамъ жертвоу приношахоу", о чо́мъ и Новгородска лѣтопись згадуе. Такожь въ уставѣ Воледимира о судахъ згадуе ся про людей, що молятъ ся у воды, а въ правилахъ митрополита Іоана чатаемо о

людяхъ, "жже жроуть бъсомъ н болотомъ н колодыземъ". Наконець в Кирилъ явно научае: "не нарицайте собъ бога ни въ ръкахъ, ни въ стоуденцахъ".

Почесть до гдеякихъ колодязей, озеръ и рёкъ еще и до ныпё не выгаола въ народё; до нынё называє народъ гдекотрй керницё святыми, населяе рёки, озера и керницё морянами, водянами, русалками, топельниками; еще нынё одправляє о̀нъ на берегахъ рёкъ розлични обряды, особливо въ день Купала, где рано купаютъ ся въ рёкахъ, умываютъ ся непочатою водою, а ввечеръ приносятъ идола, Моряну (Марену), потопляютъ его и кидаютъ на воду вёнки, цвёты (сокирки, васильки, черевички, гвоздики, зво̀нки, ро́зноцвётъ), при чо̀мъ спѣваютъ ся обрядовѝ пѣсни.

Зъ всего видно, що руски Славяне въ часахъ поганьства покланяли ся воднымъ божествамъ, очищали ся водою, мыли ся водою, приносили воднымъ божествамъ въ жертву цвътни вънки и върили въ пророчу силу водныхъ божествъ.*)

Въ Словѣ въ ко̂лькохъ мѣстцяхъ згадуе ся про незвычайну силу воды.

Князь Игорь, прибувши зъ неволъ щасливо надъ Донець, такъ до него промовляе: О Донче! не мало ти величим, лелъмвшоу кнызы на влънахъ, стлавшоу кемоу зеленоу травоу на своихъ сребреныхъ брезъхъ, одъвавшоу кего теплыми мъглами подъ сънию зеленоу древоу. Стрежаше кего гоголемь на водъ, чайцами на строукахъ, чръныдьми на вътръхъ.

Ярославна, жена Игоря, молитъ ся до Днъпра: О Днъпре Словоутичю! ты пробилъ юси каменным горы

^{*)} Пишучи о рожного рода божествахъ, я придержуюсь лишь загально принятого термину, а зовсвмъ не маю на мысли окремыхъ "pleno titulo" боговъ и богинь. Одношене тыхъ божествъ до головного бога, Хорса, було такого рода, якъ н. пр. въ христіяньской религіи одношене межи Богомъ а Святыми. Въ латиньской церквъ (и въ греческой у Уніятовъ) подыбуемо звычай уставляти статув Святыхъ (деревлянй, камъний, металевй) въ церквахъ при дорогахъ, по поляхъ Але якъ тыхъ статуй не можемо уважати окремыми Богами, такъ и подрядни божества Русиновъ-поганъ окремыми богами не були. Статуъ тыхъ божествъ представляли духовъ опъкуньчихъ, певну силу головного бога, существа посередни межи богомъ а людьми и т д.

сквозъ землю половецкочю. Ты лелъмлъ неси на собъ Святославли носады до плъкоч Кобыкова. Къзлелъй, господине, мою ладоч къ мнъ, абыхъ не слала къ немоч слезъ на море рано.

О незвычайной силь моря, котре головно ратує Игоря зъ неволь, я говорити буду въ окремомъ артикуль, проте и одсылаю до него.

Побочь добрыхъ рёкъ згадуютъ ся въ Словё и лихй рёки, але тіи находятъ ся подъ панованемъ Половцёвъ и Литвы. Поетъ н. пр. росказує, що колись, за панованя руского, плыли Двина и Сула срёберными струями, а нынё занечищена они поганцями: оуже Соула не течеть сребреными строуыми къ градоу Переыславлю, и Двина болотомь течеть онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомь поганыхъ. А на иншомъ мёстци говоритъ поетъ про рёку Стугну, що затопила князя Ростиолава: Стоугна хоудоу строую имѣы, пожръши чоужи роучьи, и строугы ростре на коустоу. Оуношоу кнызы Ростислава затвори днѣ при темнѣ березѣ.

Соли маля ръки, по върованю давноп Руси, мають такій вплывъ на жите людей, соли малый Донець и Днёпръ (не говорячи о мори) ратуютъ або ратовати маютъ Игоря зъ неволъ, для чогожь бы Донъ не мавъ способовъ причинитись до побёды Русиновъ?

Донъ есть святою рёкою, а маючи силу пророчу, въ обётницею побёды ошибнути ся не може. Онъ не потребуе, якъ той готскій Дивъ, являти ся на побоевищахъ, само его пророче слово есть достаточною порукою доброго успёха. Донъ не має до помочи Валькирій не военныхъ оружій, але помагати може войску рускому въ иншій способъ: може выляти водами, затопити въ своёмъ руслё Половцёвъ, може наслати мраки на войска ворожй, може споводовати вётеръ противный и т. д. Тай педарможь авторъ Слова пише майже завоёгды "великый Донъ" — се не припадковый якійсь епитетъ, але нарокомъ ужитый, подобно якъ въ выраженю "великый Хоъсъ".

Замѣчаю еще, що противоставлена Дону и Дива уважаю дуже щасливою придумкою авгора. Хръсъ-Дажбогъ, то бувъ богъ споко̂йный, благодатный, що дбавъ о добро Руси, о плоды земни — не ему братись до меча! А якогось бога войны, подобного Диву, Русины вже по мирному свому успособленю безпечно не мали.

30. Солнце св'ятить сы на небесть: Игорь кнызь въ роуской земли! Дтвици поють на Доунан: вьють сы голоси чрезъ море до Кыкева.

Якъ Игорь выбиравъ ся въ походъ на Половцёвъ, то Солнце (Хороъ) юмоу тъмою поуть застоупаше — значитъ, сонце остерегало князя передъ небезпеченьствомъ; колижь Игорь зъ неволъ повернувъ на Русь, утъшилось Сонце и заяснѣло въ повной красѣ на небъ. Зновъ одинъ хорошій образець зъ нашои давнои митологіи!

Больша трудность заходить зъ выраженемъ: Дженци поють на Доунан. У Дра Огоновского сказано: "Змыслъ ту такій: Дёвчата спёвають не только въ Кіевё, коли Игорь сюды приёхавъ, але й далеко о́дъ Кіева. Въ пёсняхъ народныхъ названый моремъ иногди и Дунай, тутки же означивъ авторъ сею назвою мабуть рёку Днёпро; тай въ великорускихъ былинахъ Днёпро названый деколи Дунасмъ.*) Авторъ хотёвъ отже вёдай се сказати, що голосы опёваючихъ дёвчатъ вьютъ ся черезъ Днёпро до Кіева."

Зновъ закину интериретамъ, що они важнѣйшй мѣстця Слова поясняють не въ звязи зъ цѣлымъ текстомъ, але надъ кождымъ уступомъ розправляютъ зъ осо̂бна. Очевидно, що кожда така интерпретація ко̂нчити оя муситъ на лко̀йсь догадцѣ, и ко̂лько интерпрето̂въ, сто̂лько и догадокъ — позитивныхъ результато̂въ зъ такои роботы бути не може.

Въ Словѣ переведена дуже хороша паралеля. Коли

^{*)} В. Ягичь въ Archiv für slav. Philologie (томъ I., зош. 2., стор. 299—333) такъ говоритъ: "Въ россійскихъ пѣсняхъ Дунай такъ рѣдко приходитъ, що тыхъ колька примъровъ, де онъ згадуе ся, уважати треба реминисценцією зъ малорускихъ пѣсень народныхъ. Въ Шейна зборнику россійскихъ пѣсень приходитъ Дунай два-три разы только яко римъ, н. пр. Дунай сынъ И вановичъ Дунай. Тотй звороты не маютъ нѣчого спольного зъ тою ролею, яку бдгрыває Дунай въ поезіи народной другихъ Славянъ". Наводжу се миѣце ученого слявиста въ доказъ, якъ то небезпечно при пояснюваню Слова одсылати ся заедно на велико р ущину.

Половцё побёдили и отали Русь нащати, то "готскыма красным Даквы въспасша на брезъ синёму морю" — а паралельно до того уступу каже поетъ, що коли Игорь щаоливо выдобувъ ся зъ неволё и станувъ на руской земли, що тогды "Даквици поють на Доунаи". Якъ та красным Даквы мы найшли въ готской митологіи, такъ теперь сихъ Даквиць на Доунаи шукати мусимо въ митологіи давныхъ Русвиовъ.

Ктожь суть тя Дёвицё, що вразъ зъ Сонцемъ такъ утёшились зъ повороту Игоря?

Се суть Морски панны, майже то само, що нынѣшни наши рѣчни Русалки.

Въ Баснословію Головацкого читаємо: "Русалка значитъ жителька воды, одъ кельтокого олова русъ (вода), одъ котрого кореня и руске русло (середина ръкя) походитъ. То суть та сама Нимфы, про котра згадує Прокопій. Жиючи постойно въ водъ, на празникъ Лады весною, коли вся природа празновала свое воскресене и поворотъ Сонця, они выходили зъ воды и одправляли хороводы на лугахъ, въ лъсахъ и на нивахъ. Русалки суть существа легки, майже безтълесна".

О теперёшныхъ Русаякахъ говоритъ Головацкій: "Нынёшнй повёрки предотавляютъ ихъ существами овавольными, шутливыми; они колишутъ ся по деревахъ, чешутъ оя при свётят мёсяця; але иногди нападаютъ на людей и заскобочуютъ ихъ до смерти. Народъ предотавляе ихъ сообъ существами земно-водными, и розмёщае ихъ такожь по поляхъ и лёсахъ". Посля народного вёрованя мешкаютъ Русалки въ подводныхъ торемахъ и замкахъ, збудованыхъ зъ коралёвъ, мущель и перелъ.

Наведени Головацкимъ давни върованя про Русалки дуже добре надаютъ ся до поясненя Слова. Русалки зъ весною празновали хороводами, танцями и пъснями, по в оротъ Сонця. Сежь саме, хочь иншими словами, говоритъ ся въ Словъ. Коли Игорь выбравъ ся на войну, Сонце покрылось тьмою; коли Игорь бувъ въ неволи, засумовала вся природа, солнцю сутръпъ свътъ, и въ наслъдокъ того инчить трава жалоциами, а дреко съ тоугою къ земли преклонилось. Колижь Игорь повернувъ на Русь, засіядо

Digitized by Google

Сонце назадъ въ цѣло́й красѣ и огъ заразъ въ честь Сонця (а тымъ самымъ и въ честь Игоря) заспѣвали "Дѣкици на Доунан".

Важне еще пытанс, о якомъ то Дунаю говоритъ ноетъ?

У всёхъ Славянъ, а особливо Русиновъ, зачисляе ся Дунай до рёкъ святыхъ. Въ народныхъ пѣсняхъ часто говоритъ ся про Дунай-море, а навёть кожда бо́льша рёка зове ся въ тыхъ пѣсняхъ Дунаемъ.

Въ Словъ выражене Дупай взяте въ одно́мъ мъстци такожь въ значеню переносно́мъ. Ярославна, жена Игоря, такъ плаче про свого мужа: "Полечю зегвицею по Доунаеви; омочю бебринъ роукавъ въ Клилъ ръцъ, оутроу книзю кровавым юго раны на жестоцъмъ юго тълъ".

Ярославна була въ Путивли надъ Днёпромъ, а хоче зазулею летёти по Дунаеви и достатись на степъ. Географы на добре похиталибъ головою, якбы прийшлось выражене Дунай брати въ значеню властиво̀мъ, географично̂мъ. Въ понятю Ярославны Дунаемъ мо́гъ бути то̂лько Днёперъ, тай дёйстно княгиня въ своихъ молитвахъ удаесь межь иншими такожъ до "Днёпра-Словутича", щобы сей на овоихъ фаляхъ приколисавъ Игоря назадъ до неи въ Путивль.

Въ выраженю: Джкици поють на Доунан: выють сы голоси чрезъ море до Кынева, слово Дунай треба брати въ значеню властивомъ. То вже суть слова самого поета, а впрочёмъ выражене "чрезъ море" лишь до спёву наддунайского (при устю рёки до Чорного моря) односитись може. Рёка Дунай, въ географично́мъ значеню, була авторови Слова добре знаною, якъ видно зъ уступу про галицкого князя Ярослава Осьмомысла.

31. Прысноу море полочнощи: ндоуть съморчи мьглами. Игореви кнызю Богъ поуть кажеть изъ земли половецкой на землю роускоую. Погасоша вечероу зари.

Уступъ о утечи Игоря зъ неволё належитъ до найкрасшихъ въ нашомъ поемать, однакъ интерпреты якъ найгорше его скоментовали, понищивши въ нъмъ все. що було доброго подъ взглядомъ языковымъ, поетичнымъ и митологичнымъ. Отъ ихъ выводы:

"Съморчи (кор. мрък) = хмары дощеви. Въ Толковании неудобь-познаваємымъ ръчамъ (XIII. въку) подъ словомъ смерчь читаємо ТАКС ПОЯСИСНЕ: . ПІАВИЦА, ОБЛАКЪ ДЪЖДЕВЕНЪ, НЖЕ ВОДОГ ОТЪ МОЛТ ВЪЗИМА-СТЬ, ШКО ВЪ ГОУБВ, Н ПАКЫ ПООЛНВАСТЬ НА ЗЕМЛЫ." ПОДОВН. СЛОВАДЬ ЗИЗАнія и Беринды: "сморщь — оболокъ, который съ исба спустивши ся воду съ моря смокчетъ". Се вѣроване утворилось мабуть на основѣ древнёго переказу митичного о змін, котра выпивала молоко одъ коровъ бога-громовика, с є. выпивала воду зъ дощевыхъ хмаръ. Познъйше-жь въровано, що тота змія выпиває воду зъ моря, озеръ, ръкъ и жерелъ, и проте фантазія простого люду утворила собѣ мить о смерчи, с. е о хмарь дощевой, котра зъ неба спустившись воду зъ моря смокче. Одтакъ въроване о смерчи було перенесено на дугу або веселку (поровн. польске tęcza, котре первъстно тое означало, що руске туча.) Зъ того вядно, що основою мита о змін, о смерчи та дузѣ послужило зъявище природне, позаякь хмары справдъ зъ выпаровъ земскихъ утворяють ся Колижь авторъ Слова написавъ, що смерчи идуть мглами, то хотъвъ онъ мабуть се высказати, що чорня хмары, котря повисли надъ землею, подоймають ся и счезають изъ мраками. Онижь усуваютъ ся зъ за того, що богъ свътла дозволивъ Игореви вернути ся въ землю родну".

Супротивъ тыхъ выводовъ замёчу найперше, що въ выданю Мусинъ-Пушкина и въ рукописи Катерины нёякй омерчи анё сморчи не приходятъ — танъ стоитъ о и о р ц и и того выраженя безъ потребы на якйсь смерчи замёняти не годитъ ся. (Если давна руска етимологи тоє "неудобьпознаваемое смерчь" выводили одъ "смоктати", то имъ еще простити можна, але що нынёшна етимологи такій выводъ за добрый приймаютъ, то вже оправдё грёхъ непростимый).

Замѣчаю такожь, що иосля ясного тексту Слова нѣяка хмара дощева не спускалась зъ неба до моря, а противно тіи *сморци* просто зъ моря выйшли. Въ парадельно́мъ мѣстци Слова, где описаный прихо̀дъ Дива на побоєвище, сказано: чръным тоучы съ моры идоуть, хотыть прикрыти читыри солица. Ту такожь нема нѣякои бесѣды о спаданю на землю, анѣ о "смоктаню воды".

Словами "съморци идоуть мыглами" зовсёмъ не хотёвъ поетъ сказати, будьто "чорий хмары подоймаютъ ся и счезаютъ изъ мраками". Сморци власне на те покрыли землю, щобы моїть Игорь непостережно одъ Половцівь предириняти овою утечу. Се ясно выплыває зъ текоту Слова и зъ літописи. Игоря стерегло 20 Половцівь чижь моїтом онъ въ ясну ночь уйти ихъ бачному оку? А треба знати, що коїнь приготовленый для Игоря, находивъ ся досыть дзлеко одъ вязниці, ажь на друго́мъ березй ріки. Отжежь не досыть було, подважити стіну вязниці, але треба було незамітно одъ 20 сторожівъ перемыкати ся тайкомъ черезъ ріку — треба було, якъ каже поеть: поскочити гориастанемь къ тростию (въ очеретъ) и біслымь гоголемь на водоу, п доперва переплывши тую воду, сісти на бръзъ комонь. Все то, очевидно, лишь середъ великои потьмы можь було доконати.

Дальше не поясняють зовсёмъ интерпреты:

1. Для чого море прыснуло?

2. О котромъ мори есть ту бесёда?

3. Для чого море прыснуло о повночи, и якимъ чудомъ одъ повночнои мглы вже всисроу погасоща зари?

То такъ було. Ярославна помолилась до Вѣтра, Днѣпра и Сонця, и слезы свои Днѣпромъ по̂слала "на море рано". Добрый Словутичь понѣсъ слезы княгинѣ зъ собою и въ ночи передавъ ихъ морю; отъ и заразъ Чорне море предприняло воѣ мѣры, щобы нещастного князя освободити. Оно заворушилось и цѣлй хмары тумано̂въ (мракъ) понеслись на землю половецку. То̂лькожь воѣ тй мраки не могли були въ одной хвили по̂днятись зъ моря и въ то̂йже хвили покрыти весь степъ. На те треба конечно часу; отожь о по̂вночи море прыонуло, а доперва олѣдуючого вечера погласошл зари на небѣ.

Такій соть хо́дъ мыслей въ Словѣ и надѣюсь, що супротивъ такъ логичного выводу всяка критика замовине. Додамь то̂лько, що моремъ, котре освободжае Игоря, не може бути Сине море, — разъ длятого, що Днѣперъ туды не вливаєсь; въ-друге тому, що Сине море выступає всюда по сторонѣ Половцѣвъ; а въ ко̂нци и длятого, що поетъ въ цѣло̂мъ уступѣ, где говоритъ оя про утечу Игоря, нѣгде нѣ про "Сине море" нѣ про "сина мелы" не згадуе.

Менѣ зовсѣиъ не дивно, що Чорне море выступило къяко противъ Синёго. Такужь аналогичну мысль перепровадивъ и нашь поетъ, Шевченко, въ своймъ поематѣ "Гамалія", где росказано, якъ Чорне море держитъ сторону козаковъ а Босфоръ сторону Турковъ, и якъ Чорне море тяжкими грезьбами змушує Босфоръ до послуху. Чорне море мусйло навъть бути прихильне Русинамъ, бо до него вливають ся двё такъ для Русиновъ священий ръки, якъ Дунай и Дивиеръ. Анужь бы загибвались ти два "Дунав" и понесли свои воды куды инде — а посля поганьского върованя могло справдё такъ стати ся !

Але вернёмъ еще до выраженя идоуть съморци мыглами. Если зведемо тое мёстце зъ мёстцемъ паралельнымъ "чръныы тоучы съ моры идоуть, хотять прикрыти четыри солица", то цёла интерпретація наша готова. Въ одномъ и друго́мъ случаю зъ моря поднялиоь мраки, то̂лькожь въ друго̂мъ случаю зъ моря поднялиоь мраки, то̂лькожь въ друго̂мъ случаю зъ моря поднялиоь мраки, то̂лькожь въ друго̂мъ случаю (чръным тоучы) тія мраки понеслись въ гору, зъ нихъ утворились дощева хмары — а въ першо̂мъ выпадку (идоуть съморци) они налягли "мглами" землю, покрыли цёлый степъ. Недармо то поетъ до слова съморци додавъ мыглами; о̀нъ въ иншо̂мъ мёстци каже: мыгла пола покрыла, — отже и съморци покрыли землю.

Изъ всего выходить, що съморци въ Словѣ означає мраку. Игорь лишь середъ великои мраки, налягаючои землю, мо̂гъ непостережно уйти зъ вязницѣ. А тая мрака залягала землю не лишь ночами, але и днями, якъ видно зъ дальшого текоту Слова, где сказано, що Донець одѣвавъ князя "теплыми мъглами подъ сѣнию зеленоу древоу. Выражене подъ сѣнию (въ тѣни) стягае оя на часъ д нев ный а не но̂чный; выражене теплыми мъглами стягае ся такожь на часъ днев ный, бо если въ ночи (ѝсля сло̂въ поета) була "студена роса", то мусѣлябъ бута и "студени мглы"; въ ко̂нци выражене одѣвати о̂дноситъ ся до мракъ наземныхъ, в не до "хмаръ до щев ыхъ", якъ то хотятъ интерпреты. (Хма ры дощеви и студена роса — якось не найлучше одно зъ другимъ годитъ ся!)

Примътка. Цъле баламутство при толкованю словъ "ндоуть съморци мыглами" натворали россійски интерцреты. Въ языцъ россійскомъ "мракъ" мас инше значене якъ малоруске "мрака", бо означає "по́тьму, темно̀сть", а таке значене не надавалось до тексту Слова, бо предоъ́ по́тьма не може вы ходити зъ моря. Отъ и ченились великоруски интерпреты за "неудобь-познаваемое" слово смерчь, зъ чого и выйшла великаньска нѣсенѣтниця. Та то̂лько жаль, що малоруски интерпреты, мѣсто боронити ро̂днои беоѣды, дали уловитись въ сѣти и на кождой ступѣ о̂дкрываютъ въ Словѣ якись уроени "великоруссизмы". А про ти великоруссизмы, якъ мы повсюды бачили, нема въ староруско̂мъ нашо́мъ поематѣ "нѣ ды ху нѣ слыху".

32. Вътръ-Вътрило, Днъпръ-Словоутичь, тресвътлое Солице.

Помолилась Ярославна давнымъ руско-поганьскимъ святощамъ: Вѣтрови, Днѣпру и Сонцю — и въ наслѣдокъ тои молитвы вся природа, при участи Бога христіяньского, помагає Игореви до щасливого повороту на Русь. (Аналогвчну гадку перепровадивъ Шевченко въ першо́мъ уступѣ "Гамаліи", где наводитъ ся молитва козако̂въ въ неволи).

Що представляють Вѣтерь, Днѣцерь и Сонце? Якъ вѣдомо, цоганьска вѣра нашихъ предко̂вь оживляла духами и ро̂жными существами землю, воздухъ и воду, и въ таки повѣрки особливо богата митологія руска. Вѣтеръ есть ту представителемъ воздуха, Диѣперъ — воды, сонце — свѣтла. Всѣ они Ярославною названи "господинами", т. е. панами людей, землѣ.

Днѣперъ о сто̂лько причинивъ ся до великоп акціи природы, що о̂нъ неустрашимо, сквоз в землю половецкоую, запѣсъ слезы Ярославны до моря.

Море, замѣтивши слезы княгинѣ, заразъ заворушилось и зъ него поднялись безчислений мраки, маючй ити въ помочь Игореви.

Вътеръ понъсъ тіп мраки на поля половецки и покрывъ ними землю.

Сонце, котре (посля молитвы княганъ) надто ясно свътило въ земли половецкой и своими горячима лучами лишь шкодило Игореви и его войску, теперь вже не свътитъ ясно, бо крозь мраки не легко его лучамъ пробити ся до землъ.

· Digitized by Google

Отъ и таку то онтувцію, на приназъ Бога христіяньского, выхосновує Игорь для своєи утечё.

На першій глядъ ока якесь ту дивне заходить помбшане религійныхъ понятій: христіяньскій Богъ разомъ зъ цоганьскими "господинами" ратус князя Игоря зъ неволь. Однакъ мусимо памятати, що авторъ Слова живъ въ 12 о́мъ столётю и бувъ чоловёкомъ мирскимъ. Тогды жила еще въ цовной силъ поганьска религія на Руси. — хриотіяньство въ такъ коротко̂мъ часѣ не могло еще выкоренити вѣрованя давного. Нынё, въ 700 лёть по написаню Слова, всёллкого рода поганьски повёрки жиють такожь въ немалой силё на цвлой Руси; въра въ духовъ (домовыхъ, водяныхъ, польныхъ, лёсныхъ, ночныхъ), въра въ чары, въ знахуровъ и вёдьмы, въ рожного рода заговоры и забобоны не вымерла по нынѣ у нашого люду (а по части и у интелигенція), а противно уважаєсь якбы складовою частею христіяньской религіи. Чижь дивно, що въ 12-омъ въцъ поганьска въра получилась въ христіяньскою въ одну цёлость и ввязалась нерозлучно зъ именемъ христіяньского Бога. Богъ-Хри стосъ станувъ вправде на местце Хръса, але въ понятію тогдышнихъ людей послугувавъ ся тымижь силами природы, що и давнайтий богъ поганьский.

Мы привыкли, читаючи нашихъ лѣтописцёвъ и творы отарорускои письменности, уважати давну Русь краемъ раг ехсеllence христіяньскимъ, але забуваемо, що майже воя давна литература писана була въ монастыряхъ и особами духовными, проте и носитъ на-скро́зь барву религійну. Тымчасомъ поза монастырями выглядало зовсёмъ инакше, а доказомъ того не лишь Слово о полку Игорево̂мъ але и доси доховани повёрки. Тай кто знас, чи въ 12-о̂мъ отолѣтю було вже на ото̂лько священнико̂въ, щобы зъ добрымъ хо̂сномъ могли трудити ся на Руси.

Молитву Ярославны и помочь, яку Игореви удёляє природа при участи Бога, я уважаю не якоюсь поетичною придумкою автора Слова (такихъ религійныхъ системовъ нѣякій поетъ не придумує!), але върною репродукцією тогдышныхъ религійныхъ въровань. И подъ тымъ взглядомъ має Слово для науки незвычайно велику вартость.

18

Digitized by Google

33. Синий Донъ, Д8най-море.

Авторъ Слова называє Донъ майже воюда "есликимъ", а лишь одинъ разъ "синимъ". Послёдній спитетъ приходитъ заразъ въ друго̀мъ уступѣ поемату, где князь Игорь выоказує дружинѣ цёль свого походу на Половцёвъ. Онъ такъ каже: Я всыдемъ, братию, на свои бръзым комони, да позримъ синего Доноу!

У Дра Огоновского оказано: "Синій що до значеня о́дповѣдає латиньскому caeruleus и є стойнымъ знаменованемъ барвы воды; поро̂вн. море сине, лат. caeruleus Thybris, pontus caeruleus, mare caeruleum."

Поровнане зъ латиньскими властивостями беобды до нашого поемату въ свиъ выпадку зововить не надае ся, бо епитетъ "синій" односитъ ся въ Словъ завовгды лишь до готскихъ боговъ и богинь и въ такомъ значеню цише цоетъ всюды: синене море, синии мъглы. Очевидно и той синий Донъ треба въ такомже значеню брати.

Заходить лишь одна трудность. Въ цёло́мъ ноематё уважаесь Донъ якбы рускою рёкою, котра оницатизує зъ войскомъ Игоря и навёть спойманому князеви рада бы помагати. Епитетъ "синій" той проводной мысли поета здає ся противорёчити.

На щасте авторъ Слова дає ажь въ трехъ мъстцяхъ дуже ясный коментарь до выраженя "синій Донъ":

1. По словахъ да позримъ синего Доноу говоритъ Игорь, поясняючи ближше цёль свого походу: хощоу бо копие приломити конець полы половецкаго съ вами, Роусичи. Зъ обохъ тыхъ мёстць видно, що цёлею Игоревои выправы бувъ синий Донъ або конець полы половецкаго, т. 6. стороны принираючи до азовского моря.

2. Поетъ каже, що Дивъ накликуючи Половцёвъ до войны въ Русинами: велить послоушати земли незнанемѣ... и тевѣ, тьмоутороканьскый блъванъ! Область тьмутороканьска лежала при синѣмъ мори (на всходъ) и одгала до нижнёго Дону, где рѣка тая въ море азовске вливае ся. ПокликърДива, зверненый до тьмутороканьского болвана, вказуе на небезпеченьства, яки грозили Тьмутороканеви и его религіи одъ Игоря. 3. Єще докладнѣйше представляє поетъ цѣль Игоревои выправы въ уступѣ, где росказаный "сонъ Святослава". Тамъ наводятъ ся такй слова зъ о̀дгадки бояръ: "Се два сокола (значитъ Игоръ и Всеволодъ) сълетѣста съ отны стола злата, поискати града Тьмоугороканя.

Наконець важна суть и слова лётописи. Тамъ оказано, що войско Игоря, одержавши першу щасливу побёду надъ Половцями, говорило въ бутё: Идемъ по нихъ (на Половцёвъ) лоукоу моры, гдѣ же не ходили ни дѣди наши. Лукоморемъ звалось, и по части нынё зове ся, море азовске.

Теперь чей вже ясно, що значитъ выражене "оиний Донъ". Єсть то тая часть Дону, где его воды вливаютъ ся въ море азовске. Синій Донъ и Сине море становлятъ одну нерозлучну цълость, — безъ воды Дону не булобъ и самого моря азовского.

Якъ усте Дону вразъ въ Синимъ моремъ становитъ одну нероздѣльну цѣло̂сть, такъ усте Дунаю становитъ такужь цѣло̂сть зъ моремъ Чорнымъ. Се ясно выплывае изъ сло̂въ поемату: "Дѣвици поють на Доунан: вьють си голосн чрезъ море до Кынева". Таке побо̂чь-ставлене Дунаю и моря не есть ту припадкове и пригадуе намъ народни пѣсни руски, въ котрыхъ такъ часто сиѣвае ся про "Дунай-море."

Учени кажутъ, що въ пѣсняхъ народныхъ р в̀ка Дунай названа моремъ, тымчасомъ такъ не соть, бо по̀оля правилъ языка говорилось бы тогды "море-Дунай," а таке выражене въ пѣсняхъ лишь дуже рѣдко подыбує ся.

Не подлежитъ сомнъню, що въ старину Чорне море истинно называлось "Дунай-моремъ" хочбы вже зъ того взгляду, що якъ море азовске зъ водъ Дону, такъ Чорне море головно зъ водъ Дунаю творитъ ся.

Двъ инши головни ръки Чорного иоря; Днъперъ (зъ Богомъ) и Днъстеръ суть вь устахъ люду властиво такожь Дунаями. Такъ они звеличани въ пъсняхъ народныхъ, а й въ Словъ, якъ мы бачили, въ одно́мъ мъстци Днъперъ названый Дунаємъ. У всъхъ тыхъ ръкахъ подыбуемо навъть

99 `

опольность назвы, бо приходить въ нихъ выражене Дана : Данаприсъ, Данастрисъ, Данубій.

Нынѣшня назва "Чорне море" зовсѣмъ противна давнымъ религійнымъ понятямъ нашого народу. Епитеты "чорный" и "темный" односились посля поганьскихъ повѣрокъ до божествъ злыхъ и шкодливыхъ, а Чорне море якъ видно изъ Слова — такими божествами не було заповнене.

34. Кто бувъ авторъ "Слова о полку Игорево́мъ".

I.

Учена годять ся въ то́мъ, що авторъ Слова бувъ чоловѣкомъ м н рокимъ, а не особою духовною. Въ Словѣ мѣстять ся числений згадки про поганьски вѣрованя, зъ котрыми поетъ въ велико́й части симпатизує, а цитато́въ зъ св. письма, котрыми переповнени инши творы старорускоя литературы, въ Словѣ о полку Игорево́мъ нѣгде не подыбуемо.

Додамь до тыхъ выводовъ одинъ еще важный доказъ. Нашь старорускій поетъ зъ великою сердечностю згадує про судьбу молодого князя Ростислава, котрый вразъ зъ своєю дружиною потонувъ въ рѣцѣ Стугнѣ. Посля Патерака печерского смерть князя була заслуженою карою за зневажене одного монаха, котрому Ростиславъ велѣвъ звязати руки та ноги, а одтакъ завѣсити ему камѣнь на шію и вкинути до Днѣпра. Очевидпо поетъ, наколабъ бувъ духовною особою, не мо́гбы зъ жалемъ говорити про князя, котрого церковь зачисляла до безбожныхъ убійцѣвъ.

Еще зъ большою почестею односить ся авторъ Слова до галяцкого князя Арослава, котрому въ рядё сучасныхъ собё князёвъ признає первостепение значене. Мы-жь знаемо зъ исторіи, що церковь такожь не дуже симпатично глядёла на Арослава, а то по причинё его любовныхъ зношень зъ боярскою дочкою, Настасею Чагаровною, що и стались поводомъ великихъ заворушень въ Галичи.

II.

Ссть певною рёчею, що авторъ Слова не походивъ зъ боярское родины, але бувъ потомкомъ родины одъ вёковъ славяньскои. На те суть два важни доказы: а) Поетъ исторію руску не починає о́дъ Рурика, лишь о́дъ "о тараго Владимира" (крестителя Руси). Вся окандинавщина, о́дъ Рурика ажь до Володимира Великого, по́сля автора Слова не належитъ до рускои исторіи; то суть у него в'кци Тромии — часы найбольшого нещастя нашихъ предко̂въ, на ро́вни поставления зъ часами дикого половецтва. Такъ судити мо̂гъ то̂лько коренный, честный Славянинъ, котрый зъ о̂дразою дививъ ся на вражу скандинавщину, що завела неволю въ нашо̀й земли. Потомокъ Варяго̀въ (бояринъ) не о̂дносивбы ся зъ такою погордою до своихъ предко̂въ, до своихъ родинныхъ традицій, до своем исторіи. Власть, достатки и права бояръ власне опирались на тыхъ "вѣкахъ Троянихъ".

б) Авторъ Слова зъ великою любовю и почестею представляє поганьску віру Русиновь - Славянь, а по сторонь вороговъ - Половцёвъ умёстивъ боговъ скандинавскихъ. Я вже замётивъ въ попередныхъ статіяхъ, що поганьски народы и племена, приймаючи христіяньску віру, черезь довгй еще столътя держатъ ся своихъ повърокъ и забобоновъ, и що ти повърки, въ пониманю народу, становлятъ зъ върою христіяньскою нерозлучну цёлость. Бояринъ, пишучи Слово о полку Игорево́мъ, бувбы корыстувавъ ся своими, скандинавскими повърками, у него въра повночна зрослась бы въ одно зъ върою христіяньскою, булабы высшою одъ въры Славянъ. Есть предсё загально знаною правдою, що боярство все и всюда односилось въ погордою до подбитого народу, до "хлоновъ" и "смердовъ", и що въру того хлопотва идеализувати не думало. А заровно и то певна рачь, що бояринъ, оосбливо въ давныхъ часахъ, не робивбы студій надъ вѣрою "хлоповъ" и не представлявбы тои въры въ головныхъ ен засадахъ, якъ то находимо въ староруско́мъ поемать.

III.

Авторъ Слова бувъ безсомнѣнно родомъ зъ Галичины. Опираю сю мою гадку на слёдуючихъ даныхъ:

 а) Укладаючи сонъ князя Святослава, поетъ послугувавъ ся топографичными назвами нашого краю (Галичины), наводячи мѣстцевости якъ Плѣснеско и дебри Исканьскй. Поетъ зъ горы знавъ, що бояре кіевскй, не будучи обзнакомленй зъ нашою землею, зрозумёють назвы Плёснеско и Искань въ иншомъ змыслё, що проте оба тй выраженя якъ найлучше въ томъ выпадку придадутъ ся до играшки понятій. Мы жіючи въ Галичинё, про дебри Исканьска, вынявши хаба дотычну околицю, нёколи не чували и якбы не письмо от. Созаньского, помёщене недавно въ "Зори", нёкому бъ въ свётё и не снилось про тй дебри. А зъ одкижь про Искань, а по части и про подъущале тогды Плёснеско, могъ знати авторъ Слова, жіючій при дворё Игоря, такъ далеко одъ нашои зэмлё, ажь на противоположномъ ко̂нци давнои Руси, въ сверско́мъ Новгородё? Таке детайличне обо́знане зъ првкарпатскою Русею не може бути случайне, а вказує конечно на колишній побыть поета въ Галичинь.

6) Найкрасшими мёстцями Слова уважають ся тй уступы, що односять ся до галицкого князя Осьмомысла и до его доньки, Ярославны (жены Игоря). Про молитву Ярославны ягадувавь я въ поцередныхъ статіяхъ; уступъ же про Ярослава звучить такъ: "Галицкы Осмомысле Мрославе! высоко съдиши на своюмь златокованиъмь столъ, подперъ горы оугорьскыи своими желъзными плъкы, вастоупивъ королеви поуть, затворивъ Доунаю ворота, меча бремены чрезъ облакы, соуды риды до Доунаю. Грозы твом по землымъ текоуть: отворыеши Кысвору ворота, стрълыеши съ отны злата стола салтаны за землыми. Стрълыещи съ отны злата стола салтаны за землыми. Стрълыещи съ отны злата стола салтаны за землыми. Стрълыещи съ отны злата стола салтаны за

Колькома реченями подавъ ту авторъ Слова дуже удачну характеристику Ярослава и его часовъ. Одношеня галицки, мимо такъ значного оддаленя поета, були ему, якъ бачимо, добре знани, лучше навъть якъ лътописцямъ, котри мешкали ближше Галичины, а однакъ не даютъ такъ повного, а гдекуды такъ детайличного образу панованя Яроолавового. Поетъ въ своёй одозвъ до рускихъ князъвъ наводитъ Всеволода, Рурика, Давида, Романа, Мстислава, Ингвара, Всеволода, Ольговичъвъ и Мстиславичъвъ — и до всъхъ тыхъ князъвъ говоритъ лишь лестными подхлъбствами и загальными фразами, а только про Галичину и про галицкого князя згадуе дуже подробно. Поетъ описуе територию

Digitized by Google

Галичины и си границі (Карпаты и Дунай), знає про замыслы угорского короля, величає желізни полки и золотокованый престолъ Ярослава, згадує о єго выправахъ на далекихъ султановъ, о єго голосной, світовой славі. Такій одушевленый покликъ, полученый зъ докладнымъ знанемъ краю и єго одношень, могъ выйти єдино одъ особы, котра зъ близька свідкомъ була представленыхъ подій.

Думаю такожь, що не безъ причины золе поетъ жену Игоря не по си властиво́мъ имени (Евфрозинія), але по имени отця (Ярославна). Видно, що до имени галицкого князя вязались вдячни якись споминки староруского нашого поета.

в) Въ языковой части Слова, якъ мы бачили, мъстятъ ся выраженя, котра нынѣ лишь при помочи хорватскосербскои бесёды пояснати можна. Мы-жь знасмо, що Хорваты и Сербы були до семого въку мешканцями нынъшнои Галичины (а не мешканцями Украины), проте задержати могли богато властивостей языковыхъ, котрй въ нашихъ сторонахъ въ 12-о́мъ столѣтю еще жили, але теперь по части (Кажу "по части", бо изъ словъ, поясненыхъ вымерли. мною на подставъ сербскои бесъды, одно вже однайшлось въ Галичний, пменно слово "чилый". Менъ власне доноситъ проф. Ал. Борковскій, що выражене "чилый" жіе въ устахъ руского люду еще дося въ Сяноцкомъ окрузѣ въ значеню "безт вады, добрый", отже въ то́мъ значепю, якъ его ужавають Хорваты и Сербы. и якъ его уживъ авторъ нашого Слова. Не сомнѣваюсь, що и инша мнима "сербизны" Слова въ нашой Галичинъ однайдутъ ся.)

г) Въ Словѣ о полку Игорево̂мъ приходитъ цѣкава граматична форма "моужайме см", не уживана въ прочо̂й Руси, лишь у насъ въ Галичинѣ, въ такъ звано̂мъ го̂рско̀мъ нарѣчію, головно у Бойко̂въ и Лемко̂въ, т. с. въ горахъ Стрыйскихъ, Самбо̂рскихъ и Сяноцкихъ.

д) Въ текстё Слова, выдано́мъ Мусинъ Пушкиномъ, приходятъ часто двё чистй самогласни побочь себе, черезъ що повотає такъ званый роззъвъ: въщила, сна, тр8пна, копна, веселиа, съ зараниа. Се такожь дохована до нынё властиво̂сть нашихъ го́рняко̂въ, — они говорятъ: мо-а, мо-у, Стры-омъ, руко-у, душе-у, чу-у, спѣва-у, сиѣва ешь (гл. Головацкій, Розирава о языцѣ южноруско́мъ, сгор. 49, 51, 52, 54). е) Въ Словъ, частвище якъ въ иншахъ памятникахъ старорускихъ, приходитъ самогласна р: Бръзый, връхоч, мркнешь,първый, подпръ, пръсты, ркоша, Хръсъ,чръный, чръленый, чръленый; аркоччн, връже, пожръшн, претръгоста, очтрпѣ, чръпахочть. Тая самогласна есть важною властивостею старославяньской бесёды, однакъ въ старорускихъ памятникахъ уже часто находимо попри р якусь самогласну, посля новъйшого выговору. Одинъ лишь авторъ Слова майже всюды^{*}) заховуе самогласну р и владае нею зъ незвычайною вправою, пишучи одвътно до потребъ ратмики: р, ръ, рь, ър, ар. А таку вправу мо̀гъ мати едино Галичанинъ, особливо зъ околиць го̀рскикъ, где, якъ вѣдомо, самогласна р до нынѣ еще доховала ся (и зъ твердымъ и зъ мягкимъ выговоромъ).

ж) Въ Словъ, частъйше якъ въ иншихъ намятникахъ старорускихъ, приходятъ по шипячихъ согласныхъ самогласни іотовани: начыти, тоучы, троучыти, мычючи, полечю, дождю, горычюю лоучю. Суть се правильни формы, старославяньски, и нынъ въ Галичинъ (вынявши окраины Волыня и Подоля) загально уживани. У насъ говорятъ горняки, а чъсто и долиняне: чюю (чюу), хочю; говорятъ : чясъ, жяль, лошя (а надъ Днъстромъ: чесъ, жель, лоше) и т. д.

в) Въ Словѣ знаходимо въ двохъ мѣстцяхъ перемѣнене ч на ц, именно въ словахъ: лоуцєжь и Роусици мѣсто лоучежь и Роусичи**). Оба тй слова приходятъ въ друго̂мъ уступѣ поемату а мабуть подо̂бнй перемѣны находили ся и въ дальшихъ его частяхъ, але переписувачь лишь въ початкахъ державъ ся вѣрно тексту; а по̂знѣйше поправлявъ вже по̂сля

^{*)} Назву мѣста Чернигова вымавляє поеть будь твердше (Чръннговъ), будь мягше (Черниговъ) безъ самогласной р, одвѣтно до той вымовы, яка тогды вь самой черниговщинъ вже усталилась була. Въ словѣ-жь "сердис', якъ ритмъ поемату вказус, р не есть согласною; тое выражене есть три сложне и читати его треба: се-рд-це. **) Въ Словѣ приходитъ часто именникъ женьского рода

^{**)} Въ Словъ приходитъ часто именникъ женьского рода "мищи" яко collectivium (= птицъ). Питерпреты перемѣняютъ въ томъ словъ ц на ч, зовсъмъ непотрѣбно, бо у насъ въ Галичинѣ уживаєсь и теперь еще повсюды слово "птиця" яко именникъ зборный: птиця робитъ шкоду, птиця внадила ся и т д. Межи птиця а птиць есть та сама аналогія, що межи пѣсня а пѣснь, луча а лучь, басня а баснь нт. д.

свого выговору. Интериреты наведену перемёну ч на ц уважаютъ вплывомъ нарёчія "повночно-великоруского", але я думаю протавно, що то особенность наша, галицка. У насъ въ загалё частиця чи выговорює ся ци, мёсто "точило" говорятъ "тоцило", гдекуды кажутъ навёть цьесъ (часъ), цьую (чую). Въ мёсточкахъ нашихъ (якъ Дрогобычь, Тысьмениця и иншихъ) кожде ч перемёняютъ на ц*). Має то бути, въ понятю мёщанъ, щось красшого о̀дъ бесёды "хлопскои".

в) Въ Словѣ приходятъ перемѣны межи самогласными є и и: мычючи м. мечючи, кноуце м. кноуци, море (7. падежь) м. мори. И тую перемѣну уважаю властивостею галицкого нарѣчія, дохованою доси особливо въ бесѣдѣ Гуцуло̂въ и всѣхъ буковиньскихъ Русино̂въ. Въ Галичинѣ така перемѣна заходитъ въ выговорѣ найбо̂льше по согласныхъ к и χ; мы всѣ вымовляемо: грѣхе, книжке, тяжкеј, кенути, — часто такожь: хетрый, хетати, похелити, хе́ба, кеј, и т. д.

к) Въ Словё приходятъ побочь формъ старославяньскихъ: Владимиръ, вранъ, забрало, храбрый, градъ, такожь формы спеціяльно руска, по вноголосна: Колодимиръ, воронъ, забороло, хоробрый, пригородити. Формы старославяньска перемагаютъ въ Словё, а въ деякихъ выраженяхъ, якъ злато и драгый, уживаютъ ся навёть выключно. По моёй гадцё не есть то самъ только случай, що наша Лемки любуютъ ся въ коротшихъ отарославяньскихъ формахъ и говорятъ звычайно такожь: златый, драгый (гл. Головацкій, Розправа о языцё южн., стор. 53, 55). Хорваты и Сербы, колиший мешканцё нашого краю, повноголосныхъ формъ въ наведеныхъ словахъ зовоёмъ не маютъ.

^{*)} Замиловане рускихъ мѣщанъ въ звукахъ сычачихъ (мѣсто шипячихъ) дае нашимъ селянамъ предметъ до насмѣшокъ Въ околици Дрогобича говорятъ до себе селяне, побачивши мѣщанина: "Прийсосъ мъсиукъ зъ Дрогобица по цибулецки.."

Тое ц рускихъ мѣщанъ не есть чистымъ звукомъ сычачимъ, але выговорює ся гдещо мягше, по серединѣ межи ць а ч. Нашй граматики на той подъ кождымъ взглядомъ цѣкавый звукъ не звертали уваги, хочь то дуже старинна властивость галицкоруского языка. Звукъ той прочой Руси незнаный, а доховавъ ся въ цѣлой повнотѣ только въ хорватско-сербскомъ языцѣ, где и означаютъ его окремого рода знакомъ.

л) Уживана въ Словѣ формы: абыхъ, дытлови, едниъ, стрѣчаютъ ся вправдѣ и въ иншихъ старорускихъ памятникахъ, але трудно приходитъ ся оконстатовати, чи авторы тыхъ памятнико̂въ, монахи, придержувались языка книжного, чи народного. Въ нашихъ горахъ форма быхъ уживає ся повсюды, а форма на "ове" приходитъ такъ въ горахъ якъ и на долахъ, навѣть для означеня предмето̂въ неживотныхъ: ды мове, столове, хлѣбове. (Го̂рнякъ-Лемко говоритъ: "Ды мове стелютъ ся и вовци выютъ, буде бѣда!"). Слово єдниъ (єденъ) уживане вагально въ цѣло̀й Галичинѣ.

На подставѣ тыхъ рѣчевыхъ и языковыхъ выводовъ приходжу до заключеня, що авторъ Слова бувъ Галичанинъ, родомъ въ Сяноцкого округа, въ околицѣ Исканя. Якимъ способомъ доставъ ся о̀нъ такъ далеко на по̀вно̀чь, на дво̀ръ князя Игоря, рѣшити тяжко, але есть на те дуже имовъ̀рна догадка.

Въ 11-о́мъ уступѣ сеи розправы, говорячи про старорускихъ поето́въ, навѣвъ я зъ житя о́в. Теодозія одинъ важный уступъ про обычаѣ на дворахъ князѣвъ. Тамъ сказано, що св. Теодозій, зайшовши одного разу до палаты князя, "видѣ многія играюща предъ нимъ: овы гусленныя гласы испущающи, другія же органныя гласы поюща, инѣмъ замарныя пиоки гласящимъ; и тако воѣмъ играющимъ и веселящимся, якоже обычай соть передъ княземъ". Видно зъ того, що на дворахъ князѣвъ були музыканты, спѣваки, комедіянты и т. д. Безперечно и нашь "Лемко" попавъ на дво́ръ князя Ярослава, а коли Игорь оженивъ ся зъ донькою галяцкого князя, о́нъ вразъ зъ княгинею переѣхавъ на по̂вно̂чь. Зъ Слова бачимо, що вдячну память про Ярослава хоронивъ поетъ и въ ново̂й своѣй о́тчинѣ.

Digitized by Google

ПЕРЕГЛЯДЪ.

				ъ текств Слова
				посля выданя
		стор		ра Огоновского :
До Читателѣвъ	•	•	3.	
жаждею имъ лоучи съпр	МЖE	•	7.	
злато ожерелию.	•	•	7.	XI
жестокъ	•	•	8.	IX, XII
тлъковина	•	•	10.	
тоулъ	•	•	10.	IX
чили, чилый, чиль •	•	•	11 .	, II
желъзнин папорзи 🔒	•	•	13 .	X
HE LITEROMIAHEME IECH .	• '	•	15.	III, V
розиносы	•	•	17.	XI
копны поють на Дочнан	•	•	17	. XI
съпала книзю оумъ похо	оти	•	19	II
жалость знамению засто		•	19	II
зары свыть запала .	1		20	111
рекъ Боинъ исходи.		-	21	XIV
(Поеты давной Руси))		22	
готскый красный Джвы		-	25	IX
дъвка, Дъва	•		29	IV, VIII, IX
синее вино съ троудомь	CT-MT	-	•	
		_	3 0 .	IX
од ввах кте.	•	•	31	IX
въ Кыювъ на горахъ	•	-	31	TV
(Про Вальгалю и Вал	ькирі	-	33	
Анвъ			35	III, IX
Древо		-	38	TTT
BOYCOBO BOEMIA .	•		39	IX
Боганъ		-	41	т
Оуримъ кричать подъ са	- FAHMI	•	$\overline{42}$	TV
въ дроузъ тълъ .		•	45	XI
клюками подпръ сы о н	Кони и	-	•	
скочи		-	46.	XI
лютымь звъремь	•	•	49	XI
оутръже воззни стрикоу	•	-	50	377
AU111-4 141 19 1 4		-	51	VI
жребий о джвицю себж л	ADAK	-	51	XI
въцини Бошне, Велесовъ	PHACU	-	52	
(Волхвы въ давной Р		-	55	
бъща дебрь Кисаню .	, 5 1)	-	56 .	IX
	•	•	58	IX
Бос оу вн вранн	•	-	58	IX
всю нощь съ вечера .	•	•	58	IX
не сошлю къ синемоу мо	P.00	• •	•	

Digitized by Google

:	сторона		въ тенств Слова посля выданя Дра Огоновского :					
(Сонъ князя Святослава	И							
одгадка бояръ)	•	59	•	IX				
4) MOUTENE CONE	•		-					
въ Выевъ на горахъ								
снночь съ вечера								
чръна паполома								
на кровати тисовћ								
в) босоувн вранн възграшхоч								
Патеньско								
Шароканю в) бѣша дебрь								
AATENTS MICTS								
Г) НЕСОШАСЬ								
д) сыпахочть мн тъщими точлы	пога-	-						
ныхъ тлъковниъ женчюгъ на лоно								
6) дъскы безъ кн ⁴ кса								
Тьмоуторокань								
ж) оуже златовръсталь 3) велнкый жемчоугть на лоно								
н) въ моръ погроузиста								
землы Трошны, въци Трошни	-	73		VIII, VI				
(Троянъ).	•	76	•	··				
	•	77	•	п				
тропа Троканка	•	79	•	v				
Вътри, Стрибожи вноуци	•	81	•	XI, VI				
Хоъсъ, Дажьбогъ	• • • •	01	•	AI, VI				
(Поганьска въра Русино	087-	83						
Славянъ)	•	86	•	x				
Донъ кличеть	•	00	٠	Λ				
на сребреных врезъхъ, при	TE-	00		VIII				
мн 'х берез'х	•	89	•	XIII				
солнце тъмою поуть застоуп								
солнцю очтрпк свкть, сол	лнце	00						
свътнть си на небесъ .	•	90	•	$\underline{\mathbf{III}}, \mathbf{X}, \mathbf{XIV}$				
Д'ввици поють на Дочнаи	•	90	•	XIV				
прысноу море полочнощи .	•	92	•	XIII				
НДОУТЬ СЪМОРЦИ МЬГЛАМИ	•	93	•	XIII				
Ватръ - Ватрило, Диапръ-С	70-							
`Воутнчь · · ·	•	96		XII				
Синий Донъ, Доунай-море	-	98		II, XIV				
	-		•					
Кто бувъ авторъ "Слов	80							
полку Игорево́въ"		101	_					
TORUA TICHODORD	•	101	•					

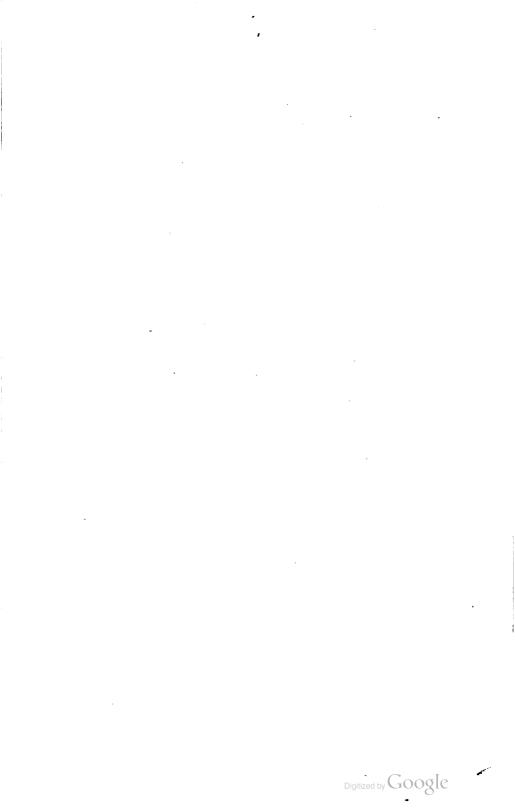
Похибка печатна.

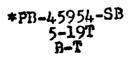
На стор. 67, стихъ 13 зъ горы, читати треба такъ: Сы пах очттанитъщи има точлы поганыхъ таък овинъ великый жета атичногъ на она.

٠

١.

. .

.

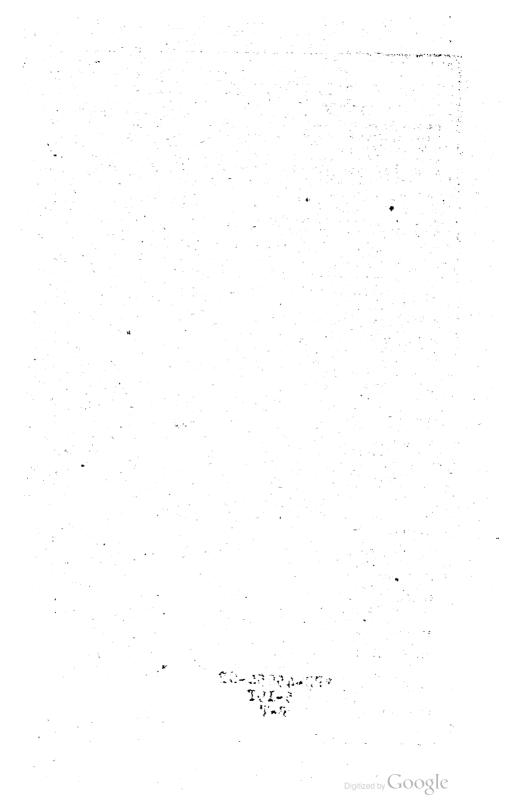
1

.

、 ·

. :

-

ут письмо литературно-наукове, подъ редакцією проф. Ом. Партыцкого, выходить во Львовѣ два разы на мѣсяць, кождого 1-ого и 15-ого посля руского численя. До кождого числа .Зорѣ додає ся въ окремомъ, книжковомъ форматѣ що-найменше одинъ аркушь "Библютеки Зорѣ, въ котрой помѣщаютъ ся повѣсти, драматы, описи подорожей и рожнородни розправы.

SOP

Предплата на "Зорю вразъ зъ "Библіотекою Зорв" поставляє ся якъ найнизша: квартально 1 зр. поврочно 2 зр., цілорочно 4 зр. (на велиновомъ паперів: поврочно 2 зр. 50 кр., рочно 5 зр.)

Въ редаціи "Зоръ"

можна набути слёдуючй книжки власного накладу:

1. Повъсти Марка Вовчка, три томы, въ цёнё 1 зр.

2. Повъсти Николая Устыановича въ цънъ 70 кр. (на лучшомъ паперъ 85 кр.)

3. Страстный Четверъ, оповѣданс Николая Устыановича, въ цѣвѣ 38 кр. (на лучшомъ паперѣ 45 кр.)

4. Месть Верховинця, оповѣдане Николая Устыановича, въ цѣнѣ 32 кр. (на лучшо́мъ паперѣ 40 кр.)

5. Оповъданя Николая Гоголя, въ цъвъ 35 кр.

6. Сваты (образець зъ галицко-руского житя) написавъ Денисъ, въ цвив 28 кр.

7. Гальшка, княгиня Острожска, оповъдане историчне Дра Из Шараневича, въ цънъ 1 зр.

8. Старорускій княжій городъ Галичь, критичее студіюмъ Дра Из. Шараневича, въ цёнё 32 кр.

9. "Зоря" зъ року 1880: на звычайномъ паперъ З зр., на велиновомъ 4 зр.

10. "Зоря" въ року 1882, въ цънъ 5 вр. а. в.

11. Марта Борецка, оповідано ноторичне, въ ціні 32 кр.

12. О выхованю (подручникъ для рускихъ женщинъ), въ цънъ 30 кр.

18. Надельмаєръ, апостолъ свободы (цекава исторія въ житя баламута-соціялиста), въ цене 10 кр.

14. "Газета Школьна" зъ р. 1878 (оправлена) по зниженой цёнё 1 вр.

15. "Газета Школьна" въ р. 1879 (оправл.) по зниженой цвит 1 вр.

16. Проводни идет въ письмахъ Тараса Шевченка, въ цънъ 35 кр. (правопись фонетична).

17. Завъщане Тараса Шевченка, зъ музыкою М. Вербицкого, въ цънъ 35 кр.

18. Маруся, повъсть Квътки-Основяненька, въ цънъ 25 кр.

19. Фотографія 26-літного Тараса Шевченка, въ формать книжковомъ, въ ціні 50 кр.

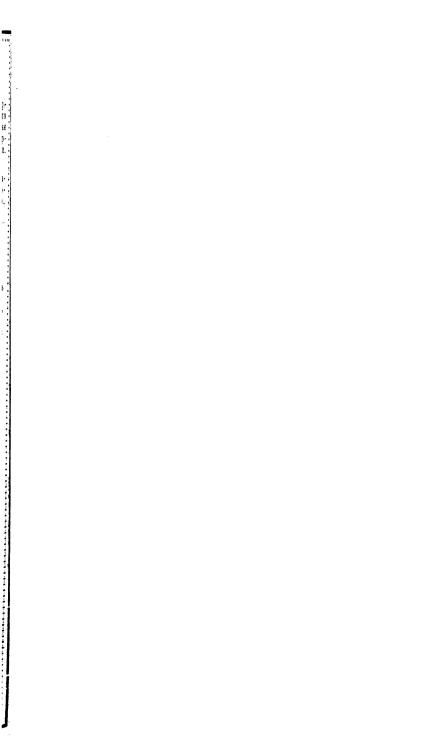
20. Портреты Ник. Костомарова, Ник. Гогодя, Ник. Лисенка и Ив. Нечуя-Левицкого — всъ разомъ въ цъвъ 56 кр.

81. Захаръ Бернутъ, повъсть Ив. Франка, въ цънъ 1 зр. 30 кр. 22. Жъноча неволя въ рускихъ пъсняхъ наредныхъ, написавъ Ив Франко, въ цънъ 35 кр.

Digitized by Google

23. Темня мъстця въ "Словъ о плъку Игоревъ", поясеневъ Ом. Нартыцкій, въ цънъ 1 зр. 40 кр.

n de texte texte de la texte

Digitized by Google

٦.

•

₩ . .

.

THE BORROWER WILL BE CHARGED THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

one of Google